

ЗАКОН И ВЛАСТЬ

№4
2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Динамика концептуальных интерпретаций политической толерантности. *Лошков А.Г.* 3

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

Генезис становления политической культуры личности. *Запороженко Э.В.* 8
Технологии влияния государственной политики на процесс формирования политического воспитания молодежи. *Травкина Н.Д.* 12

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Подходы к функционированию механизмов политического управления. *Нурышев Г.Н.* 16
Система стратегического управления в политической деятельности государства. *Косов Г.В.* 21

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

Составляющие механизма реализации речевой манипуляции в политике. *Мидова В.О.* 26
Виды манипулятивного воздействия и тактика манипулятивного средства представления информации в политическом дискурсе. *Евтушенко Г.М.* 30

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Приднестровский кризис, как фактор дестабилизации в юго-восточном регионе Европы. *Егоров В.Г.* 34
Косово как дестабилизационный фактор Балканского региона. *Драшкович В.* 39

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Мероприятия по повышению электоральной активности граждан России на выборах. *Дюг М.И., Грудинин Н.С.* 44
История создания и развития военной юридической службы в России. *Богданов В.Н., Ли Д.А.* 48
Вопросы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. *Кузьмина Т.В., Климов А.С.* 52

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вопросы правового обеспечения деятельности и развития нефтегазовой отрасли. *Бунина С.Н., Пальчикова С.И.* 57

НОВЕЛЛЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Проблемы развития киберпреступности в современных реалиях. *Бесхмельнов М.И., Симакова Д.Е., Ахонин А.С.* 60

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN 2587-831X Подписной индекс Роспечати 65005

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru Сайт: http://zakonivlast.ru/

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ (*гл. редактор*)

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции (*зам. гл. редактора*)

Завершинский Константин Федорович, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и философии политики, Санкт-Петербургский государственный университет

Конышев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры теории и философии политики, Санкт-Петербургский государственный университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., директор Саратовского филиала, Институт государства и права РАН

Мартьянов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Нурышев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, РГУПС

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина — филиал РАНХиГС

Яковлев Александр Юрьевич, д-р полит. наук, зам. заведующего кафедрой государственного и муниципального управления, Институт государственного управления и права, Государственный университет управления

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии

ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Подписано в печать: 28.12.2019
Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

List of References

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Dynamics of conceptual interpretations of political tolerance. *Loshkov A.G.* 3

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGY

The genesis of the formation of the political culture of the individual. *Zaporozhchenko E.V.* 8

Technologies of the influence of state policy on the formation of political education of young people. *Travkina N.D.* 12

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Approaches to the functioning of political governance mechanisms. *Nuryshv G.N.* 16

The system of strategic management in the political activity of the state. *Kosov G.V.* 21

POLITICAL REGIONALISM. ETHNOPOLITICS

Components of the mechanism for the implementation of speech manipulation in politics. *Midova V.O.* 26

Types of manipulative influence and tactics of a manipulative means of presenting information in political discourse. *Evtushenko G.M.* 30

CONFLICTOLOGY

Transnistrian crisis as a factor of destabilization in the south-eastern region of Europe. *Egorov V.G.* 34

Kosovo as a destabilizing factor in the Balkan region. *Draskovic V.* 39

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY

Measures to increase the electoral activity of Russian citizens in the elections. *Dyug M.I., Grudin N.S.* 44

The history of the creation and development of the military legal service in Russia. *Bogdanov V.N., Lee D.A.* 48

Issues of ensuring the national security of the Russian Federation. *Kuzmina T.V., Klimov A.S.* 52

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES

Legal support for the activities and development of the oil and gas industry. *Bunina S.N., Palchikova S.I.* 57

NEWS OF LAW AND LAW ENFORCEMENT

Problems of the development of cybercrime in modern realities. *Beskhmel'nov M.I., Simakova D.E., Akhonin A.S.* 60

ДИНАМИКА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Лошков Александр Геннадьевич,
канд. полит. наук, доц., кафедра политологии, ЮФУ,
ag_loshkov2@mail.ru

Содержание института толерантности от начала воплощался в идеях и концепциях терпимости, которые имеют значительную историю развития. Формирование понятия началось еще во времена античных философов, однако, понимание толерантности в ее современном определении оформляется лишь во второй половине XX века. Термин «толерантность» происходит от латинского понятия *tolerantia*, что означает терпимость. В Декларации принципов терпимости, подписанной 16 ноября 1995 года 185 государствами-членами ЮНЕСКО, определяется: «толерантность – это уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов выявления человеческой индивидуальности». Понятие толерантности как концепта, а впоследствии как комплексного института, формировалось на протяжении многих веков, и этот процесс продолжается и сегодня. Термин «толерантность» менялся в соотношении с эпохами, которым было присуще определенное понимание «истины» и ее места в общественно-политических отношениях.

Ключевые слова: толерантность, история развития, человеческая индивидуальность, понимание, истина.

Институт толерантности до сих пор развивается и представляет один из центральных дискуссионных вопросов современности. С развитием общества меняется и само значение данного феномена для индивида, социальной группы, государства и международных интеграционных процессов. Это порождает потребность в новых методах регулирования и контроля, которые смогут соответствовать действительности и новым вызовам нынешней плюралистической реальности. Современный плюралистический политический пространство создает интеграционное поле, где происходят разнообразные взаимодействия и социальные сечения. Глобальный политический процесс порождает необходимость поиска толерантных моделей существования в единой социально-политической макросистеме.

Фундаментальные основы понимания института толерантности были заложены в рамках развития философской мысли. Во времена античности проблема толерантности не относилась публично и целостно не исследовалась, а лишь некоторые ее составляющие рассматривали философы тех времен, как Гераклит, Левкипп, Демокрит, Сократ, Платон и другие. Теоретики достаточно большое внимание уделяют как терпимости и мира в контексте стабилизации отношений, так и конфликтам в обществе как природным явлениям общественно-политического процесса. Но следует отметить характерную локальность понимание проблем нетерпимости в общественно-политических процессах того времени. В античную эпоху проблема занимала лишь внутреннее пространство или межличностные отношения [2, с. 30]. Тогда как, сегодня вопросы толерантности составляет мировую глобальную проблему человечества, развития геополитики и международного общественно-политического процесса. Древнегреческий философ Гераклит рассматривал нетерпимость как обычное состояние общества, где существуют противоположности в разных формах и проявлениях и их борьба постоянная и неизбежная. «Борьба – столкновение противоположностей – является подвижной начало из множества, гармония – из столкновения противоположных зачатков

и их борьбы». Мыслитель признает развитие человеческого общества, но в человеческих отношениях, по его мнению, царит борьба противоположностей, что неизбежно влечет за собой войны между народами. Защищая рабовладельческий строй, Гераклит утверждает, что война – отец всего и царь всего. Для одних война означает быть богатыми, других – бедными, одним – быть свободными, другим – в рабстве. Гераклит был сторонником аристократии: «Для меня один стоит десяти тысяч, если он лучший». То есть, нетерпимость в общественных отношениях античности – это постоянная борьба и противостояние, которых невозможно избежать вследствие противоположности и различия людей в обществе. Такой тип отношений признавался неизбежным и не осмысливался как глобальная проблема [4, с. 290]. Философы рассматривали вражду и нетерпимость, так же и мир, как закономерность и естественное явление в общественно-политических отношениях.

Однако, мирное сосуществование в политических отношениях было вопросом философских споров и рассуждений. Так, имели место и идеи необходимости мира между людьми и между правителями и обществом. В данном контексте, именно межинституциональное взаимодействие, государственных и социальных институтов еще в античные времена, в большей степени рассматривалась как конструктивное явление для стабилизации социально-политических связей. Главным фактором такого мира было – познания человека в себе и в единстве с внешним миром, смысла и логики бытия. Также, осмысливалась проблема человеческого сосуществования. Значительное внимание в этом вопросе уделялось форме государственного устройства. Именно в контексте типа правления и отношений между государством и обществом рассматривалась проблема мирного сосуществования общества. Известный мыслитель того времени Сократ считал самым большим назначением человека – познание общества. По мнению философа, «познавать себя и общество людям нужно не столько ради разработки каких-то теорий, сколько для решения практических задач, овладение ими ради «искусства жить». Незнание людьми самих себя – причина их плохих поступков и всех общественных пороков. По сути, именно Сократ первым заговорил о потребности в специальных знаниях об обществе, необходимых для практики человеческого общежития, и поставил проблему осмысления взаимосвязей общества и конкретного человека». Сократ один из первых мыслителей, кто подчеркивал право человека на собственный поиск истины в процессе познания. Именно античная мысль сформировала начальное понимание необходимости поиска истины через диалектический метод [6, с. 255]. В дискуссии и диалоге Сократ видел поиск истины, что имеет первостепенное значение для формирования идеи толерантности.

Терпимое отношение к альтернативным позициям и в межличностных отношениях рассматривается как важный фактор развития социальной и

политической компетентности. Уровень знания относительно субъектов, особенностей их идей проецируется на уровень понимания и принятия самого субъекта. Неизвестно воспринималось и раньше, как враждебное. Варварами называли неизвестные племена и сообщества. И общество, какое-то античное, или первобытные сообщества, пытались защититься от «чужих», «других», «неизвестных», используя механизмы идентификации. А изгнание человека за пределы полисов в Древней Греции считалось суровым наказанием. В условиях неизвестного, жизнь за пределами сообщества представлялось как самая большая социальная опасность.

Гармонизация политической и социальной сферы, сбалансирования конфликта и согласия ориентированы в античные времена на мировоззрение людей и определенные типы ментальности. Античными философами была сформирована концепция различия людей не только по социальным верстами, но и в характерных им типах мышления. По концепции «эйдосов» Платона, только философ смотрит на «иное», «чужое», но не останавливается мыслить о его идею, и именно это видение предмета в его прообразе помогает быть терпимым к различиям других, что приближает его к идее человечности. Диалектика не имела бы возможности зародиться и развиваться, если философ не пытался бы вести дискуссии с другими философами, при всех их разногласиях в видении бытия. Именно терпимость в диалоге идей создала такой философский метод, как диалектика. Единство противоположностей порождает развитие и создает новые формы мышления и новые концепции социального и политического бытия. Борьба во взглядах имела важное место в философии того времени.

Платон считал, что война в обществе – это большое зло, а вместе с тем вражда, борьба и конфликты в нем. Тем не менее, невозможно вообще избежать данного явления. Если возможность взаимодействовать на основе аргументации имеет место, то не уместно использовать силовые методы. Однако, как отмечает исследователь, когда это невозможно: «...мы должны провозгласить право подавлять их в случае необходимости даже силой: ведь вполне может оказаться, что они не готовы общаться с нами на уровне доводов разума и начнут с того, что отбросят все доводы». Автор отмечает в таком случае право применять нетерпимость к нетерпимым. В большинстве концепций античности терпимость представляет собой – мирный и дружный состояние общества, который имеет тенденцию постоянно меняться на вражду и борьбу, в результате различия и противоположности людей и их мышления [8, с. 143]. Эти изменения – неизбежный и циклический процесс.

Начальной институциональной формой толерантности стала именно веротерпимость в эпоху Средних веков. Эпоха способствовала развитию идеи толерантности в контексте интерпретации библейских текстов. Терпимость берет свои истоки из ранней патристики. А именно в трудах таких

представителей ранней патристики как, Климент Александрийский. Итак, терпимость раскрывается как «любовь, ласка и милосердие к человеку. В таком виде толерантность была открыта миру привлечением второго лица Троицы, Бога-Сына, в виде Иисуса Христа. Весь этот акт – от предсказания о рождении Христа до Его воскресения – может быть понят как акт толерантности Бога к человеку. Поэтому в христианской новозаветной традиции толерантность представлена как религиозная ценность, составляющая образ мысли и действия христианина». Эпоха Средневековья выдвинула четко сформированный тип толерантности, который был присущ условиям того времени. Однако, впоследствии, именно веротерпимость привела к обратному эффекту [10, с. 147]. Поскольку, именно суженная концепция терпимости, что отделялась рамками церковной парадигмы, образовала определенную ограниченность толерантности, где терпимость имела применение только внутри христианской общины, следовательно, другие религиозные направления остались не только за пределами концепта терпимости, но и понесли жесткого ущемления в виде религиозных гонений, преследований и уничтожений. Итак, парадоксальность отношений веротерпимости заключается в распространении еще больших форм проявления интолерантности в любых идеологиях, что находятся за пределами католической церкви. Однако, как результат, именно в данный период, документальное определение гражданских прав и права на существование других религий было зафиксировано в Нантском эдикте. Это положило фундамент для начала толерантности как политического института.

Институт церкви, представлен как регулятор социальных и политических отношений того времени, был уполномочен решать, что подпадает к толерантному отношению, а что имеет не только остается за пределами, но и представляет общественное зло и подлежит ликвидации. Один из ярких представителей того времени является римский богослов, философ Аврелий Августин (354-430 г. г.), который считал, что человек должен быть смиренным, ибо все что у него есть – дано Богом. Важным моментом в его видении есть терпимость и любовь к ближнему. Но, с другой стороны, церковь и инквизиция имеют полномочия для наказания тех, кто идут против воли Божьей, или имеют отличные от церкви взгляды. То есть, терпимость имеет право на существование, если это не противоречит христианской парадигме. Он был «одним из вдохновителей суда инквизиции, массовых судилищ и казней инакомыслящих. В борьбе с греховными преступлениями Блаженный Августин считал целесообразным использование органов насилия светского государства. Милость нельзя обосновать, поскольку она является конечным фактом. Люди делятся на тех, кому она доступна, и тех, кому она недоступна, хотя ни те и ни другие ее не заслужили; но с ней одни хорошие, а другие – злые» [1, стр. 183]. Мыслитель считал, что люди, которые выступают против библейских законов и

идут против любви к Богу прежде всего совершают покушение против истины и против общественного договора. В своем труде «Исповедь» Блаженный пишет: «Разве когда-нибудь или где-нибудь было несправедливо «любить Бога всем сердцем и всею душой и всем разумением, и любить ближнего, как самого себя?». И противоестественные грехи, например, содомский, всегда и везде вызывали отвращение и считались заслуживающими наказания». «Прихоть гражданина или чужестранца не смеет нарушать общественного договора, укрепленного законом или обычаем государства или народа: всякая часть, которая не согласуется с целым, безобразна». В данный период достаточно четко очерчены границы толерантности. И предписание быть терпимым к ближнему подчеркивает конкретные признаки «ближнего». На всех остальных же не распространяется право на терпимость. Узкое представление понятия терпимости имеет в это время ряд противоречий. Милосердие, терпимость и принятие, однако, граничат с судом инквизиции, уничтожениями и религиозными войнами [3, с. 142].

Значительную роль в развитии института терпимости заняли взгляды представителя более поздней эпохи Средневековья, такого ученого-богослова как Фома Аквинский (1225 – 1274 г.г.). Мыслитель «перенял у Аристотеля мысль о том, что человек по своей природе является существом компанейским и политическим. В ней от природы заложено тяготение к общению с другими людьми и жизни в государстве, потому что живя отдельно, индивид не может обеспечить своих потребностей». «Божественный закон необходим по двум причинам. Во-первых, из-за несовершенства человеческого разума, зыбкость и расхождение в суждениях. Во-вторых, человеческий закон не в состоянии полностью искоренить зло. За подделку монеты, писал он, грозит суровое наказание [5, с. 186]. Общественная организация в виде государства не способна на мнение мыслителя, неотложно решать проблемы общественных возможностей, поэтому институт церкви становится регулятором того, что является истинным, а что ложным. Так и право не всегда является эффективным в борьбе со злом, где зло было для философа ересь.

Роль церкви как механизма влияния на социально-политический процесс, создает предпосылки влияния и активного перенимания полномочий, государства, правовых институтов, то есть абсолютное охвата институтом церкви всех сфер социально-политического бытия. Так же, как и вышеупомянутый мыслитель Августин Аврелий, Фома Аквинский считает, что терпимость и милосердие допустимо проявлять лишь к тем, кто идет путем церковных законов. Все другие посягают на веру, а, следовательно, с ними необходимо поступать немилосердно и даже жестоко. Современный исследователь М. В. Горват, исследуя генезис феномена толерантности отмечает: «Знаменитая Нагорная проповедь заканчивается нравственным правилом: «итак, во всем, как хотите, чтобы с вами

поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Матф. 7, 12). То есть, в христианстве толерантность проявляется через отказ от насилия как недопустимого средства приобщения человека к вере, а взамен пропагандируется искренность убеждений во время выбора веры» [7, с. 110]. Видение терпимости в раннехристианском учении сводилось к представлению о том, что люди должны быть терпимы друг к другу и жить в мире, лишь это поможет им быть ближе к Богу и церкви. Но в то же время реальные отношения применяли жестокие методы к представителям других верований, инакомыслящих, так называемых еретиков. Однако, недопустимость насильственного приобщения к вере пришло в общественное сознание и отношения впоследствии, ближе к периоду Нового времени.

Институт толерантности был основан в период нестабильного социально-политически устройства. Толерантность стала мирным соглашением, так называемым «религиозно-политическим «общественным договором».

Веротерпимость как институт претерпевает более расширенной интерпретации в трудах мыслителей эпохи Просвещения (П. Бейль, Вольтер и другие), в которых разрабатываются идеи религиозной терпимости (веротерпимости), как основы упорядочения социально-политических отношений. Наблюдается некоторое изменение принципа восприятия альтернативных идей, концепций, как имеющих равное право на существование. Как отмечает В. Г. Миронов: «В целостную систему представления о веротерпимости оформляются в трудах английского философа Джона Локка (1632 – 1704 г.г.), у которого под веротерпимостью понимается прежде всего непричинение вреда (как физического, так и морального) другим людям по мотивам их принадлежности к другим вероисповеданиям. Взгляды Джона Локка на толерантность явились основополагающими для ее понимания в западной культуре, в результате чего в течение последних трех столетий рассуждения на тему толерантности сконцентрированы именно вокруг его идей, представляя собой попытки их критики и развития». Итак, Дж. Локк в своей работе «Послание о веротерпимости» подчеркивает важную характеристику идеи терпимости. Он отмечал: «Истинную религию, рожденную не для внешнего великолепия, не ради господства церкви, не для насилия, наконец, но для правого и благочестивого устройства жизни, отличает совсем другое. Тот, кто хотел бы сражаться в рядах церкви Христовой, должен прежде всего объявить войну своим порокам, собственному высокомерию и страстям; в противном случае, если он лишен святости жизни, чистоты нравов, доброты и мягкости душевной, то не заслуживает имени христианина».

Наступает переломный момент в существовании христианства и в самой религиозной парадигме. В работах мыслителей того времени появляются новые акценты. Дж. Локк указывает на парадокс веры. Что больше противоречит постулатам веры, насильственное вовлечение в христианство

или выбор другой веры. Именно внутренние пороки человека отдаляют ее от веры отмечал Дж. Локк: «Ведь если мы хотим верить Евангелию и апостолам, никто не может быть христианином без доброты, без веры, действующей любовью, а не силой. А доброжелательны ли те благодушные или тот, кто, ссылаясь на религию, мучают, терзают, грабят и убивают других, свидетелем тому их собственная совесть». Не внешние формы регулирования, не социальные и политические институты имеют передовую роль в гармонизации общественно-политической системы, а внутренние механизмы регуляции, на которые, социальные и политические, религиозные институты, должны влиять добропорядочно, а не силой принуждения и преследования.

Литература

1. Абезгильдин Р.Р. Взаимодействие политических сетей и институтов власти: актуальность проблемы // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 4. С. 182-193.

2. Артамонова Г.К., Сальников П.П., Султыгов М.М., Анашкина Ю.Н. Институты народовластия: проблемы влияния на публичную политическую власть // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 3. С. 29-42. (публикация отозвана 30.09.2019)

3. Григорян Д.К., Крицкая А.А. Политические институты, процессы и технологии // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 8 (75). С. 141-145.

4. Малышев Ю.А. О вопросах дисфункции социальных и политических институтов при развитии России на современном этапе // В сборнике: Современные проблемы развития экономики и управления в регионе материалы X Международной научно-практической конференции. 2016. С. 288-294.

5. Политическая Аствацатурова М.А., Линец И.А. Актуализация диалоговых механизмов власти и этноконфессиональных институтов гражданского общества в Северо-Кавказском регионе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 2. С. 185-189.

6. Репинская О.В. Перспективы антитеррористического взаимодействия между российскими политическими институтами и акторами государств Причерноморья в постсоветский период. // В сборнике: Причерноморье в войнах и дипломатии российского государства Сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 252-256.

7. Солощева М.А. Институт панчен-лам в эпоху империи ЦИН: политический аспект // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2016. № 1 (21). С. 103-111.

8. Стременюк В.В. Управление политическими институтами на основе развития интеллектуального капитала в условиях изменяющейся глобальной экономики // В книге: Россия в новом геополитиче-

ском измерении Материалы VII международной молодежной конференции. 2016. С. 142-144.

9. Теzieв Т.М. Профсоюзы - политический институт стабильности общества и государства // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2016. № 13. С. 130-136.

10. Шкиотов С.В. Незрелость политических институтов как угроза развитию ЕАЭС // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2016. № 3. С. 146-151.

The dynamics of conceptual interpretations of political tolerance

Loshkov A.G.

SFedU

The content of the institution of tolerance from the beginning was embodied in the ideas and concepts of tolerance, which have a significant history of development. The formation of the concept began in the days of ancient philosophers, however, the understanding of tolerance in its modern definition took shape only in the second half of the XX century. The term "tolerance" comes from the Latin term *tolerantia*, which means tolerance. The Declaration of Principles on Tolerance, signed on November 16, 1995 by 185 UNESCO Member States, defines: "Tolerance is respect, acceptance and correct understanding of the rich diversity of cultures in our world, our forms of self-expression and ways of revealing human identity". The concept of tolerance as a concept, and later as a complex institution, has been formed over many centuries, and this process continues today. The term "tolerance" has changed in relation to the eras, which were characterized by a certain understanding of "truth" and its place in social and political relations.

Key words: tolerance, history of development, human individuality, understanding, truth.

References

1. Abezgildin R.R. The interaction of political networks and institutions of power: the relevance of the problem // *Legal science: history and modernity*. 2016. No. 4. S. 182-193.
2. Artamonova G.K., Salnikov P.P., Sultygov M.M., Anashkina Yu.N. Institutions of Democracy: Problems of Influence on Public Political Power // *Legal Science: History and Modernity*. 2016. No. 3. S. 29-42. (the publication was withdrawn on 30.09.2019)
3. Grigoryan D.K., Kritskaya A.A. Political institutions, processes and technologies // *Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and governance*. 2016. No. 8 (75). S. 141-145.
4. Malyshev Yu.A. On the issues of dysfunction of social and political institutions in the development of Russia at the present stage // In the collection: *Modern problems of economic and management development in the region, materials of the X International Scientific and Practical Conference*. 2016. S. 288-294.
5. Political Astvatsaturova MA, Linets IA Actualization of dialogue mechanisms of power and ethno-confessional institutions of civil society in the North Caucasus region // *State and municipal management. Scientific notes of SKAGS*. 2016. No. 2. S. 185-189.
6. Repinskaya O.V. Prospects for anti-terrorist interaction between Russian political institutions and actors of the Black Sea region in the post-Soviet period. // In the collection: *Black Sea region in wars and diplomacy of the Russian state Collection of reports of the All-Russian scientific-practical conference*. 2016. S. 252-256.
7. Soloshcheva M.A. The Panchen Lamas Institute in the Era of the CIN Empire: The Political Aspect // *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2016. No. 1 (21). S. 103-111.
8. Stremenyuk V.V. Management of political institutions based on the development of intellectual capital in a changing global economy // In the book: *Russia in a new geopolitical dimension Materials of the VII international youth conference*. 2016. S. 142-144.
9. Teziev T.M. Trade unions - a political institution of stability of society and the state // *Socio-economic sciences and humanitarian studies*. 2016. No. 13. S. 130-136.
10. Shkiotov S.V. Underdevelopment of political institutions as a threat to the development of the EAEU // *ETAP: economic theory, analysis, practice*. 2016. No. 3. S. 146-151.

ГЕНЕЗИС СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

Запороженко Эдуард Васильевич
ст.преподаватель, КФУ, ed_24352@mail.ru

В России решения задач государства в значительной степени зависят от уровня политической культуры различных слоев населения, общества в целом. В этих условиях первостепенное значение приобретает формирование политического сознания человека, приобретение им опыта и навыков политического поведения, политическая социализация (прежде всего, молодым человеком), постепенное преодоление существующей фрагментарной политической культуры, элементов патриархальной и подданской политической культуры и становление на этой почве активистской, гражданской, демократической политической культуры личности. Демократическая политическая культура, как отмечает А. Карнаух, отмечается толерантным отношением к различным политическим взглядам и существованием оппозиции, где важнейшей ценностью является гражданские права и свободы.

Демократическая политическая культура – это культура гражданского общества. Именно в рамках гражданского общества происходит организация плюрализма, то есть сочетание и учет интересов самых разнообразных социальных и политических сил. Только в развитом гражданском обществе может сформироваться культура, что соответствует демократическому режиму.

Ключевые слова: демократический режим, гражданское общество, политический взгляд, свобода, политическая культура.

Некоторые исследователи считают мобилизацию гражданского общества непосредственной причиной распада авторитарного политического режима. Очень редко смена политического режима осуществляется благодаря усилиям членов гражданского общества, но, несомненно, в дальнейшем процессе демократизации степень развития гражданского общества играет важную роль, а стабильность демократии во многом зависит от того, в какой мере политические институты отражают потребности гражданского общества, своевременно реагируют на процессы, происходящие в нем [12, с. 4].

Существенное влияние на дальнейшую интерпретацию понятия гражданского общества оказал Юрген Габермас со своей теорией "публичной сферы" ("сферы открытости"). Понятие "общественность" фигурирует также в его исследовании структурных изменений современного общества "Структурные изменения общественности". Тема общественности является важным фактором теории коммуникативного действия в целом. Его ведущая идея институты общественности заключается в том, чтобы с помощью медиума публичного обсуждения контролировать и легитимизировать систему господства, а также консенсуально дискурсивно решать конфликтные ситуации. Этому также соответствует идея создания гражданского общества деятельными индивидами [11, с. 95].

Только в развитом гражданском обществе может сформироваться культура, что соответствует демократическому строю. Способствовать этому должно государство ради общественной стабильности. Но источником, субъектом конституционности должно быть не государство, как бюрократическая система, а ее контрагент, – народ, – гражданское сообщество.

Гражданское общество – это такое существование индивидов, когда они имеют перед собой государство, придерживаются ее указаний, но все же не допускают того, чтобы государство и его структуры полностью поглотили их личность и жизнь, всегда хранят и ценят компонент личного в собственном отношении к происходящему.

Гражданское общество – это обособленная от государства структура общества, плоскость частного, реального жизнь, автономная сфера общественного бытия, которая не подлежит прямому контролю и регламентированию со стороны власти, сфера непосредственных и разнообразных интересов, их выражение и осуществление в отличие от государства – деятельности условной и формальной. Это форма общения людей как частных лиц, поведение которых регулируется непо-

средственно самими же людьми, неотчужденно, прежде всего, через нормы морали.

Доминирующая и определяющая черта нашей политической культуры – недоверие к власти и государственным институтам. Это проявилось с первых лет после развала Советского Союза и было при всех президентах и правительствах. К большому сожалению это также касается и отношения к Федеральному Закону. Значительный правовой нигилизм присущ и нашим политикам, и рядовым гражданам.

Причина первая – русская нация формировалась при постоянном трансформировании собственного государства. И это заложило в устои нашего массового политического сознания отношение к государству и его институтам. Причина вторая – при формировании собственного государства не произошло его "присвоение" гражданами, обществом. Новое государство, его собственность и ресурсы присвоили наиболее активные слои политико-административной и экономической верхушки общества. Именно поэтому восстановленное русское государство так и не стало в полной мере своим для подавляющего большинства рядовых граждан.

Еще одна особенность нашей политической культуры, которая сложилась исторически, – это анархичность политического поведения, политических процессов вообще, низкий уровень политической дисциплины и политической организации, склонность к "атаманщине". Во время больших и массовых политических подъемов (больших Площадей) уровень социальной солидарности и политической организованности растет, но обычный политический процесс в России отличается той самой анархичностью.

Также для массового политического сознания в России является присущая амбивалентность политических ценностей и политических установок, их эклектическая смесь. Абсолютное большинство не доверяют политическим партиям, но при этом на выборах они голосуют за конкретные политические партии. При всей общей недоверии к партиям немало русских, хотя сейчас значительно меньше чем раньше, имеют относительно устойчивые партийные предпочтения.

Характерной чертой массового политического сознания в России является персонифицированное восприятие политики. На выборах большинство русских голосуют не столько за идеологии или партийные программы, сколько за конкретного политического лидера, соответственно и за партию, которую он возглавляет. Исключением из этого правила была лишь поддержка коммунистов, где личность лидера не была главным фактором привязанности. Персонифицированное восприятие политики у избирателей порождает персонифицированные политические проекты и вождизм политических лидеров.

Безусловно, это тревожный диагноз, но его не следует воспринимать катастрофически. Современное общество неоднократно демонстрировало

свою способность достойно выходить из кризисных ситуаций.

По данным опроса Центра Разумкова в 2017 г. 46% граждан России считают, что в случае, если люди имеют общие цели и хотят их достичь, то следует создать общественную организацию или присоединиться к уже существующей. 17% считают, что лучше действовать сообща неформально (не регистрируя эту деятельность и не создавая организации). 4% – действовать индивидуально. Вместе с тем, готовность объединяться с другими в общественные организации для защиты своих прав и интересов выражают меньшая доля респондентов – 31%, а 50% к этому не готовы (19% – не определились). При этом, чаще готовы к этому более образованные и состоятельные граждане. В селах доля готовых составляет 56%.

Низким является уровень использования гражданами России различных форм доведения собственных взглядов, интересов до органов власти.

Так, абсолютное большинство (96%) респондентов не обращались в органы власти с предложениями по совершенствованию работы властной системы ни от коллективов, ни самостоятельно.

90% респондентов никогда не принимали участия в общественных слушаниях или в общественных советах при органах власти (брали 10%).

81% граждан никогда не принимали участия в работе избирательных комиссий (брали – 18% респондентов, чаще – жители средних, малых городов и пгт (24%) и граждане с высшим образованием (27%).

82% опрошенных за последние 15 лет не принимали участия в работе профсоюзов (брали – 18%, чаще – граждане с высшим образованием (25%)).

75% в течение последнего года не обращались с обращениями относительно личных дел до местных государственных администраций. Среди тех, кто обращался, равные доли (по 12%), соответственно, получили и не получили помощь. При этом, более состоятельные граждане обращались чаще (34%) и чаще получали помощь (19%).

Ответы на вопросы о возможных действиях гражданина в случае рассмотрения Парламентом несправедливого законопроекта разделились.

Так, к активным действиям (пытаться убедить людей в несправедливости решения власти, обращения к власти, митинга) прибегли бы 27% опрошенных, 28% не прибегли бы ни к каким действиям, 23% – затруднились ответить.

Таким образом, несколько более ¼ граждан выразили готовность активно заявить о своей позиции в случае несогласия с решением парламента, другие – заняли бы пассивную позицию.

Как и раньше, граждане преимущественно не готовы поддерживать понравившуюся ими политическую партию собственными средствами (89%). Лишь 11% выражают готовность финансировать свою политическую силу. Больше готовы к этому жители Запада (15%) и наиболее состоятельные граждане (21%).

В сфере гражданского общества происходит реальное функционирование собственности. Но сила собственности может быть действенной только при условии его законодательной поддержки, которая вместе с судом и полицией призвана гарантировать соблюдение общих интересов этого общественного строя в условиях стихии частных интересов [6, с. 8].

Развитые демократические страны уделяют большое внимание получению достоверной информации о мысли и настроениях людей, их реакции на определенные политические события. Особое значение общественное мнение приобретает в процессе выработки политических и экономических решений, которые существенно затрагивают интересы больших групп населения. В демократическом обществе доверие к власти определяется ее способностью до реального диалога с общественным мнением и его основным источником – гражданским обществом [4, с. 341].

В нашей стране переходный процесс от тоталитарного режима к демократии сопровождается объективными обстоятельствами развития процессов. Исследователи Дж. Сакс и А. Пивоварский обнаружили, что «Россия переживает не одну, а целых три трансформации: переход от диктатуры к демократии, от колонии к самостоятельной нации и от экономического упадка к оздоровлению и росту. Немногим странам в истории человечества пришлось решать эти три проблемы одновременно» [3, с. 154].

Только в развитом гражданском обществе может сформироваться политическая культура, что соответствует демократическому строю. Способствовать этому должно государство ради общественной стабильности. Но источником, субъектом конституционности должно быть не государство, как бюрократическая система, а ее контрагент, – народ, – гражданское сообщество.

1. Итоги первых лет существования независимого российского государства приводят к осознанию необходимости создания базовых элементов политической культуры на почве совместного образа жизни, языка, привычек, традиций. Это позволит трансформировать современное цивилизованное государство в политическую нацию. Такие компоненты ненасильственной политической культуры будут способствовать единению отдельных регионов России на почве единой консолидирующей политической идеи [2, с. 20].

2. Только в развитом гражданском обществе может сформироваться культура, что соответствует демократическому строю.

3. Национальная идея – это средство формирования национального сознания. Она призвана играть важнейшую роль в создании системы национального воспитания.

Национальная идея – это духовная первооснова, источник национального воспитания и личностного развития человека; социально-психологический механизм интеграции социальных групп, но сама требует всестороннего обоснования.

4. Опираясь на историческую память и актуальный познавательный процесс, мышление преодолевает рамки настоящего и осуществляет прорыв в будущее в идеальных образах. Многочисленные представления, понятия, идеи, принципы объединяются в теоретическую систему, отражает идеал, к которому стремится нация и модель общественного устройства, который должен обеспечить практическое достижение поставленной цели [1, с. 264]. В то же время в национальном самосознании нарабатываются и занимают свою нишу идеальные императивные свободы – нравственные принципы и нормы, призванные стимулировать общественную активность личности в желаемом направлении, предостерегая ее от пагубных действий, угрожающих национальной обществу.

5. Исключительное предназначение в формировании гражданственности личности воплощает в жизнь осознание им принадлежности к российской политической нации, а не только восприятия себя жителем государства вне гражданских обязанностей, правами и позицией.

Литература

1. Айзенштат М.П. Прошлое в политической культуре вигов XVIII века // Люди и тексты. Исторический альманах. 2016. № 8. С. 207-269.

2. Бойко С.И. Военный потенциал государства в национальной политической культуре // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2016. Т. 10. № 2. С. 18-22.

3. Гаман-Голутвина О.В. Реальность и мифы современной отечественной политической культуры // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 153-159.

4. Гулягина И.С., Буряков Д.В. Значение конфуцианства в современной политической культуре КНР // В сборнике: Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества материалы VI международной научно-практической конференции. Министерство образования и науки РФ; Благовещенский государственный педагогический университет; Институт Конфуция в БГПУ. 2016. С. 340-342.

5. Даутова А.Р. Политическая культура башкир: анализ группы традиционалистов Башкортостана // В сборнике: Городские башкиры: урбанизация и этничность Материалы IX Межрегиональной научно-практической конференции. Ответственный редактор Псянчин А.В.. 2016. С. 92-94.

6. Зайцева Т.О. Политическая культура студентов // Альманах мировой науки. 2016. № 3-3 (6). С. 8-9.

7. Зимин В.А. Состояние и развитие политической культуры российского общества // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2016. № 8. С. 102-108.

8. Колпаков В.В. Официальные сайты и социальные сети в контексте построения политической культуры на основе интернета // В сборнике: Современные проблемы взаимодействия российского государства и общества 2016. С. 30-32.

9. Матвеев В. Политика справедливости: о деонтологической этике в японской политической

культуре // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 1. С. 75-93.

10. Махмудова А.Х., Соловьева В.А. Политическая культура как фактор современного российского политического процесса // Новая наука: Стратегии и векторы развития. 2016. № 5-2 (82). С. 115-117.

11. Мочалина Н.Н. Современное состояние политической культуры в России // В сборнике: Теоретические, методологические и прикладные вопросы науки и образования Материалы Международной научно-практической конференции НИЦ "Поволжская научная корпорация". 2016. С. 94-96.

12. Мягкова Е.М. Добродетельный труженик и опасный варвар: образ народа в политической культуре Франции конца XVIII века // Новая и новейшая история. 2016. № 1. С. 3-18.

The genesis of the formation of the political culture of the individual

Zaporozhchenko E.V.

KFU

In Russia, solving the problems of the state largely depends on the level of political culture of various strata of the population, society as a whole. Under these conditions, the formation of a person's political consciousness, the acquisition of experience and skills of political behavior, political socialization (primarily by a young person), the gradual overcoming of the existing fragmented political culture, elements of patriarchal and subject political culture and the formation on this basis of an activist, civil, the democratic political culture of the individual. Democratic political culture, as A. Karnauch notes, is marked by a tolerant attitude towards various political views and the existence of opposition, where the most important value is civil rights and freedoms.

Democratic political culture is the culture of civil society. It is within the framework of civil society that pluralism is organized, that is, the combination and consideration of the interests of the most diverse social and political forces. Only in a developed civil society can a culture be formed that corresponds to a democratic regime.

Key words: democratic regime, civil society, political view, freedom, political culture.

References

1. Aizenshtat M.P. The past in the political culture of the Whigs of the 18th century // People and Texts. Historical almanac. 2016. No. 8. S. 207-269.
2. Boyko S.I. The military potential of the state in the national political culture // Actual problems of the humanities and socio-economic sciences. 2016. Vol. 10. No. 2. P. 18-22.
3. Gaman-Golutvina O.V. Reality and myths of modern domestic political culture // Polis. Political Studies. 2016. No. 3. S. 153-159.
4. Gulyagina I.S., Buyarov D.V. The value of Confucianism in the modern political culture of the PRC // In the collection: Russia and China: history and prospects of cooperation, materials of the VI international scientific and practical conference. Ministry of Education and Science of the Russian Federation; Blagoveshchensk State Pedagogical University; Confucius Institute at BSPU. 2016. S. 340-342.
5. Dautova A.R. Political culture of the Bashkirs: analysis of the group of traditionalists of Bashkortostan // In the collection: Urban Bashkirs: urbanization and ethnicity Materials of the IX Interregional scientific and practical conference. Managing editor Psyanchin A.V. 2016. pp. 92-94.
6. Zaitseva T.O. Political culture of students // Almanac of world science. 2016. No. 3-3 (6). S. 8-9.
7. Zimin V.A. The state and development of the political culture of the Russian society // Proceedings of conferences of the SIC Sociosphere. 2016. No. 8.P. 102-108.
8. Kolpakov V.V. Official sites and social networks in the context of building a political culture on the basis of the Internet // In the collection: Modern problems of interaction between the Russian state and society 2016. pp. 30-32.
9. Matveenko V. Politics of justice: on deontological ethics in Japanese political culture // Sociological review. 2016. Vol. 15. No. 1. P. 75-93.
10. Makhmudova A.Kh., Solovyova V.A. Political culture as a factor in the modern Russian political process // New science: Strategies and vectors of development. 2016. No. 5-2 (82). S. 115-117.
11. Mochalina N.N. The current state of political culture in Russia // In the collection: Theoretical, methodological and applied issues of science and education Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of the Research Center "Povolzhskaya Scientific Corporation". 2016. S. 94-96.
12. Myagkova E.M. A virtuous worker and a dangerous barbarian: the image of the people in the political culture of France at the end of the 18th century // New and Contemporary History. 2016. No. 1. S. 3-18.

ТЕХНОЛОГИИ ВЛИЯНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ НА ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Травкина Надежда Дмитриевна

аспирант, кафедра политологии, РЭУ им. Г.В. Плеханова, nadezhda_1993@mail.ru

Находясь в условиях “идеологического вакуума”, российское общество только ведет поиск новой идеологии, под которой при первом приближении следует понимать систему идей, которые способны сплотить русскую нацию, активизировать интеллект, волю, силы для выхода России из затяжного кризиса, то есть не только стимулировать патриотические чувства, но и оптимизировать саму деятельность. Реформаторы чаще всего говорят о вхождении в цивилизацию, где царят приоритет общечеловеческих ценностей и западный образ жизни. Но и западный образ жизни (западная цивилизация) по своей структуре неоднороден и имеет ярко очерченный национальный характер.

Значительная часть народа понимает, что будущее за “великой идеей” массового потребления и индивидуальной свободы. “Лозунг “личная свобода” – в рамках гуманного закона, личное благосостояние – в благополучной стране” должно быть переведено из сферы идеологии в сферу политической и экономической практики”, – отмечают авторы названной книги.

Ключевые слова: патриотизм, нормы, средства, методы, идеология.

Не менее остро стоит проблема геополитической самоидентификации России. Желание политического руководства России первых лет независимости иметь дело с монолитным обществом, которое не раздирают противоречия стратегического выбора в вопросе ориентации обеспечения собственной безопасности, сделало выбор в пользу нейтральности и внеблоковости. Эта ориентация первых лет суверенности и нейтралитет и внеблоковость является исторически оправданной. Другое дело, эта ориентация не могла не быть переходной, временной [3, с. 320].

Важно помнить, что как только государство сформируется, оно сразу приобретает собственные государственные интересы и должно их отстаивать. Наиболее сложным моментом поисков в сфере российской национальности, государственной, воспитательной идеи будет не столько выбор в пользу свободы и приоритетности интересов личности, сколько потребность в сочетании “восточного” государственно-патриотического подхода к обществу и человеку с “западным” акцентировано личностным. Для этого нужны время и успешные реформы.

Поэтому сейчас особое значение приобретает обращение к традициям общества. Любовь к Родине, патриотизм – имеют важное значение и должны быть обязательной составляющей идеологии во имя будущего России. Следование объективным законам – тенденция естественная и перспективная. Спецификой рассматриваемого механизма является то, что сама по себе государственно-патриотическая идеология выступает основной нормой ее влияния на формирование духовного потенциала молодежи.

В Вооруженных Силах работа по формированию духовного потенциала и политического воспитания, и его важнейшей составляющей патриотизма проводится на основе Федерального Закона “О Вооруженных Силах России” [4, с. 74].

Общественная организация – более широкое понятие и явление, чем объект общества или общественный институт. Этот феномен олицетворяет тенденции общественной структуры и общественной жизни в целом, собирает относительно автономные-фиксирующие, процессуальные, фьючерные структурные единицы общества в целостность. Иначе говоря, выполняет самую главную креативную роль, которая значительно превышает содержательную. Данное положение ни в коем случае не означает устранение от рассмотрения государственно-патриотической идеологии в

качестве фундамента логико-содержательной интеграции духовного потенциала молодежи. В роли общественной организации могут находиться как субъекты публичного управления обществом, так и конституируемые нормы. Эти нормы, ценности, традиции с помощью общественных институтов ретранслируются индивидам, сообществам, общественном сознании как общепринятые и общезначимые, с целью регламентации способа деятельности и поведения людей. Деятельность таких общественных институтов, как органы исполнительной власти, учреждения образования, общественные и религиозные объединения, невозможны без патриотизма. Таким образом, общественная организация фиксирует динамику большинства компонентов структуры общества, молодежной среды и ее антиэнтропийную направленность, что, собственно, происходит за счет устойчивости, стабильности, относительной статичности общественной организации (в нашем случае – духовного потенциала молодежи) [5, с. 94].

Для повышения эффективности формирования патриотических качеств у молодежи необходимыми условиями определено: обогащение рациональной, мотивационной, эмоционально-волевой, деятельностной сферы личности воина патриотическими, этнопедагогическими знаниями, учет личного жизненного опыта воспитанников, осознание каждым национальной истории, культуры, традиций, обычаев, обрядов.

По нашему мнению, проведенный анализ управленческих механизмов влияния государственно-патриотической идеологии на духовный потенциал молодежи и главных условий его современного функционирования, позволяет выделить ряд противоположностей, которые так или иначе касаются этого процесса и проявляют себя на уровне “общество – молодежь – личность”. Главные из них:

– противоречия между: конституционным долгом гражданина России защиты государства и антигосударственными настроениями в общественном сознании, как результат деятельности некоторых государственных и общественно-политических организаций, отдельных официальных лиц, средств массовой информации. Строго придерживаясь принципа невмешательства во внутренние вопросы различных негосударственных институтов (от политических партий до церкви и семьи), – государство не только имеет право, но и обязано пристально следить за ходом и результатам публичной деятельности всех без исключения субъектов общественной жизни. Если какая-то политическая партия, общественная организация, религиозная конфессия и т. п. своими действиями деформирует национальное сознание граждан, унижает их национальное достоинство, пропагандирует антипатриотические настроения, попирает святыни русского народа (что часто заметно в повседневной жизни) – государство должно решительно пресекаться таким действиям и предотвращать возможности их повторения;

– провозглашение руководством страны единой общегосударственной и общенародной цели – созданию процветающей независимой России – и отсутствие официальной государственной патриотической идеологии, которая бы объединяла усилия общества и его армии. Следует обратить внимание на тот неоспоримый факт исторического бытия, что внутренняя разрушение государств начиналась с деформации национального сознания их граждан, распространение национальной индифферентности, безразличия как антипода патриотизма. Ю. Хабермас по этому поводу отмечает, что осознание национальной принадлежности возникает с определением динамики, которая только тогда способна охватить население, когда последнее уже оторвано от своих общественных связей процессами экономической и общественной модернизации, когда оно как следствие модернизированное;

– сложностью и ответственностью задач формирования патриотизма в обществе, молодежи и отсутствием нормативной базы этой деятельности, которая бы определяла ее основные направления, методы, средства. Как утверждают авторы научного издания “стратегии развития России: теория и практика”: эта система должна совместить усилия:

– государственных институтов России, Министерства образования и науки со всеми его заведениями, Министерства культуры, Министерства обороны, Государственных комитетов, ответственных за работу СМИ, спортивную подготовку населения, молодежную политику и тому подобное, Академии педагогических наук, государственных средств массовой информации, книжных издательств и др.);

– общественных организаций и объединений (творческих союзов, обществ, “Знания”, “Охрана памятников архитектуры и культуры”, “Мемориал” и др.; союзов ветеранов и т. п.);

– социальных институтов негосударственного характера (прежде всего церкви и семьи).

В качестве общих выводов относительно общегосударственных механизмов влияния на процесс национального патриотического воспитания молодежи в российском обществе на современном этапе развития определяются объективными и субъективными факторами, вызваны экономическими, социальными, духовными и другими изменениями. Эти факторы обычно обусловлены действиями политических сил, направленных на реализацию их интересов, что не исключает многовариантность развития политических обстоятельств, а, соответственно, условий и форм становления патриотизма [8, с. 115].

Эффективность влияния государства на процесс национального патриотического воспитания молодежи, формирования патриотизма у граждан и молодежи зависит от согласованного взаимодействия его субъектов, от влияния объективных факторов на макро уровне – успешного и стремительного реформирования общества. Жизнь демонстрирует, что именно мировоззренческие и нравственные социальные ценности призваны

наполнить образовавшийся духовный вакуум: направленность к независимому российскому государству – сильному, демократическому, европейскому, процветающему, могучему.

Поэтому при формировании механизмов влияния государства на процесс национально-патриотического воспитания молодежи на региональном уровне, следует исходить из того, что они, как и в целом общегосударственные, чрезвычайно изменчивы во времени, а также учитывать факторы, влияющие на эффективность осуществления государственной молодежной политики. [9, с. 27]

Самые влиятельные из них в сгруппированном виде, по нашему мнению, можно представить так:

1. Национально-патриотическое воспитание – направляющий стержень молодежной политики.

2. Факторы, имеющие специфическое воздействие на осуществление государственной молодежной политики:

- демографическая ситуация;
- региональные традиции: религия и традиции духовной жизни региона, политические, сотрудничество органов государственной власти с молодежью, молодежными движениями, культурные, бытовые и др.;

- структура экономики и финансово-экономическое положение.

3. Организационные и финансовые факторы:

- создание и деятельность органов государственной власти по реализации государственной молодежной политики;

- субъективный фактор – внимание к проблемам молодежи;

- кадры;

- создание молодежной инфраструктуры;

- финансовое и материальное обеспечение государственной молодежной политики.

4. Активность молодежи:

- участие в деятельности молодежных организаций;

- участие в осуществлении молодежной политики общественными объединениями и политическими партиями.

5. Развитие системы информирования молодежи.

6. Научное обеспечение государственной молодежной политики.

Кроме этого, механизм реализации государственного национально-патриотического воспитания молодежи должен формироваться исходя из нескольких принципиально важных положений:

- механизмы реализации государственного национально-патриотического воспитания молодежи должны учитывать как общегосударственные, национальные процессы, так и интересы развития региона с его специфическими природно-географическими, социально-экономическими, демографическими характеристиками, историческими особенностями, то есть воплощать в реальность одна из важнейших задач региональной государственной молодежной политики: согласование общенациональных интересов с региональными,

территориальными, коллективными и личными интересами молодых людей, согласовывать интересы всего населения России и молодые конкретной местности.

В зависимости от специфики условий в определенный период времени в конкретной области, конкретном городе, районе, селе делались акценты или на общенациональных государственных программах, законодательных актах, нормативных документах, вводились ли дополнительные нормативные документы, местные программы, меры, которые должны были не противоречить общегосударственным и были бы важными (уточняющими, дополняющими) для этой местности [10, с. 25]. Также в зависимости от демографической структуры и характера самой группы молодежи можно акцентировать внимание в решении молодежных проблем на социальной защите (в структуре населения доминируют дети, подростки) или на создании благоприятных условий для эффективной трудовой деятельности;

- механизм реализации государственной молодежной политики должен учесть ее структурированность;

- механизм реализации государственной молодежной политики должен учесть определенные приоритеты в ее осуществлении, а также иметь запас прочности для решения задач на других направлениях, возможно, даже на характерных для определенной местности, но важных для узкой группы молодежи или отдельной молодой семьи.

Для повышения роли представительных органов управления по делам молодежи в формировании молодежной политики было бы целесообразно при советах народных депутатов создать совещательные органы по вопросам молодежной политики. В их состав следует включить представителей исполнительной государственной власти, молодежных общественных организаций, других организаций, работающих с молодежью. Такой представительный орган управления по делам молодежи мог бы реально влиять на осуществление молодежной политики в регионах в интересах молодежи, содействовать координации деятельности государственных и общественных структур по вопросам работы с молодежью.

Как видим, такой механизм реализации государственной молодежной политики представляет собой сложный и чрезвычайно мобильный организм, чувствителен как к изменениям в государственной молодежной политике, так и к изменениям региональных условий, где она осуществляется.

Можно сделать вывод, что общество в целом предстает основным субъектом управленческих механизмов влияния государственно-патриотической идеологии на духовный потенциал молодежи.

Литература

1. Бондарь Ю.П. Политическая культура переходного общества. Опыт республики Беларусь //

Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2016. № 7 (318). С. 84-93.

2. Досалиева Б.А. Средства массовой информации и политическая культура в Кыргызстане: взаимное влияние // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2016. № 4. С. 167-170.

3. Елисеева Д.Д., Хорошилова А.В. Политическая культура студентов курского региона // В сборнике: Наука сегодня: теория, практика, инновации сборник XI Международной научно-практической конференции. 2016. С. 319-322.

4. Еникеев А.А., Чмырёв В.П. Информационная война как явление современной политической культуры // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2016. № 6 (45). С. 73-76.

5. Ирхин Ю.В. Политическая культура: современные проблемы анализа // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 3. С. 93-107.

6. Логинов А.В., Яворская С.А., Смолин А.Г. Механизмы медиации в политико-правовом пространстве современной России и формирование культуры политического диалога // Социально-политические науки. 2016. № 2. С. 26-29.

7. Ованесян И.Г. Стиль деятельности комсомольских организаций 1950-Х годов как фактор эволюции политической культуры советской молодежи // Genesis: исторические исследования. 2016. № 3. С. 110-129.

8. Работяжев Н.В. Политическая культура России: мифы и реальность // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 5. С. 114-120.

9. Симонова-Гудзенко Е.К. Топоним в политической культуре средневековой Японии // Японские исследования. 2016. № 2. С. 26-42.

10. Сычёва Г.А., Бостанов С.И. Особенности российской политической культуры // В сборнике: прошлое, настоящее и будущее российской цивилизации материалы всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 24-26.

Technologies of the influence of state policy on the formation of political education of youth

Travkina N.D.

PRUE G.V. Plekhanov

Being in the conditions of an "ideological vacuum", Russian society is only looking for a new ideology, which at first approximation should be understood as a system of ideas that are able to unite the Russian nation, activate intellect, will, forces for Russia to get out of a protracted crisis, that is, not only stimulate patriotic feelings, but also to optimize the activity itself. Reformers most often talk about entering a civilization where the priority of universal human values and the Western way of life reign. But also the Western way of life (Western civilization) is heterogeneous in its structure and has a clearly defined national character.

A significant part of the people understands that the future belongs to the "great idea" of mass consumption and individual freedom. "The slogan" personal freedom "- within the framework of a humane law, personal well-being - in a prosperous country" should be transferred from the sphere of ideology to the sphere of political and economic practice, "the authors of the book said.

Key words: patriotism, norms, means, methods, ideology.

References

1. Bondar Yu.P. The political culture of a transitional society. Experience of the Republic of Belarus // Scientific-analytical journal Observer. 2016. No. 7 (318). S. 84-93.
2. Dosalievа B.A. Mass media and political culture in Kyrgyzstan: mutual influence // Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan. 2016. No. 4. S. 167-170.
3. Eliseeva DD, Khoroshilova A.V. Political culture of students of the Kursk region // In the collection: Science today: theory, practice, innovation collection of the XI International scientific-practical conference. 2016.S. 319-322.
4. Enikeev A.A., Chmyrev V.P. Information war as a phenomenon of modern political culture // Scientific discussion: issues of philology, art history and cultural studies. 2016. No. 6 (45). S. 73-76.
5. Irkhin Yu.V. Political culture: modern problems of analysis // Social and humanitarian knowledge. 2016. No. 3. S. 93-107.
6. Loginov A.V., Yavorskaya S.A., Smolin A.G. Mediation mechanisms in the political and legal space of modern Russia and the formation of a culture of political dialogue // Socio-political sciences. 2016. No. 2. S. 26-29.
7. Ovanesyan I.G. The style of activity of the Komsomol organizations of the 1950s as a factor in the evolution of the political culture of Soviet youth // Genesis: historical research. 2016. No. 3. S. 110-129.
8. Rabotyzhev N.V. Political culture of Russia: myths and reality // World economy and international relations. 2016.Vol. 60.No. 5.P. 114-120.
9. Simonova-Gudzenko E.K. Toponyms in the political culture of medieval Japan // Japanese studies. 2016. No. 2. S. 26-42.
10. Sycheva G.A., Bostanov S.I. Features of Russian political culture // In the collection: past, present and future of Russian civilization materials of the All-Russian scientific and practical conference. 2016.S. 24-26.

ПОДХОДЫ К ФУНКЦИОНИРОВАНИЮ МЕХАНИЗМОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Нурышев Геннадий Николаевич

Доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета, g.nuryshhev@yandex.ru

В условиях глобализации, большого значения для позиционирования России на высоком международном уровне инновационного и стратегического развития, прежде всего необходимо осуществить основательный анализ зарубежного опыта по применению стратегического управления и перенять лучшие практики для страны. Россия заинтересована в постоянном и гармоничном развитии общества, что требует новых методов и технологий стратегического управления, как методологии накопления определенных правил и норм внутренне-общественной организации относительно перспективного видения собственного будущего, предметного отражения направлений развития в нормативно-правовых актах.

Внедрение эффективного стратегического управления в нашей стране зависит от многих взаимосвязанных факторов, для определения основных из них может помочь изучение опыта зарубежных стран.

Изучая международный опыт внедрения стратегического управления, важно не просто акцентировать внимание на планировании как функции управления или аналитически-процессуальной составляющей, а на характере изменений самого управления в странах.

Ключевые слова: стратегическое управление, составляющие, предметное отражение, внедрение, перспективное видение.

Понятие стратегического управления каждый раз имело особое содержание, порой диаметрально противоположное тому, что вкладывался в него раньше. Однако, внимание сосредотачивалось на том, что позволяло стратегическому управлению приобретать всеобъемлющий характер.

Объединение специфической роли государства как общественной надстройки, государственного устройства определенной страны, структуры ее ОДВ с практическими наработками по стратегическому управлению и планированию коммерческого сектора сформировали базовые концепции внедрения такого управления в практику [10, с. 118]:

- программирование, ориентированное на результат (Россия и большинство постсоциалистических государств);

- координация ориентирована на решение возникающих стратегических проблем (Великобритания, Германия, Франция и Европейский Союз в целом);

- планирование ориентировано на результат (США, Канада, Австралия, Франция, Литва, Латвия, Польша);

- целенаправленный процесс изменений (Ирландия);

- общественный диалог и изменения (Финляндия);

- общественное управление на достижение эффекта (Швейцария).

Учитывая все эти подходы, то неизменной остается практика макроэкономического прогнозирования, как базового средства при разработке срочных целевых документов. В целом, перечисленные концептуальные направления характеризуются содержанием, направленностью на результат; определение задач; решение стратегических проблем; установление действенных целей; согласования позиций и интересов; общественный эффект; определение стратегий; процесс изменений; обновление; использование кооперации между государственным и негосударственным сектором.

Фундаментом почти каждой концепции стратегического управления является сам процесс планирования, мониторинга, координации усилий, изменения среды и обучения. Это фактически сосредоточение процесса управления на содержании как можно более точных прогнозных данных для их своевременного отслеживания и корректировки в процессе изменений, повсеместного бюджетирования [9, с. 97]. К основным предпосылок внедрения стратегического управления можно отнести такие, как: приспособление к условиям социально-экономической системы, ее внутреннего и

внешнего развития; достижение результатов политики с наименьшими затратами и самым широким спектром действия; предвидение и заблаговременное реагирование на общественные сдвиги.

Следовательно, для проведения анализа зарубежных стран, начнем с рассмотрения внедрения практики стратегического управления в Великобритании.

Великобритания ориентирована на заключение сделок ОДВ между собой и организациями коммерческого сектора по предоставлению административных услуг. Такая практика нашла отражение в правительственной программе реформ

Великобритании «Модернизация управления», содержащий две равные части (подпрограммы): программа «Хорошее управление» и типовые правила по координации «Сделки с общественным обслуживанием».

Реализация правительственной программы реформ было начато в 1998 году и базировался на более ранних программах инноваций и изменений в управлении: инициатива финансового управления и «следующий шаг», который предусматривал разработку типовых соглашений и контрактов в бюджетной сфере, как основу координации действий. Указанные реформы предусматривали определение стратегий, задач и приоритетов, на которые ориентирован курс государства. ОДВ разрабатывали свои собственные стратегические документы, в которых четко расписывали обязанности, компетенции непосредственных исполнителей и их права относительно совершения административных действий.

Решение стратегических проблем в управлении предоставил возможность за все время реформирования государственного аппарата, начиная с 1980 г. уменьшить количество приоритетов с 630 до 160 с последующим их объединением и выверкой по задачам и компетенциям [8, с. 25].

Отменять или уточнять предыдущие стратегии действий любого государственного органа власти на основе предварительного согласования и заключения соответствующих соглашений, позволил процесс выверки приоритетов.

К механизмам стратегического управления этой типовой практики относятся вертикальные и горизонтальные соглашения по проблемным общественными делами в управлении. Основными действующими лицами являются непосредственные исполнители, а именно: поставщики административных услуг, государственные учреждения и аудиторские компании или отдельные аудиторы. Это заключается в введенные по уровням стратегических планов на основе стратегического корпоративного плана по структуре делится на: планы показателей; отдельные функциональные планы; индивидуальные целевые показатели.

Итак, можно отметить, что в целом подход Великобритании признается достаточно сложной системой стратегического управления, концентрирует повышенное внимание на роли премьер-министра, политической составляющей выработки государственной политики, которая сводит коор-

динацию и повышение уровня профессионализма в системе ОДВ к контексту деятельности правительства [7, с. 167]. Такой подход смещает акценты со средне-и долгосрочного планирования к мониторингу текущей ситуации и определения на основании мониторинга стратегических проблем.

К основным преимуществам подхода стратегического управления Великобритании можно отнести такие, как:

- дальнейшие реформы, что является логическим продолжением предыдущих;
- четкость определения обязательств и границ ответственности для непосредственных исполнителей заключенных сделок и согласований.

К недостаткам такого подхода можно отнести такие, как: значительная централизация при решении ключевых проблемных вопросов развития и процесс координации выполнения всех заключенных сделок на различных административно-территориальных уровнях, в том числе есть проблемы с порядком делегирования полномочий на долгосрочную перспективу.

Актуальным на сегодня является изучение опыта Соединенных Штатов Америки. Опыт внедрения стратегического управления в США демонстрирует его повсеместность, однако не общеобязательность для всех ОДВ, сконцентрированность на федеральных департаментах и агентствах. Такая практика внедрения получила распространение в США после утверждения сенатом Закона «Об исполнительской деятельности Правительства и результаты» (The Government Performance and Results Act, 1993, далее – GPRA, Закон), как продолжение предыдущих управленческих практик в стране, и была первой среди практик стратегического планирования в мире.

Указанный Закон гарантирует достижения полного сочетания процесса планирования и бюджетирования, где планы разрабатываются с учетом соответствия задач финансовым возможностям.

Закон прежде всего касался бюджетного администрирования, что вызвало потребность в долгосрочном планировании деятельности ОДВ. Процесс введения этого Закона происходило не сразу на всех административных уровнях и структурных единицах ЦОИВ, а путем установления пилотного четырехлетнего периода до 1997 года.

Введение этого Закона, целью которого было создание четкого и тесной связи между финансовыми ресурсами, результатами деятельности ОДВ и институционализацией стратегического планирования в государственном управлении, как планирование, ориентированное на результат, с действенной системой отчетности для министерств и отдельных управлений.

Политические мотивы, для введения этого Закона, было не столько установление ресурсно-результативного связи в системе ОДВ США, сколько определение и закрепление ответственности этих органов за государственную политику в сферах, относящихся к их компетенции.

Основа стратегического управления основывается на элементах традиционного процесса пла-

нирования [6, с.338]. Кроме того, для каждого государственного органа определено индивидуальную миссию назначения, устанавливались стейкхолдеры, заинтересованные стороны, включая их собственных служащих, Конгресс и его комиссии.

Все федеральные департаменты и агентства согласно этому закону обязаны разрабатывать пятилетние стратегические планы, уточняемые каждые три года. Особое место отводится рапортованию, ведь оно предполагает отчетность за любое действие государственного органа в соответствии с его собственной целью и целей. Дает оценку достигнутым результатам на основе предварительно установленных критериев, уровню удовлетворенности интересов заинтересованных сторон, учитывались при планировании политики. Одновременно со среднесрочным стратегическим планированием этот Закон предусматривает годовые планы действий, которые начиная с 1999 бюджетного года, подаются Конгресса вместе с бюджетом, где и осуществляется сравнение результатов и ожиданий на конец отчетного периода. Процесс стратегического планирования довольно открытый, каждый федеральный департамент или агентство могут применять собственную методику планирования в рамках общих рекомендаций, изолированно или вместе с бюджетированием. Фундаментом в этом являются методические рекомендации и поддержка Главного управления по государственной службе и бюджету [5, с. 314].

Этот Закон отличается от предыдущих инициатив, направленный на достижение структурированности администрирования или управления по целям.

Главным результатом деятельности федеральных департаментов и ведомств является не просто выполнение указаний и задач федерального правительства, а выделение вполне конкретных административных и общественных услуг, которые в силу Закона приобретают политический защиты от Конгресса. Закон касается бюджетирования, что предполагало собой средне - и долгосрочное планирование, и прогнозирование деятельности государственных органов.

Итак, политика федерального правительства не предусматривает повсеместного внедрения стратегического планирования. Решение о его введении рассматривается самими субъектами управления, учитывая целесообразность применения стратегического планирования в меняющихся условиях среды, кроме случаев, когда речь идет о прямое бюджетное финансирование или вопрос национальной безопасности. В первом и втором случае по смыслу все стратегические планы направлены на снижение уровня использования ресурсов, независимо от сферы их применения [4, с. 20].

Стратегическое управление в США, в зависимости от специфики, направленности и сферы применения, могут называться всячески. Все они в федеральной бюджетной классификации идентифицируются за одним операционным кодом. Каждый штат разрабатывает и пользуется своими ме-

тодиками на основе рекомендаций Администрации Президента США и Закона. По содержанию стратегическое планирование в США отождествляется с понятием планирование качества в системе стратегического управления.

В США стратегическое планирование в государственном секторе приобрело признаки одного из самых гибких обязательных механизмов, в последние годы получило типовую методику разработки стратегических документов, распространяемую Государственным департаментом и Агентством международного развития США.

В целом подход США к применению стратегического планирования в государственном управлении основывается на укреплении внутреннего планирования в федеральных департаментах и ЦОИВ.

Такой подход приводит к формированию общих методических рамок, что дает возможность любому учреждению, учитывая особенности своей деятельности и внутреннюю структуру, применять стратегическое планирование по своему усмотрению. Фундаментом такого подхода – построение цепочки «Цели – Задачи – Результаты» и связь со стратегиями реализации определенной государственной политики. Итак, разрозненная система государственного управления США приобретает общие признаки целостной, формируя полноценный государственный аппарат. Однако, ЦОИВ и федеральные департаменты США играют основную роль в сфере государственного управления. Основными факторами такого подхода есть стратегические планы ЦОИВ с их последующей градацией и спецификацией.

К основным преимуществам внедрения стратегического управления в США можно отнести такие, как: прозрачность связи между стратегиями и планируемыми результатами; развитое внутреннее планирование для ЦОИВ.

Недостатками является отделение процесса планирования и управления, акцент делается именно на планировании с нивелированием внимания стратегического управления, рассматривая его как производную реализации стратегического планирования [3, с. 230].

Стоит также рассмотреть опыт внедрения стратегического управления в Европейском Союзе. Важно отдельно остановиться на практике внедрения стратегического управления в ЕС, как целостной структуре. В ЕС не разработано унифицированных методик стратегического управления, как механизма государственного управления. Кроме того, отсутствует система стратегического управления четкого нормативного закрепления требований по его внедрению. Акцент смещен в плоскость конечных требований к результатам определенной политики в будущем, ее оценивания является установление только показателей результата и эффективности. Национальные правительства самостоятельно определяют, каким образом эти показатели будут достигнуты и с какой интенсивностью по годам.

В ЕС пока стратегическое управление, как механизм государственного управления получило распространение преимущественно в сфере общей безопасности. Разработано

Европейская стратегия безопасности «Безопасная Европа в меняющемся мире» (не было опубликовано в официальном выданном), которая несмотря на организационную форму ЕС, остается конечным документом относительно основ безопасности в ЕС и направлений его действий вне европейского сообщества. Компетенцией по ее реализации относятся к национальным правительствам стран-членов. Безопасность в этом случае толкуется достаточно широко и охватывает не только военную сферу, но и сферы, имеющих межгосударственный характер в плоскости непосредственного обеспечения защищенности внутреннего рынка ЕС и его гуманитарного среды, включая отношения со странами-соседями, так и государствами мира. В то же время выделено и ее характерные особенности [2, с. 280].

Указанное состояние естественное для стран ЕС и обусловлено основными политическими принципами его формирования и функционирования. Следовательно, при долгосрочном планировании приоритетными являются не комплексные стратегические планы в достижении определенных общих целей ЕС. Главное внимание сосредоточено на узком разработке и реализации определенной политики в той или иной сфере согласно достигнутых согласованных показателей, отраженных в форме Директив ЕС, с последующей их реализацией в зависимости от алгоритма выработки этих политик в условиях политико-формовочного среды страны-члены ЕС.

Среди стран, новых членов ЕС, в частности Польши и Латвии, стратегическое управление имеет разные характеристики и степень внедрения и обязательности. В частности, в Латвии является обязательное внедрение стратегических планов на всех звеньях управления с четким алгоритмом взаимосвязанных документов, а именно: стратегия действий правительства, стратегия действий учреждения, годовые планы [1, с. 200].

Кроме того, в Польше введение стратегического управления не обязательно, а рекомендовано, методико-обеспечено.

Более того, в этих странах в начале внедрения стратегического управления акцент делался именно на упорядочении бюджетных отношений и администрировании расходов государственных учреждений, оптимизации бюджетного учета и контроля на национальном уровне.

Опыт ЕС является скорее сквозное оценивание политик, чем стратегическое управление.

Директивами и регламентами ЕС утверждается оценивания в виде конкретных индикаторов и требований к странам-членам. Главными наделенными полномочиями лица, в зависимости от уровня сложности оценки, есть комиссары Европейской комиссии, министры стран-членов и аудиторские компании или отдельные аудиторы.

Литература

1. Абаев А.Л., Балдин Е.В., Новиков О.А. Товарная политика в международном маркетинге // В книге: международный маркетинг Абаев А.Л., Алексунин В.А., Балдин Е.В., Гуриева М.Т., Калинина Л.Л., Новиков О.А., Пратусевич В.Р. Учебник и практикум. Сер. "Бакалавр и магистр. Академический курс" Москва, 2016. С. 172-204.

2. Алексунин В.А. Коммуникативная политика в международном маркетинге // В книге: международный маркетинг Абаев А.Л., Алексунин В.А., Балдин Е.В., Гуриева М.Т., Калинина Л.Л., Новиков О.А., Пратусевич В.Р. Учебник и практикум. Сер. "Бакалавр и магистр. Академический курс" Москва, 2016. С. 279-319.

3. Алексунин В.А., Калинина Л.Л. Ценовая политика в международном маркетинге // В книге: МЕЖДУНАРОДНЫЙ МАРКЕТИНГ Абаев А.Л., Алексунин В.А., Балдин Е.В., Гуриева М.Т., Калинина Л.Л., Новиков О.А., Пратусевич В.Р. Учебник и практикум. Сер. "Бакалавр и магистр. Академический курс" Москва, 2016. С. 205-234.

4. Грабельных Т.И., Кузьмина Е.С. О реализации государственной политики в сфере международного сотрудничества российских вузов: преобразования в условиях глобальных вызовов // В сборнике: Роль социального образования в развитии института общественного мнения в условиях глобальных вызовов научно-методические материалы. Иркутский государственный университет, Институт социальных наук, Социологическая лаборатория региональных проблем и инноваций. 2016. С. 13-25.

5. Назарова М.Г., Бодрова П.Д. Понятия "нацизм" и "национализм" в контексте международной политики и права // В сборнике: Актуальные проблемы международного права и внешнеэкономической деятельности материалы международной научно-практической конференции преподавателей и студентов. 2016. С. 311-315.

6. Романенко И.А., Евдокимова Н.Е. Применение международной системы моделей AGLINK – COSIMO для поддержки принятия решений по разработке аграрной политики // В сборнике: тематическое моделирование развивающейся экономики, экологии и технологий (ЭКОМОД-2016) 2016. С. 337-343.

7. Рыжова Е.О. Приоритетные направления международного и межрегионального сотрудничества в рамках молодежной политики в России на современном этапе // В сборнике: Актуальные проблемы международных отношений в условиях формирования мультиполярного мира сборник научных статей V международной научно-практической конференции. Юго-Западный государственный университет. 2016. С. 165-168.

8. Тарчокова А.А. Теоретический анализ понятия международной легитимизации односторонних действий во внешней политике // Вопросы политологии. 2016. № 4 (24). С. 24-31.

9. Тимощук А.С. Янусовидность стандартов в международной политике и праве как способ актуализации социальной динамики в условиях гло-

бальной конкуренции // В сборнике: Актуальные проблемы международного права и внешнеэкономической деятельности материалы международной научно-практической конференции преподавателей и студентов. 2016. С. 95-100.

10. Халиков И., Собирова М.А., Бобождонова Ш.О. Некоторые вопросы внешней политики республики Узбекистан по вопросам международного сотрудничества в области охраны природы // Современные гуманитарные исследования. 2016. № 3 (70). С. 117-120.

Approaches to the functioning of political governance mechanisms

Nuryshev G.N.

St. Petersburg State University of Economics

In the context of globalization, of great importance for positioning Russia at a high international level of innovative and strategic development, first of all, it is necessary to carry out a thorough analysis of foreign experience in the application of strategic management and adopt the best practices for the country. Russia is interested in the constant and harmonious development of society, which requires new methods and technologies of strategic management, as a methodology for the accumulation of certain rules and norms of the internal social organization regarding a long-term vision of its own future, the substantive reflection of development directions in regulatory legal acts.

The introduction of effective strategic management in our country depends on many interrelated factors; to determine the main ones, studying the experience of foreign countries can help.

Studying the international experience in the implementation of strategic management, it is important not only to focus on planning as a management function or analytical-procedural component, but on the nature of changes in management itself in countries.

Key words: strategic management, components, subject reflection, implementation, perspective vision.

References

1. Abaev A.L., Baldin E.V., Novikov O.A. Commodity policy in international marketing // In the book: international marketing Abaev A.L., Aleksunin V.A., Baldin E.V., Gurieva M.T., Kalinina L.L., Novikov O.A., Pratushevich V. .R. Textbook and workshop. Ser. "Bachelor and Master. Academic course" Moscow, 2016. P. 172-204.
2. Aleksunin V.A. Communication policy in international marketing // In the book: international marketing Abaev A.L., Aleksunin V.A., Baldin E.V., Gurieva M.T., Kalinina L.L., Novikov O.A., Pratushevich V. .R. Textbook and workshop. Ser. "Bachelor and Master. Academic course" Moscow, 2016. P. 279-319.
3. Aleksunin V.A., Kalinina L.L. Pricing policy in international marketing // In the book: INTERNATIONAL MARKETING Abaev A.L., Aleksunin V.A., Baldin E.V., Gurieva M.T., Kalinina L.L., Novikov O.A., Pratushevich V. .R. Textbook and workshop. Ser. "Bachelor and Master. Academic course" Moscow, 2016. S. 205-234.

4. Grabelnykh T.I., Kuzmina E.S. On the implementation of state policy in the field of international cooperation of Russian universities: transformations in the context of global challenges // In the collection: The role of social education in the development of the institution of public opinion in the context of global challenges scientific and methodological materials. Irkutsk State University, Institute of Social Sciences, Sociological Laboratory of Regional Problems and Innovations. 2016.S. 13-25.
5. Nazarova M.G., Bodrova P.D. The concepts of "Nazism" and "nationalism" in the context of international politics and law // In the collection: Actual problems of international law and foreign economic activity materials of the international scientific-practical conference of teachers and students. 2016.S. 311-315.
6. Romanenko I.A., Evdokimova N.E. Application of the international system of models AGLINK - COSIMO to support decision-making on the development of agricultural policy // In the collection: mathematical modeling of the developing economy, ecology and technologies (ECOMOD-2016) 2016, pp. 337-343.
7. Ryzhova E.O. Priority areas of international and interregional cooperation in the framework of youth policy in Russia at the present stage // In the collection: Actual problems of international relations in the formation of a multipolar world, a collection of scientific articles of the V international scientific and practical conference. Southwest State University. 2016.S. 165-168.
8. Tarchokova A.A. Theoretical analysis of the concept of international legitimization of unilateral actions in foreign policy // Political Science Issues. 2016. No. 4 (24). S. 24-31.
9. Tymoshchuk A.S. Janus-like standards in international politics and law as a way to actualize social dynamics in the context of global competition // In the collection: Actual problems of international law and foreign economic activity, materials of the international scientific-practical conference of teachers and students. 2016.S. 95-100.
10. Khalikov I., Sobirova M.A., Bobozhonova Sh.O. Some issues of foreign policy of the Republic of Uzbekistan on international cooperation in the field of nature protection // Modern humanitarian research. 2016. No. 3 (70). S. 117-120.

СИСТЕМА СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Косов Геннадий Владимирович

доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, политологии и мировой экономики, Пятигорский государственный университет, kossov1@yandex.ru

На сегодня в России нормирован ряд документов по стратегическому управлению и СОД. То есть, можем говорить о системе стратегического управления в СОД. Нормативно-правовые акты по стратегическому управлению и сервисно-ориентированной деятельности государства можно условно разделить на несколько содержательных блоков: блок документов для формирования стратегий в России на общегосударственном уровне; блок нормативно-правовых актов, направленных на развитие стратегий регионального развития; блок документов, регламентирующих выработку стратегий на уровне территориальной громады; блок отдельных документов, регламентирующих выработку стратегий отраслевого развития; блок документов, регламентирующих выработку сервисно-ориентированной государственной политики. В отечественной практике стратегического управления понятие «прогнозирование» шире общепринятое толкование этого термина – это не просто прогнозные расчеты показателей на перспективу. Согласно этому Закону прогноз как документ содержит и прогноз, и анализ политики. Поэтому роль документа-прогноза в действующей системе стратегического управления достаточно весомая, и этот документ является основой для принятия стратегических решений.

Ключевые слова: государственная политика, практика, анализ политики, уровень, выработка стратегии.

Основные подходы стратегического управления (как управленческого процесса) заимствованы в основном из разработок зарубежных ученых, в частности из практики японских, американских, европейских организаций, несмотря на то, что опыт России в этой сфере небольшой.

Кроме того, стратегическое управление имеет определенную проблематику, поскольку стратегия не дает точного и детального предсказания будущего, а лишь формирует качественные пожелание того, в каком состоянии должно находиться государство в будущем. Стратегическое управление, в частности, выясняет такие аспекты: где вы сейчас, где вы желаете быть в будущем; каким образом обеспечить движение к желаемому будущему.

Сейчас современная система государственного управления в России не отвечает потребностям страны в проведении комплексных реформ в различных сферах государственной политики и ее европейскому выбору, а также европейским стандартам надлежащего стратегического управления.

Основным недостатком действующей системы стратегического управления и планирования является несоответствие между нормативно утвержденным перечнем прогнозных и программных документов и требованиями, предъявляемыми на современном этапе общественного развития. Ситуация, с одной стороны, характеризуется демонстрацией органами исполнительной власти и местного самоуправления желание внедрять новейшие практики управления, с другой – отсутствием у подавляющего большинства служащих понимания, чем, собственно, они должны оперировать. То есть отсутствует осознание форм и целей деятельности.

Несмотря на обширный накопленный опыт нормотворчества в сфере стратегического управления и планирования, указанные нормативно-правовые акты в полной мере не сформировали надлежащие условия для функционирования действующей системы стратегического управления. Итак, можно выделить несколько ключевых проблемных вопросов [9].

Отсутствие четкого подхода к стратегическому управлению и планированию. В России существовало избыточное количество базовых документов, касающихся вопросов стратегического управления и планирования, в частности, значительное количество экономических стратегий, программ деятельности Правительства, ежегодных государственных программ социально-экономического развития РФ.

Зато в большинстве развитых стран единственным документом стратегического управления и

планирования является программа правительства. Такая программа обычно должна содержать:

- прогноз социально-экономического развития государства, в частности на краткосрочную - и долгосрочную перспективы;
- задачи, приоритеты экономической политики, в частности Стратегию бюджетной политики, конкретные меры в различных сферах экономики;
- расходы государственного бюджета на реализацию предложенного плана и источники финансирования.

Итак, подход основывается на едином документе – программе правительства, значительно упрощает сам процесс стратегического управления и планирования, а программы социально-экономического развития понятны, последовательны и обоснованы.

Такой документ содержит большинство компонентов систем стратегического управления и планирования, которые в России оформляются отдельными документами, которые часто между собой несогласованы.

Стоит отметить, что в России наблюдается отсутствие устойчивой связи между прогнозированием и планированием, в подавляющем большинстве это касается среднесрочного планирования на разных уровнях государственного управления. Если в западных странах прогнозирование положен в основу планирования, то есть эти две составляющие органично дополняют друг друга, формируя таким образом обоснованную стратегию экономической политики государства, то в России ситуация такая:

- в краткосрочной перспективе прогнозирование довольно часто предпочтено планированию, а не наоборот;
- в средне - и долгосрочной перспективах прогнозирование имеет декларативный характер и не представляет значительной практической ценности для разработчиков программных документов социально-экономического развития.

Существует разобщенность между государственным и бюджетным планированием. В России отсутствует четкая связь между государственным и бюджетным планированием. Это, в свою очередь, приводит к тому, что программы социально-экономического развития государства принимаются без реального учета бюджетных возможностей, а бюджетное планирование довольно часто не учитывает приоритетов социально-экономической политики, отраженных в государственных программах.

В России длительное время функционировало около 100 государственных целевых и более 800 бюджетных программ, что значительно усложняло разработку единой стратегии экономической политики. Как уже отмечалось, эти документы часто являются несогласованными и негармонизированными, поэтому ряд стратегически важных государственных целевых программ остаются непрофинансированными. Зато в бюджетных программах часто отдается предпочтение направлениям, не коррелирующим с приоритетами экономической

политики государства, отраженными в государственных целевых программах.

Медленная трансформация системы стратегического управления и планирования и прогнозирования. Процесс в этой сфере происходит слишком медленно. Кроме того, Россия добилась определенного успеха в краткосрочном государственном, в том числе бюджетном, планировании, однако большинство развитых стран уже давно перешли на среднесрочное планирование.

Создание содержания отдельных элементов системы стратегического управления и планирования. Довольно часто программно-целевой метод применялся без соответствующей системы показателей результативности, что нивелировало его экономическое содержание. Систематически бюджетная резолюция диссонировала с содержанием разработанного бюджета, хотя должна бы быть концептуальным документом, который определял бы приоритеты бюджетного планирования.

Долгосрочные прогнозные и программные документы согласно распоряжения определяют направления развития, стратегические цели и структурные пропорции экономики и социальной сферы.

Долгосрочный период определяется на срок свыше пяти лет. На этот период разрабатываются:

- стратегия экономического и социального развития России – документ, в котором определяются приоритеты, стратегические цели и структурные предложения экономики и социальной сферы и направления государственной политики;
- стратегия развития отрасли экономики (сферы деятельности) – документ, в котором на основе прогноза тенденций развития соответствующих рынков и направлений научно-технического прогресса определяются долгосрочные цели и приоритеты развития отрасли экономики (сферы деятельности), меры, направленные на их достижение, и необходимые для осуществления таких мероприятий ресурсы.

Кроме того, на долгосрочный период (более пяти лет) разрабатываются проекты:

- стратегии экономического и социального развития России;
- государственной стратегии регионального развития;
- стратегии развития отраслей экономики (сфер деятельности) (в случае необходимости).

Среднесрочные прогнозные и программные документы разрабатываются на срок до пяти лет на основе долгосрочных документов и определяют условия социально-экономического развития, направления действий и мероприятия на среднесрочную перспективу с целью достижения стратегических целей. К ним относятся:

- программы деятельности Правительства РФ;
- прогнозы экономического и социального развития России;
- прогнозы экономического и социального развития регионов и федераций;

– основные направления бюджетной политики и прогноза показателей сводного и Федерального бюджетов России;

- государственные целевые программы;
- стратегические планы работы ЦОИВ.

Краткосрочные прогнозные и программные документы разрабатываются на основе среднесрочных документов и определяют цели, условия развития и соответствующие мероприятия на следующий год.

В течение 1998-2008 годов было разработано значительное количество стратегических документов, которые утверждались соответствующими нормативными актами различных инстанций (в случае неутверждения оставались проектами). Значительное количество этих документов и бессистемность не только не способствуют упорядочению властных действий, но и дискредитируют понятие «стратегическое управление». И проблема именно в том, что нормативных актов, регулирующих стратегическое управление, очевидно недостаточно.

В течение последнего десятилетия стратегические цели и приоритеты, определенные в разработанных программных документах Правительства России, практически не претерпевали изменений и трансформировались из программы в программу.

Система стратегического управления включает:

- взаимосвязанные базовые стратегические документы;
- институты, которые разрабатывают и реализуют на практике стратегические документы;
- порядок и сроки разработки и реализации стратегических документов.

Действующее законодательство, при наличии многообразия и неструктурированности, нуждается в систематизации и упорядочении, существенных корректировок и согласований по формированию стратегий, стратегических планов как на национальном уровне, так и на уровне развития территориальных общин [6, с. 10].

Выработки действенной государственной политики в обществе практически невозможно без стратегического управления. Актуальность стратегического управления объясняется его рациональностью и глобальной мировой интеграцией. Оно может рассматриваться в нескольких возможных вариантах для внедрения в общественную практику России.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на правильное понимание понятий и подходов стратегического управления.

Термин «стратегия» имеет глубокие корни и широкое распространение. Под ним понимается комплекс действий по достижению определенных целей.

Слово «стратегия» по мнению ученых, это слово военного происхождения, означало науку быть полководцем, искусство ведения и управления боевыми действиями. Сейчас в современном управлении термин «стратегия» означает «мастерское управление». В переносном значении под ним по-

нимают образ действий, линия поведения кого-либо [8, с. 356].

Словарь Вебстера подает четыре определения понятия «стратегия»:

1) наука или искусство планирования и направления крупномасштабных военных движений и действий;

2) использование или экземпляр использования с помощью этой науки или искусства;

3) использование стратегами;

4) план или метод для достижения определенной цели: стратегия для продвижения в мире.

Стратегия дает представление о путях как целостной структуры, а также целостности самого пути. Она возникает при необходимости оформить уже существующий длительный путь организации, при зародившиеся абстрактно выраженной формы пути, при изменении миссии и макро-целей, или при качественном изменении механизма организации. В последнем случае возникает собственно стратегия развития организации, побуждающая изменение первичной стратегии ее функционирования.

Стратегия как абстрактная норма деятельности является процессуально нормативной интерпретацией концепции, согласованы с результатами и ценностью самоопределения. Стратегия призвана дать ответ прежде всего на фундаментальные вопросы существования организации, для реагирования на принципиальные проблемы, а не задачи. Поэтому ей предшествует масштабный анализ ситуации, прогноз динамики изменений, предыстория организации [3, с. 180].

Однако такой подход не совсем соответствует принципу единства задач, целей и миссии организации, разрывает эту цепочку, что на практике недопустимо, усложняя сам процесс управления и повышая риск принятия ошибочных стратегических решений.

Второй подход. Отождествление стратегии и стратегического плана действий. Этот подход рассматривает стратегию как воплощение выбора организации.

Однако такой подход отождествляет две разные категории. Понятие стратегии шире понятия стратегического плана. На основе стратегии развития организации на практике и должен разрабатываться комплекс взаимосвязанных, различных по времени реализации и направлению стратегических планов. Совпадение этих двух категорий – это отдельный случай. Необходимо учитывать и то, что стратегия разрабатывается и принимается, в основном, на высшем уровне управления, а ее реализация осуществляется низовым управленческим аппаратом [5].

Третий подход. Стратегия как процесс. Под стратегическим управлением понимается процесс, направленный на разработку и внедрение стратегии развития среды, в которой существует организация, а также приспособления к изменениям среды.

Стратегическое управление не только определяет основной путь развития системы, но и позво-

ляет модифицировать его или при необходимости корректировать направление, учитывая изменения среды. Фактически это есть процесс непрерывного стратегического управления, ведь стратегическое управление следует или внедрять или не начинать его вообще. «Быть» частично или в соответствующие периоды времени (сегодня стратегическое управление внедряем, а завтра нет) в процессе стратегического управления невозможно. Должна быть четкая определенность – внедрять стратегическое управление или нет.

Итак, рассмотрим стратегии в государственном управлении. Следует заметить, что в современных условиях общественного развития методологическая характеристика стратегии, как определителя деятельности ОДВ, сбалансированности функций и действий, является относительной, поскольку стратегия в государственном управлении является определенной общественной конструкцией.

Это обусловлено тем, что отдельный ОДВ довольно часто лишен единоличного права разрабатывать и внедрять отдельную стратегию. В большинстве обществ, независимо от типа их общественно-политической организации, стратегия разрабатывается в рамках государственного заказа в интересах общества, правящей элиты, управленческого персонала и собственно руководителей стратегов. [7, с. 145]

Конкретный ОДВ вынужден реализовывать сложное задание выполняя заказы соответствующих субъектов инициирования стратегии, должен трансформировать ее в удобную для исполнения форму, чтобы таким образом гарантировать результативность своей деятельности.

Не существует универсального стратегического управления, технология которого была бы приемлемой для деятельности любого структурного подразделения в ОДВ поскольку деятельность каждого такого органа является индивидуализированная система реализации функциональных полномочий.

Отождествление стратегии развития органа государственной власти с развитием социально-экономической среды: возможно ли это? Преимущественно стратегии, инициированные ОДВ, не адаптированы к конкретным организационным условиям, а потому и к запросам общественного развития. Это, безусловно, приводит к снижению показателей ее результативности. [9, с. 271]

Подмена стратегии тактическим планом деятельности органа государственной власти сразу «размывает» ее технологическую составляющую. В случае повторения этих ошибок орган государственной власти превращается в структуру, способную реально реализовать разработанную собственную стратегию через потерю логики ее построения. Как правило, это связано с неполноценным анализом управленческой ситуации и отсутствием четких организационных правил, способных обеспечить успешность реализации конкретной стратегии. Возведение этих предпосылок до операционного уровня разработки стратегии фор-

мирует относительно устойчивые этапы ее выработки и анализа управленческих ситуаций.

Если принять во внимание условия работы подавляющего большинства организаций, то становится очевидным, что применение и использование стратегий является наиболее приемлемым путем развития. Стратегическое управление является более широким понятием и содержит планирование как необходимый и неотъемлемый компонент. Стратегическое управление реализуется с помощью стратегических планов.

Литература

1. Баталов Э.Я., Водопьянов К.Г., Дегтерев Д.А., Истомин И.А., Корольков Л.И., Смирнов А.И., Толкачев В.В., Фененко А.В., Худайкулова А.В., Шаклеина Т.А., Ямбуренко Е.Н. Ситуационные анализы: международные институты в современной мировой политике // Москва, 2017. Том Выпуск 5
2. Борисова А.А., Максименко Т.С. Экономическая политика Китая и ее роль в международной экономике XXI века // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2016. № 11. С. 91-94.
3. Дубив Н.В., Нелаева Г.А. Политика Франции и Германии в отношении институтов международной уголовной юстиции в конце XX - начале XXI в // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Т. 2. № 4. С. 173-186.
4. Кривихина Е.А., Грозовская Е.В. Международные аспекты российской инновационной политики // В сборнике: Актуальные вопросы внедрения молодежных инициатив и их реализация в инновационной сфере Сборник научных трудов II Международной научно-практической студенческой конференции. Санкт-Петербургском академическом университете. 2016. С. 100-103.
5. Небольсина М.А. Регулирование деятельности частных военных и охранных компаний: сравнительный анализ политики международных организаций и мировых держав // Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Московский государственный институт международных отношений (университет). Москва, 2016
6. Самиев Х.Д. Внешняя политика суверенного государства в условиях эволюции международных отношений: проблематика и теоретический анализ // Вестник Таджикского национального университета. 2016. № 3-5. С. 6-11.
7. Торопкин С.А. Международные соглашения в области пенсионного обеспечения как инструмент внешней политики Российской Федерации // Юридическая мысль. 2016. № 4 (96). С. 142-146.
8. Царева А.В. Основные направления и эффективность политики Швеции в области содействия международному развитию // Научные труды Северо-Западного института управления РАН-ХиГС. 2016. Т. 7. № 1 (23). С. 355-367.
9. Шевченко Н.В. Современная политика Франции по уменьшению угрозы международного терроризма в стране // В сборнике: глобальные

процессы и новые форматы многостороннего сотрудничества Сборник научных трудов участников конференции IV Международной научной конференции. Под редакцией И.В. Ильина. 2016. С. 271-272.

10. Шемякин Е.А. Модель трехстороннего сотрудничества в контексте политики Германии по содействию международному развитию // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2016. Т. 7. № 1 (23). С. 368-379.

The system of strategic management in the political activity of the state

Kosov G.V.

Pyatigorsk State University

Today in Russia a number of documents on strategic management and SOD have been standardized. That is, we can talk about the strategic management system in the SOD. Normative legal acts on strategic management and service-oriented activities of the state can be conditionally divided into several substantive blocks: a block of documents for the formation of strategies in Russia at the national level; a block of normative legal acts aimed at developing regional development strategies; a block of documents regulating the development of strategies at the level of the territorial community; a block of individual documents regulating the development of strategies for sectoral development; a block of documents regulating the development of a service-oriented state policy. In the domestic practice of strategic management, the concept of "forecasting" is broader than the generally accepted interpretation of this term - it is not just forecast calculations of indicators for the future. According to this Law, the forecast as a document contains both the forecast and the analysis of the policy. Therefore, the role of the forecast document in the existing system of strategic management is quite significant, and this document is the basis for making strategic decisions.

Key words: public policy, practice, policy analysis, level, strategy development.

References

1. Batalov E.Ya., Vodopyanov K.G., Degterev D.A., Istomin I.A., Korolov L.I., Smirnov A.I., Tolkachev V.V., Fenenko A.V., Khudaykulova A.V., Shakleina T.A., Yamburenko E.N. Situational analyzes: international institutions in contemporary world politics // Moscow, 2017. Volume 5
2. Borisova A.A., Maksimenko T.S. China's economic policy and its role in the international economy of the XXI century // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law. 2016. No. 11. S. 91-94.
3. Dubiv N.V., Nelaeva G.A. Policy of France and Germany in relation to the institutions of international criminal justice in the late XX - early XXI century // Bulletin of the Tyumen State University. Humanities research. Humanitates. 2016.Vol. 2.No. 4.P. 173-186.
4. Krivikhina E.A., Grozovskaya E.V. International aspects of Russian innovation policy // In the collection: Topical issues of implementation of youth initiatives and their implementation in the innovation sphere Collection of scientific papers of the II International Scientific and Practical Student Conference. St. Petersburg Academic University. 2016.S. 100-103.
5. Nebolsina M.A. Regulation of the activities of private military and security companies: a comparative analysis of the policies of international organizations and world powers // Dissertation for the degree of candidate of political sciences / Moscow State Institute of International Relations (University). Moscow, 2016
6. Samiev Kh.D. Foreign policy of a sovereign state in the context of the evolution of international relations: problems and theoretical analysis // Bulletin of the Tajik National University. 2016. No. 3-5. S. 6-11.
7. Toropkin S.A. International agreements in the field of pensions as an instrument of foreign policy of the Russian Federation // Legal thought. 2016. No. 4 (96). S. 142-146.
8. Tsareva A.V. The main directions and effectiveness of Sweden's policy in the field of international development assistance // Scientific works of the North-West Institute of Management RANEPА. 2016.Vol. 7.No. 1 (23). S. 355-367.
9. Shevchenko N.V. Modern French policy to reduce the threat of international terrorism in the country // In the collection: global processes and new formats of multilateral cooperation Collection of scientific papers of the participants of the IV International Scientific Conference. Edited by I.V. Ilyin. 2016.S. 271-272.
10. Shemyakin E.A. Model of trilateral cooperation in the context of German policy to promote international development // Scientific works of the North-West Institute of Management RANEPА. 2016.Vol. 7.No. 1 (23). S. 368-379.

СОСТАВЛЯЮЩИЕ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В ПОЛИТИКЕ

Мидова Венера Олеговна,
канд. филол. наук, доц., РЭУ им. Г.В. Плеханова,
midova_vo@reu.ru

Информационное общество характеризуется наличием процессов манипулирования и применения языковых политических манипуляций. И эти процессы приобретают глобальные масштабы. Все более актуальной проблема безопасности общественных и государственных ресурсов в связи с такими явлениями, как информационная экспансия, информационная война, оружие и тому подобное. Эти явления угрожают не только бытовым интересам общества, но и самому государству. Мы это наблюдаем, например, в рамках военных действий со стороны России, – применение дезинформации, информационный шантаж, использование контроля над обществом с помощью средств массовой коммуникации и тому подобное.

По мнению, Г.Грачева и И.Мельника, «слабая интегрированность России в мировое информационное поле, недостаточная квалификация и активность российских информационных служб и использования СМИ отдельными политическими силами» являются главными факторами относительно реальной угрозы информационного характера в России».

Ключевые слова: манипуляции, интегрированность, политические интересы, квалификация, контроль.

Главную роль в процессе построения информационной картины мира играют средства массовой информации (СМИ). Однако СМИ не только информируют аудиторию о значимых событиях, но и искажают представления о том, что произошло, а также руководят общественным мнением, используя при этом различные стратегии, тактики и средства манипулирования информацией.

Существование в научной литературе многих разнотипных наименований для обозначения исследуемого явления приводит к научным разногласиям относительно содержательной стороны. Единственное определение "манипулирование" / "манипуляции" в соответствующей литературе отсутствует. Манипулятивное влияние по своей природе в научном плане является актуальным как для филологов, так и для политологов, философов, психологов, социологов. Соответственно, спектр предлагаемых исследователями дефиниций достаточно широкий.

В большинстве случаев для понимания политического манипулирования характерным является нечеткость в определении и отождествления с пропагандой, внедрение стереотипов, идеологической борьбой, социальной мифологией др. Это объясняется широтой проблемного поля, в рамках которого исследуется манипулирование, и фрагментарностью исследований [2], которые концентрируются главным образом на отдельных проблемах манипулирования [4].

Здесь важным аспектом является влияние, которое осуществляется средствами политического манипулирования, – это так называемый манипулятивное влияние, для обозначения которого иногда используют другие термины: манипуляция, манипулирование [5]. В научной литературе прибегают также к таким обозначениям: "манипулятивные психотехнологии" [6], "оружелизм" [7], "политическая манипуляция / политическое манипулирование" [7], "речевые манипуляции" [8], "речевая манипуляция (манипулирование)" и технология "речевого манипулятивного влияния" [3], «языковое насилие» [3], «речевое манипулирование» [1], "языковое влияние", "манипуляционная речь", "язык социально-психологического влияния", "построение манипуляционного высказывания", "манипуляционные тексты", "приемы лингвистического манипулирования сознанием" [2].

Наличие подобной неоднозначности в терминологическом плане стимулирует ученых упорядочить существующие сроки, объединив их в соответствующую систему понятий, среди которых,

например, выделяют «манипулятивное воздействие», «психологические манипуляции», «манипулирование», «межличностные манипуляции», «социально политическое манипулирование личностью» и т. д., а родовым для всех этих понятий определяют манипуляцию [6].

Предоставление такой идеологической наполненности при очередной смене доминирующей идеологии нередко вызывает отторжение или изумление последующих поколений исследователей, в связи с чем следует учитывать, что в научном плане важны не политические пристрастия ученого (или политическая необходимость), а содержательная ценность самих наработок. Так, например, обобщенное определение манипулирования / манипуляции, которое предоставляет Б. Бессонова, может выглядеть следующим образом: «это фальсификаторское средство духовного влияния, система идейно-психологической обработки с помощью средств массовых коммуникаций и других достижений науки и техники», которая направлена на управление сознанием и поведением» массового адресата; при этом отмечается особая роль в создании иллюзорности» [2].

Анализ лексикографических источников, [3] показывает, что «слова манипуляция и манипулирование имеют несколько значений, а в некоторых значениях присутствует негативная коннотация». В то же время, в случае выбора вербального оформления слова следует основываться на двух положениях: термин должен иметь минимальное количество значений (в идеале – одно значение); срок должен быть максимально нейтральным, без негативной коннотации. Этим требованиям больше всего соответствует словосочетание «манипулятивное влияние». Уже в самом этом словосочетании присутствует указание на родовое понятие (влияние), что минимизирует возможность иных толкований.

То есть, если речь идет о исследуемый вид скрытого воздействия, целесообразно использовать термин «манипулятивное влияние». Если же речь идет о выполнении некоторых операций, то возможно использование слов «манипулирование» (акцент на процессе) или «манипуляция». Итак, можно говорить о манипулировании фактами, цифрами, или о манипуляциях с фактами, цифрами, как о факторах, способствующих проявлению манипулятивного воздействия. Манипулятивное влияние может проявляться в некоторых технологиях (или техниках), но не пребывает в них.

Важной также является функция маскировки, которая проявляется в маскировке (камуфляже) реальных целей, что возможно осуществить с помощью замалчивания, изменения, трансформации и сокрытия фактов, которые необходимы для дальнейшего политического обсуждения между партнерами и принятия соответствующих политических решений.

Еще одна важная функция – это функция защиты, которая проявляется в применении соответствующих манипулятивных приемов и средств в

период активных фронтальных действий со стороны противника. При этом, необходимым условием является недостаточность ресурсов.

Отдельно следует выделить адаптивную функцию, которая выражается в приспособления стратегии и тактики манипулятивного характера и специфических черт партнера в процессе политического обсуждения в какой-то политической ситуации. И последняя-мобилизационная функция, которая выражается в создании набора различных мотивационных установок, которые необходимы для деятельности политического манипулятора и проявляются либо, в действии или пассивном состоянии объекта манипуляции.

Целесообразно представить понимание и речевого манипулирования. Это отбор и использование средств языка с целью скрытого влияния на адресата, то есть определенное языковое влияние. Наука о речевом воздействии изучает влияние на человека с помощью языка и, как определяет Дж. Р. Серль "сопутствующих языку невербальных средств для достижения целей" [5].

Теория речевого воздействия, как наука эффективного общения, берет свое начало из античной риторики, которая учила ораторов эффективно публично выступать, вести спор и получать победу в дискуссии. Античная риторика опиралась на логические правила размышлений и убеждений.

Распространение демократии, развитие средств массовой коммуникации, общественно-экономическое развитие стали катализаторами возникновения потребности в новых средствах убеждения, с использованием не только логики аргументации, но и применение психологического и эмоционального воздействия на слушателя [2].

Манипулятивное влияние существует независимо от наличия или отсутствия его описаний. Появление названий исследуемого вида скрытого влияния, связанных с языком, обусловлена активизацией изучения манипулятивного воздействия учеными и, соответственно, стремлением показать, что это влияние в значительной степени проявляется вербально. При этом, следует отметить, что язык как система находится в основе предположения существования манипулятивного воздействия, но манипулятивное влияние не проводится только с помощью языка как такового. Определить, манипулятивность - это влияние или другой вид скрытого воздействия, возможно, лишь исследуя дискурс, а изучение языка покажет наличие скрытого влияния, которое потенциально может быть манипулятивным.

Сам факт того, что манипулятивное влияние оказывается в центре исследований многих наук, указывает на многогранную природу данного вида скрытого влияния. Определение его с точки зрения любой из наук может показать только один взгляд на проблему. Для полного понимания необходимо определение манипулятивного воздействия с более общих позиций, которые бы учитывали все возможные аспекты его изучения. Целостность восприятия объекта исследования дает возможность рассматривать манипулятивное влияние, как

проявление «ложной реальности» [2], которая соотносится с понятием иллюзорности [1]. Целостность восприятия реальности называется "картиной мира" [4].

При нарушении целостности восприятие реальности искажается, что приводит к увеличению части иллюзорности. Другими словами, «искажения целостности восприятия окружающей реальности обеспечивает появление иллюзорности картины мира. Именно с категорией иллюзорности картины мира соотносится понятие модель мира». В научных исследованиях иногда используется понятие «образ мира» [6], которое также соотносится с иллюзорностью картины мира. Следовательно, такое манипулятивное воздействие проявляется в картине мира человека, причем, чем больше преимущество иллюзорности картины мира в каждом конкретном человеке, тем эффективнее манипулятивное воздействие.

В России сегодня «государственные средства массовой информации фактически превращены в орудие политической борьбы между различными политическими силами». С этой целью широко применяются технологии культурно-манипулятивного воздействия.

Феномен манипулирования – это всегда действие, это процесс, который имеет свои составляющие и механизм действия. Для более полного понимания сущности языкового манипулирования в политике и его особенностей следует определиться со структурными составляющими механизма языковой манипуляции.

Рассмотрение речевых стратегий и тактик манипулятивного воздействия в политическом дискурсе следует начать с анализа понимания политического дискурса.

Термин «дискурс» получил широкое распространение во второй половине XX века и сегодня его рассмотрение вызывает значительные трудности, что обусловлено потребностью данного термина в рамках различных научных дисциплин и порождая различные подходы к трактовке его значения и сущности. Наиболее распространенной является мысль, согласно которой дискурс определяется как «интерактивная деятельность участников коммуникации, информационный и эмоциональный контакт, который влияет на участников общения».

В этом аспекте важное значение приобретает прагматический потенциал, который представляется как совокупность тех языковых элементов, формальная и содержательная сторона которых напрямую зависит от внешних и экстралингвистических факторов.

Прагматический потенциал показывает взаимоотношения между словами и контекстом в жизни человека и общества. Прагматический потенциал, несомненно, проявляется в политическом дискурсе и интерпретируется в различных вариациях. А. Баранов определяет его как «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, проверенных опытом» [7, с. 120].

Если исходить из междисциплинарной природы исследуемого вида скрытого влияния, то общее определение можно представить следующим образом: манипулятивное влияние – это скрытое замещение картины мира человека иллюзорной картиной мира.

Учитывая то, что под картиной мира понимаем целостность восприятия окружающей реальности, то можно сказать, что манипулятивное влияние – это скрытое замещение целостности восприятия человеком окружающей реальности разными искажениями.

Степень искажения восприятия человеком окружающей реальности определяет потенциальную опасность манипулятивного воздействия. И наоборот, чем более целостным является восприятие окружающей реальности, тем меньше вероятность, что человек пострадает от данного вида скрытого влияния.

При этом, не имеет значения, с какой целью люди прибегают к манипулятивному воздействию: формирование в самом человеке и вокруг нее определенного манипулятивного пространства, в любом случае, является вредным.

Уменьшению распространения манипулятивного пространства будет способствовать неприменению манипулятивного воздействия в всех видах последнего, для чего и необходимо определение того, что же собой представляет этот вид скрытого воздействия.

Литература

1. Головки Ю.М. Реализация принципа "Российской мечты" для молодежи или существует ли необходимость участвовать в акциях протеста? // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2016. № 3 (32). С. 59-65.

2. Гришин Н.В. Изучение региональных политических конфликтов на северо-западном Кавказе и в Крыму (рецензия на монографию А.В. Баранова "региональные политические конфликты на Северо-Западном Кавказе и в Крыму: сравнительный анализ". Краснодар, 2015) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. № 3 (48). С. 152-154.

3. Каледин Н.В., Михеева Н.М., Елацков А.Б., Зиновьев А.С., Лачининский С.С., Ступин Ю.А., Попов Ф.А., Аксенов К.Э. География мира в 3 т. Том 1. Политическая география и геополитика // Учебник и практикум / Москва, 2018. Сер. 61 Бакалавр и магистр. Академический курс (1-е изд.)

4. Лаврентьев Д.С. Социальная справедливость в оценках населением регионов как фактор формирования политической повестки дня // Политика и общество. 2016. № 5 (137). С. 672-679.

5. Лебедева М.М., Михайленко Е.Б. Регионалистика. Классические и современные подходы // Учебное пособие / Москва, 2019. Сер. 11 Университеты России (1-е изд.)

6. Михайленко Е.Б., Лебедева М.М. Регионалистика. Классические и современные подходы // Учебное пособие / Москва, 2018. Сер. 11 Университеты России (1-е изд.)

7. Мухаметов Р.С. "Советская" система местного самоуправления в России и ее особенности // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. № 2 (27). С. 114-123.

8. Решетников С.В. Приоритеты развития политических исследований на кафедре политологии БГУ // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2019. № 18. С. 242-248.

9. Сулейманов А.Р. Этнополитическая семиотика федеративного региона // Вопросы политологии. 2016. № 2 (22). С. 123-129.

10. Тарасов И.Н. Балтийский регион в исследованиях российских политологов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15. № 1. С. 139-153.

Components of the mechanism for the implementation of speech manipulation in politics

Midova V.O.

PRUE G.V. Plekhanov

The information society is characterized by the presence of manipulation processes and the use of linguistic political manipulations. And these processes are taking on a global scale. An increasingly urgent problem of the security of public and state resources in connection with such phenomena as information expansion, information war, weapons and the like. These phenomena threaten not only the everyday interests of society, but also the state itself. We observe this, for example, in the framework of military actions on the part of Russia - the use of disinformation, information blackmail, the use of control over society through mass communication, and the like.

According to G. Grachev and I. Melnik, "Russia's weak integration into the world information field, insufficient qualifications and activity of Russian information services and the use of the media by certain political forces" are the main factors regarding a real threat of an information nature in Russia.

Key words: manipulation, integration, political interests, qualifications, control.

References

1. Golovko Yu.M. Implementation of the principle of the "Russian Dream" for young people or is there a need to participate in protest actions? // Bulletin of BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2016. No. 3 (32). S. 59-65.
2. Grishin N.V. Study of regional political conflicts in the North-West Caucasus and Crimea (review of the monograph by A. V. Baranov "Regional political conflicts in the North-West Caucasus and Crimea: a comparative analysis". Krasnodar, 2015) // Caspian region: politics, economics, culture. 2016. No. 3 (48). S. 152-154.
3. Kaledin N.V., Mikheeva N.M., Elatskov A.B., Zinoviev A.S., Lachininsky S.S., Stupin Yu.A., Popov F.A., Aksenov K.E. World geography in 3 volumes. Volume 1. Political geography and geopolitics // Textbook and workshop / Moscow, 2018. Ser. 61 Bachelor and Master. Academic Course (1st ed.)
4. Lavrentyev D.S. Social justice in the assessments of the population of the regions as a factor in the formation of the political agenda // Politics and Society. 2016. No. 5 (137). S. 672-679.
5. Lebedeva M.M., Mikhailenko E.B. Regional Studies. Classical and modern approaches // Textbook / Moscow, 2019. Ser. 11 Universities of Russia (1st ed.)
6. Mikhailenko E.B., Lebedeva M.M. Regional Studies. Classical and modern approaches // Textbook / Moscow, 2018. Ser. 11 Universities of Russia (1st ed.)
7. Mukhametov R.S. "Soviet" system of local self-government in Russia and its features // Municipality: Economics and Management. 2019. No. 2 (27). S. 114-123.
8. Reshetnikov S.V. Priorities for the development of political research at the Department of Political Science of BSU // Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. 2019. No. 18. P. 242-248.
9. Suleimanov A.R. Ethnopolitical semiotics of the federal region // Questions of political science. 2016. No. 2 (22). S. 123-129.
10. Tarasov I.N. The Baltic region in the studies of Russian political scientists // Political Expertise: POLITEX. 2019. Vol. 15. No. 1. P. 139-153.

ВИДЫ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ И ТАКТИКА МАНИПУЛЯТИВНОГО СРЕДСТВА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Евтушенко Галина Михайловна,
канд. полит. наук. доц., КФУ, galina_evtushenko223@yandex.ru

Предвыборный агитационный дискурс характеризуется доминирующей манипулятивной интенцией и поэтому содержит большое количество речевых актов с высоким манипулятивным потенциалом. Одной из разновидностей подобных речевых актов становятся акты как средство репрезентации абдуктивного мышления продуцента, что способствует наиболее полному достижению нужного перлокутивного эффекта. Наиболее популярными абдуктивными речевыми актами в предвыборном агитационном дискурсе являются следующие: абдуктивные речевые акты с информативным компонентом, содержащим метафору; абдуктивные речевые акты с информативным компонентом, содержащим сравнения; абдуктивные речевые акты с информативным компонентом, содержащим фразеологизмы или другие устойчивые выражения (поговорку, пословицу).

Ключевые слова: достижения, общественное сознание, понятия, аспекты, внедрение.

Информационное общество характеризуется наличием процессов манипулирования и применения языковых политических манипуляций. И эти процессы приобретают глобальные масштабы. Все более актуальной проблема безопасности общественных и государственных ресурсов в связи с такими явлениями, как информационная экспансия, информационная война, оружие и тому подобное. Эти явления угрожают не только бытовым интересам общества, но и самому государству.

Языковое влияние иногда связывают с понятием речевой манипуляции, потому что сложно провести четкую границу между ними. А. Васильев под речевым манипулированием понимает "скрытое влияние на реципиента (группу индивидов), целью которого является достижение определенного эффекта".

Сообщения, которые появляются в информационной модели, имеют другие признаки. Так, во-первых, они не имеют манипулятивного характера. В данном случае информация не искажается, факты представляются без их репарации и соответствующего конструирования. Во-вторых, факты, которые подаются в информационной модели, соответствуют реальным событиям, но иногда они могут быть систематизированы по какому-то признаку, или для достижения какой-то цели. При чем, эта цель может быть как явной, так и латентной.

Учитывая различные взгляды на понимание и существенное наполнение языково-манипулятивного воздействия, можно выделить следующие языковые стратегии культурного направления: языковая стратегия, где основой являются образы; языковая стратегия с применением знаковых систем; языковая стратегия с использованием роли; языковая стратегия с применением метода эксплуатации личности человека; языковая стратегия с учетом в жизненных / духовных ценностей общества; стратегия на повышение / понижение.

Интересным является соотношение рациональной и эмоционально-субъективной сторон в культурно-коммуникативном процессе речевого воздействия одного субъекта на другого. Ключевыми словами здесь есть два понятия-персуазивность и внушаемость. Персуазивность (от лат. «Persuadere» – убеждать) трактуется учеными по-разному. В первом случае, Персуазивность отождествляют с объективной оценкой говорящего в достоверности или недостоверности, выражение уверенности или неуверенности в сооб-

щении, или как рефлексия автора относительно своего или чужого сообщения с позиции достоверности или недостоверности информации сообщения. В противном случае, персуазивность понимается как совокупность приемов и средств, направленных на усиление аргументов.

Шелестюк считает персуазивность подкатегорией аргументации, которая предусматривает «использование дополнительных риторических и софистических приемов и средств, которые способствуют убеждению». [7, с. 35].

Существует другой подход к толкованию понятия персуазивности. Поскольку первое толкование апеллирует к объективной модальности, хотя процесс убеждения обусловлен уровнем уверенности говорящего, то можно также рассматривать категорию персуазивности как речевое влияние с целью убеждения. Коммуникативную ситуацию можно назвать персуазивной, если автор применяет высказывания, целью которого является желание вызвать определенное поведение реципиента (либо группу реципиентов) или повлиять на его (их) взгляды.

К основным прагматическим функциям персуазивности относятся:

- во-первых, воздействие с помощью языковых средств на сознание адресата, на его мысли, представление;

- во-вторых, побуждение его к определенным действиям, изменение поведения реципиента в нужном для говорящего направлении.

При исследовании персуазивности, можно говорить о когнитивном аспекте ее выражения, который реализуется благодаря знаниям и собственным убеждениям автора, а также о коммуникативно-дискурсивный аспект, который включает ментальное состояние автора как отправную точку и, непосредственно, сам процесс убеждения.

Внушение (от лат. *Suggerere* – внушать) определяется как разновидность манипулятивного воздействия на подсознание, эмоции и чувства человека, косвенно обеспечивающих воздействие на разум, волю и поведение. На это обращают внимание в своих работах такие авторы, как Л. Сорокина, В. Чернявская, Является. Шелестюк и др. Суггестор пытается ввести адресата в определенное состояние и побуждает его к определенным действиям.

Устойчивость этих изменений может быть различной: минимальной, когда когнитивная система адресата быстро возвращается в исходное состояние, и максимальной, когда изменения, возникшие в структуре ментальных схем, сохраняются длительный период, влияя на поведение адресата. Такого же мнения придерживается М. Желтухина.

Автор работы соглашается с таким мнением. Действительно, " суггестивное влияние, в отличие от персуазивного, является более глубоким и его можно сравнить с биопсихологическим стимулом, в то время речевое манипулирование не подавляет рационального мышления, а только направляет его в нужное для манипулятора направление» [5].

Внушаемость как внушение, исключает рациональность и опирается на чувственно-ассоциативную составляющую сознания, чем существенно отличается от персуазивного воздействия. Персуазивное влияние можно считать удачным, если реципиент усвоил цель, намерения, значение сообщения, находясь в атмосфере реально осознаваемой свободы выбора.

Можно согласиться с В. Чернявской, которая отмечает, что " отсутствует четкая граница между персуазивностью и суггестией, поскольку персуазивное влияние предполагает достижение желаемой цели путем убеждений, основой которых является рациональное обоснование. При этом следует учитывать эмоционально средства воздействия».

Итак, подводя итоги, следует отметить, что в любом коммуникативном акте присутствует речевое воздействие. Сравнивая понятия «персуазивность» и «суггестия», можно сделать вывод, что, хотя между ними и нет четких границ, однако персуазивность значительно отличается от внушаемости глубиной действия языкового воздействия, направленности воздействия на сознание (персуазивность действует на сознание, суггестивность – на подсознание), сферами влияния (персуазивность – на рациональную составляющую сознания, суггестия – эмоциональную составляющую). Внушаемость осуществляет опосредованное влияние на реципиента, в то время как персуазивность оставляет за ним свободу выбора. По мнению автора работы, персуазивность находится ближе к аргументации. В этом случае имеет место попытка убедить адресата средствами языкового воздействия, побудить его к критическому мышлению, направить мышление в нужное для говорящего русло [4, с. 140].

Как отмечает исследователь, «основной принцип китайских стратагем – цель оправдывает средства – не всегда гарантировал успех, многое зависело от дееспособного лидера».

Некоторые стратагемы можно рассмотреть более основательно. В реальной жизни они показывают, каким образом происходит применение манипулятивных методов в случае военных действий и различных средств осуществления политической деятельности и борьбы. Так, И. Левицкая представляет такие стратагемы: «стратагема – убить чужими руками. Она означает уничтожить или ослабить противника чужими силами, при этом организатор процесса выглядит не причастным, а иногда представлен как судья или миротворец.

Следующая стратагема направлена на «оказание услуг, содействие в решении актуальных вопросов, разработке выгодных для населения проектов, рассчитывая на формирование благосклонного отношения к адресату влияния и дальнейшее вовлечение в зависимость. Она называется – «хочешь получить – сначала дай». Еще одна стратагема – «украсить сухие деревья искусственными цветами, которая означает воспользоваться посторонним лицом, именем, авторитетом, возмож-

ностями для реализации поставленных манипулятором целей».

Следует отметить, что в западных странах в XX веке некоторые практики пытались на фирмах ввести в действие методы манипуляции китайского образца. Это делалось для дополнительной мотивации рабочих фирмы.

Учитывая различные взгляды на понимание и существенное наполнение языково-манипулятивного воздействия, можно выделить следующие языковые стратегии культурного направления: языковая стратегия, где основой являются образы; языковая стратегия с применением знаковых систем; языковая стратегия с использованием роли; языковая стратегия с применением метода эксплуатации личности человека; языковая стратегия с учетом в жизненных / духовных ценностей общества; стратегия на повышение / понижение.

Интересным является соотношение рациональной и эмоционально-субъективной сторон в культурно-коммуникативном процессе речевого воздействия одного субъекта на другого. Ключевыми словами здесь есть два понятия-персуазивность и внушаемость.

Существует другой подход к толкованию понятия персуазивности. Поскольку первое толкование апеллирует к объективной модальности, хотя процесс убеждения обусловлен уровнем уверенности говорящего, то можно также рассматривать категорию персуазивности как речевое влияние с целью убеждения. Коммуникативную ситуацию можно назвать персуазивной, если автор применяет высказывания, целью которого является желание вызвать определенное поведение реципиента (либо группы реципиентов) или повлиять на его (их) взгляды.

К основным прагматическим функциям персуазивности относятся:

- во-первых, воздействие с помощью языковых средств на сознание адресата, на его мысли, представление;
- во-вторых, побуждение его к определенным действиям, изменение поведения реципиента в нужном для говорящего направлении.

При исследовании персуазивности можно говорить о когнитивном аспекте ее выражения, который реализуется благодаря знаниям и собственным убеждениям автора, а также о коммуникативно-дискурсивный аспект, который включает ментальное состояние автора как отправную точку и, непосредственно, сам процесс убеждения.

Абдуктивные речевые акты с информативным компонентом, содержащим фразеологизм или другое устойчивое выражение (поговорка, пословица). Следует заметить, что следует разграничивать такие категории, как «обман» и «манипуляция». Так называемыми фейками сегодня переполнено информационное пространство России, но в отличие от них, манипуляция – это не ложь, а специфическая подача правды.

Собственно, специфика заключается в том, что правду подают не комплексно, а частично и одно-

боко, по умолчанию всех ненужных фактов. С фейками бороться проще – их принципиально нельзя опровергнуть. А вот манипуляции генерируют в объект ангажированные выводы на основе правдивой информации. Из множества интерпретаций фактов манипулятор подводит свою мишень лишь к одной, выгодной ему самому.

Например, это персонализация идей – один из самых популярных манипулятивных механизмов, который представлен в подмене предмета обсуждения – уход от сути идей их носителей. Чаще всего такая техника предполагает «апелляцию к авторитету» или наоборот – «дискретитацию контравторитетом»; исторические параллели – это прием, когда политики равняют образы из прошлого (персоналиями, событиями, понятиями) с современными. Здесь применяется так называемое «ретроспективное прогнозирование», которое основано на оценке современных событий в соотношении с «последствиями в прошлом»; прием «затмение», который основан на том, что большое количество людей охотнее верят в то, что скрыто, чем то, что является очевидным. Человек, который не может объяснить современные события, начинает домысливать, а манипулятор – «затенять» и подталкивать объект в нужном направлении; следующий прием – это «гиперболизация», который проявляется в преувеличении. За основу берут единичный истинный факт, подают как некий системный тренд; далее, прием – важность чисел.

В процессе манипулирования используют не только слова, но и числа, образы, звуки; «заложники динамики» – данный прием проявляется в том, что зачастую люди используют числа для сравнения.

Для этого используют необходимые категории «много или мало», и сопутствующие – «больше или меньше». Понимая ключевое значение динамики для массового восприятия, заинтересованные субъекты используют это в своих манипуляциях; следующий прием «эффект базы сравнения» применяет метод сравнения важных для общества фактов во времени. Главным здесь является аспект цели – мы хотим занизить достижения власти, или повысить, и для этого используем соответствующие исторические периоды; прием «геоцентризм» проявляется в выделении какой-то отдельной позиции, которую ставят в центр дискурса, которым усиливают соответствующие центрические установки избиратели; прием «подъем в случае падения» применяет ссылку на какие-то абсолютные величины, ситуация объясняется некорректно, без детализации, внедряя искаженное понимание ситуации; прием «обобщай и властвуй» проявляется там, где происходит сравнение однопипных единиц, но оно дает нежелательные результаты.

Поэтому, в данном случае применяют обобщения; прием «рейтинги» содержит элемент игры, соревнования и активизируют соответствующие маркеры «победа» и «измена». В данном случае происходит апеллирование к рейтингам; «упадок», когда применяют различные рейтинги, например «индекс мира», «индекс опасных стран» [1] и т. п.

Акцентируется внимание том, что хуже или опаснее.

Литература

1. Аминов И.Р. Национальная безопасность России в контексте межнациональных и межконфессиональных отношений // В сборнике: Россия в историческом процессе глобализации 2016. С. 16-21.
2. Белявцева Д.В. Институционализация региональных политических исследований на постсоветском пространстве // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2017. № 16. С. 20-28.
3. Ващук А.С. История Дальнего Востока России 1960-х-1991 гг. В освещении отечественных исследователей // В сборнике: Владивосток - точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции Материалы Второй международной научной конференции. Ответственные редакторы С.М. Дударёнок, М.А. Тулиглович. 2017. С. 234-247.
4. Высоцкий А.В. Этнонационализм и религиозный фундаментализм в республиках Поволжья // Вопросы политологии. 2016. № 2 (22). С. 137-145.
5. Каледин Н.В., Михеева Н.М., Аксенов К.Э., Елацков А.Б., Зиновьев А.С., Лачининский С.С., Попов Ф.А., Ступин Ю.А., Житин Д.В., Каледин В.Н., Клоков К.Б., Ходачек В.М., Хрущев С.А., Ятманова В.В. География мира в 3 т. Том 1. Политическая география и геополитика // Учебник и практика / Москва, 2016. Сер. 61 Бакалавр и магистр. Академический курс (1-е изд.)
6. Лаврентьев Д.С. Социальная справедливость как элемент системы политического управления регионом // Власть. 2016. Т. 24. № 7. С. 117-121.
7. Маслов Е.Н. Предварительное голосование в ОМСУ как социально-политическая технология (на материалах Курской области) // Социальная политика и социальное партнерство. 2017. № 10. С. 33-36.
8. Медведев Н.П. вопросу о территориальном устройстве общества и государства // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2017. № 2 (20). С. 52-58.
9. Михайленко Е.Б. Регионалистика. Классические и современные подходы // Учебное пособие / Москва, 2017. Сер. 11 Университеты России (1-е изд.)
10. Федякин А.В., Федякин И.В. Современные региональные политические исследования: в поисках методологического инструментария // ПО-ИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2017. № 3 (62). С. 21-38.

Types of manipulative influence and tactics of a manipulative means of presenting information in political discourse

Evtushenko G.M.

KFU

The pre-election campaign discourse is characterized by a dominant manipulative intention and therefore contains a large number of speech acts with a high manipulative potential. Acts as a means of representing the producer's abductive thinking become one of the varieties of such speech acts, which contributes to the fullest achievement of the desired perlocutionary effect. The most popular abductive speech acts in the pre-election campaign discourse are the following: abductive speech acts with an informative component containing a metaphor; abductive speech acts with an informative component containing comparisons; abductive speech acts with an informative component containing phraseological units or other fixed expressions (proverb, proverb).

Key words: achievements, public consciousness, concepts, aspects, implementation.

References

1. Aminov I.R. National security of Russia in the context of interethnic and interfaith relations // In the collection: Russia in the historical process of globalization 2016. pp. 16-21.
2. Belyavtseva D.V. Institutionalization of regional political studies in the post-Soviet space // Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. 2017. No. 16.P. 20-28.
3. Vashchuk A.S. History of the Russian Far East 1960s-1991 In the coverage of domestic researchers // In the collection: Vladivostok - the point of return: the past and present of the Russian emigration Materials of the Second International Scientific Conference. Responsible editors S.M. Dudarenok, M.A. Tuliglovich. 2017.S. 234-247.
4. Vysotsky A.V. Ethno-nationalism and religious fundamentalism in the republics of the Volga region // Questions of political science. 2016. No. 2 (22). S. 137-145.
5. Kaledin N.V., Mikheeva N.M., Aksenov K.E., Elatskov A.B., Zinoviev A.S., Lachininsky S.S., Popov F.A., Stupin Yu.A., Zhitin D.V., Kaledin V.N., Klokov K.B., Khodachek V.M., Khrushchev S.A., Yatmanova V.V. World Geography in 3 Volumes. Volume 1. Political Geography and Geopolitics // Textbook and Workshop / Moscow, 2016. Ser. 61 Bachelor and Master. Academic Course (1st ed.)
6. Lavrentyev D.S. Social justice as an element of the system of political governance in the region // Power. 2016.Vol. 24.No. 7.P. 117-121.
7. Maslov E.N. Preliminary voting in local self-government bodies as a socio-political technology (based on materials from the Kursk region) // Social policy and social partnership. 2017. No. 10.P. 33-36.
8. Medvedev N.P. The question of the territorial structure of society and the state // Eurasian Union: issues of international relations. 2017. No. 2 (20). S. 52-58.
9. Mikhailenko E.B. Regional Studies. Classical and modern approaches // Textbook / Moscow, 2017. Ser. 11 Universities of Russia (1st ed.)
10. Fedyakin A.V., Fedyakin I.V. Modern regional political studies: in search of methodological tools // POISK: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture. 2017. No. 3 (62). S. 21-38.

ПРИДНЕСТРОВСКИЙ КРИЗИС, КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ ЕВРОПЫ

Егоров Владимир Георгиевич,
д.и.н., д.э.н., проф., РЭУ им. Г.В. Плеханова, korgka@mail.ru

Нынешней системе международных отношений присуща значительная конфликтогенность, что проявляется в существовании большого количества как региональных, так и локальных конфликтов.

Постсоветское пространство не избежал деструктивного влияния этих процессов вследствие краха советской гегемонии, распада так называемого социалистического содружества, падение власти коммунистической номенклатуры в государствах, входивших в ее состав. Крах советской политической системы не только открыл новые невиданные возможности, но и лег бременем серьезных испытаний на народы и государства, возникшие на руинах бывшего Советского Союза. Среди других важных причин распада СССР значительное место заняли политические и этнонациональные конфликты в ряде бывших советских республик, в том числе и в Молдове. Там с конца периода перестройки стала разворачиваться борьба между Кишиневом и Тирасполем, которая определялась их принципиальными разногласиями в вопросах о будущем страны и ее самоопределение.

Ключевые слова: возможности, причина, распад, конфликты, состав.

Анализируя причины возникновения и источники, которые положены в основу приднестровского конфликта, заметим, что они достаточно разнообразны и имеют глубокие исторические корни.

К основным факторам, которые привели к конфликту на приднестровских землях в конце 80-х – начале 90-х годов XX века, выделим: исторический, экономический и идеологический, который включает в себя языковой и геополитический факторы.

Мы же основное внимание уделим именно геополитическому аспекту, который, с нашей точки зрения, играет сегодня ключевую роль и в процессе решения приднестровского конфликта, и в процессе становления государства Молдова. Занимая выгодное геополитическое положение, она всегда была объектом притязаний могущественных государств, поэтому настоящей независимостью пользовалась довольно короткое время, что и помешало политической элите сформировать четкую национальную идею, которая основывалась бы на собственной государственности. Самая острая борьба за влияние на этой территории велась и продолжается между Россией и Румынией. Молдавия, разорванная на куски, длительное время находилась в составе Российской империи и Румынии. Это разделение нации привело к ее расколу, поскольку бессарабское дворянство, которое могло выступить носителем национальной идеи, стало достаточно инертным после получения равных прав с русским дворянством. В конце концов, связи с Россией имели длительную историю, что, прежде всего, объяснялось ее православной традицией, а также стремлением с помощью могучей России освободиться от османского ига. Поэтому национально-освободительная борьба молдавского народа здесь не имела такого широкого размаха, как в Молдове. Однако жесткое подавление восстаний и выступлений западных молдаван подорвало их дух, и борьба постепенно угасла [10, с. 102].

Хотя дальнейшая история и практика, показывает, что, пытаясь освободиться от одного колонизаторского ига, Молдова фактически попала в геополитическую ловушку другого, сначала в виде имперской, затем советской, а сегодня уже и России.

По нашему мнению, от самого своего начала приднестровский конфликт не был запланирован Москвой, однако последняя довольно быстро сориентировалась в дезинтеграционных процессах, стартовавших в Молдове в конце 1980-х годов, и использовала Приднестровья как своеобразный рычаг воздействия на Кишинев и не толь-

ко. Унионистские идеи, которые распространялись в конце 1980-х – начале 1990-х годов в советской Молдавии, а позже – независимой Республике Молдова, были довольно неудобным не только для русскоязычного Тирасполя, но и для Москвы, которая всеми силами пыталась сохранить СССР. И если последнее ему сделать не удалось, то попытки сохранить свое влияние и позиции в бывших советских республиках Москва не оставляла. Географическое расположение МССР определило ее стратегическое положение. Поэтому сохранение на территории уже независимой Республики Молдова войск Российской Федерации было несчастливым стечением обстоятельств. Москва использовала противоречия между Кишиневом и Тирасполем как возможность сохранения своей роли в определении внутренней и внешней политики нового независимого государства Молдова [9]. Приднестровский конфликт негативно сказывается не только на позициях Молдовы (прежде всего на ее экономическом развитии и стремлении интегрироваться в ЕС и НАТО), представляет серьезную угрозу безопасности, и для ближайших соседей, и для всего юго-восточного региона Европы.

Анализируя современную эволюцию развития молдово-приднестровского конфликта, выделим следующие основные фазы его развития и кратко их охарактеризуем:

Первая фаза – 1989-1999 годы – характеризуется мобилизацией сторон, структуризацией и латентным ходом конфликта. В этот период происходит консолидация двух элит – с одной стороны консервативной приднестровской, ориентированной на сохранение СССР и экономических связей с Россией; с другой – националистической молдавской, которая стремилась к независимости Молдовы и сближение с Румынией. Поводом для конфликта и основным средством мобилизации общественной поддержки в Приднестровье стало языковой вопрос [8, с. 145].

Вторая фаза конфликта приходится на март – июль 1992 г., характеризуясь достаточно жесткими позиционными боями за контроль над стратегически важными объектами.

Битва за Бендеры стала кульминацией конфликта. Три дня шли жестокие бои на улицах города. В результате Приднестровская сторона бросила на прорыв обороны молдавских войск танки из состава 14-й регулярной российской армии, начался обстрел города. Молдавской стороне не оставалось ничего другого, как пойти на уступки и начать переговорный процесс.

Третья фаза конфликта начинается с момента подписания так называемых московских соглашений и фактически продолжается до сих пор, характеризуясь, как процесс дэскалации и поиска путей решения конфликта.

Итак, попытаемся выделить и проанализировать основные положения базовых соглашений и договоров, которые приняты и непосредственно конфигурируют в процессе мирного урегулирования приднестровского конфликта.

Одними из первых, как мы уже упоминали, стали Московские соглашения от 21 июля 1992 года. Эта сделка сформулировала принципы мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова и предложила некоторые механизмы контроля, включая начало Совместной контрольной комиссии (СКК) и установление Зоны Безопасности (ЗБ) по берегу Днестра. [6].

Между Кишиневом и Тирасполем, фактически от конца 1992 г. начинается прямой диалог по урегулированию приднестровской проблемы. К нему также присоединяются в статусе стран-гарантов Российская Федерация и Украина, а с апреля 1993 г. активно приобщается миссия Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

Центральным событием переговорного процесса эксперты считают подписание 8 мая 1997 г. в Москве Меморандума об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем. В меморандуме появилось понятие «стран-гарантов», в роли которых фигурируют Россия и Украина, – именно им меморандум дает право быть «гарантами» достигнутых условий. [5, с. 20].

Анализируя основные положения упомянутого Меморандума, приходим к выводу: его целью было не столько окончательное разрешение конфликта, сколько стремление Москвы за счет приднестровской стороны еще больше усилить свои позиции и влияние в регионе, теперь уже – в вполне узаконенный способ. Это подтверждает другой документ, который был разработан и подан в ноябре 2003 г. как «План Козака».

План Д. М. Козака - заместителя главы Администрации Президента РФ-предусматривал превращение Молдовы в т. н. "асимметричную" Федерацию. В нем предложены принципы новой Конституции будущей Федеративной Республики Молдова, которая будет состоять из двух «субъектов» федерации – Приднестровской Молдавской Республики и Гагаузии. При этом Приднестровье получало право выйти из федерации, если бы Молдова решила присоединиться к Румынии. Небольшой российский миротворческий контингент (до 2000 года) оставался бы в Приднестровье максимум до 2020 года. Итак, план Козака предлагал решение проблемы государственного устройства и демилитаризации сторон. Однако размещение российских войск в Приднестровье стало поводом для Президента Молдовы Владимира Воронина отказаться подписывать его.

Очередным важным шагом, который мог бы оказать содействие процессу мирного урегулирования приднестровского конфликта, стали предложенные тогдашним третьим Президентом России действия относительно возможного решения приднестровского кризиса. Так, в апреле 2005 г. на саммите «Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ» были обнародованы предварительные предложения.

Сравнивая основные положения выше предложенных документов и позиции, которых придержи-

ваются украинская и российская стороны в данном конфликте, можно сразу констатировать их существенные расхождения.

Так, Россия выступала и продолжает настаивать на мирном и правовом механизме решения проблемы, с сохранением приднестровского региона в составе Республики Молдова. Зато цель России заключается совсем в другом – в сохранении своего максимального влияния в регионе. Это следует из предложенных ею «Планах Казака и Примакова», что фактически закрепляют за Приднестровьем отдельный субъектно-правовой статус, и предусматривают возможность для региона в любой момент принять решение о выходе из состава Молдовы и присоединиться к другому государству.

Вследствие этого, российский вариант решения конфликта негативно воспринимался в непризнанной республике. В Тирасполе, и в Москве прекрасно осознавали, что подобная реализация может существенно пошатнуть позиции неизменного тогда лидера «республики» Игоря Смирнова, и негативно повлиять на реализацию в регионе геополитических и геостратегических интересов Москвы. Отсюда, на наш взгляд, следует вполне логичное объяснение ситуации, почему, несмотря на многочисленные встречи, принятые соглашения и договоры, так и не удается решить приднестровский конфликт?

Ключ к разрешению приднестровского конфликта сегодня находится далеко за пределами этого региона, и все зависит от интересов и целей, которые преследуют третьи стороны, непосредственно вовлеченные в упоминаемого процесса и принимают в нем участие.

В дальнейшем попробуем проанализировать мотивацию, которой руководствуются участники, привлеченные к переговорам по процессу, по урегулированию молдово-приднестровского конфликта (речь идет прежде всего о Российской Федерации, Украине, а также международных организациях, возглавленных ЕС).

О роли западных международных структур в урегулировании приднестровского конфликта, то они имеют двойственный и неоднозначный характер. Отметим, что с момента возникновения молдавско-приднестровского конфликта Запад не принимал активного участия в процессе его урегулирования.

ЕС играл весьма ограниченную роль в политическом дискурсе в Молдове в первые годы независимости. Конфликт в Приднестровье оставался далеко не приоритетным в круге забот Союза в начале 90-х гг., и возможность прямого подключения ЕС никогда серьезно не рассматривалась. [3, с. 29].

Ситуация начала кардинально меняться лишь с момента, когда стратегия расширения ЕС на восток Европы начала предусматривать вступление в его состав Румынии. Это автоматически приводило к тому, что у самых границ Европейского Союза формируется опасная конфликтогенная зона, которая представляет угрозу не только для нацио-

нальной безопасности стран изучаемого региона, но и для международной безопасности в целом.

Оценивая современную позицию, придерживаемую Западом в этом конфликте, то следует заметить, что она практически не изменилась по сравнению с начальным периодом конфликта. В частности, ЕС и в дальнейшем в декларативной форме выступает и постоянно акцентирует на разработке эффективных политических механизмов урегулирования приднестровского конфликта, причем основываясь на положениях о беспрекословном соблюдении независимости, суверенитета и территориальной целостности Республики Молдова в границах, определенных международными нормами и Конституцией Молдовы границах, с возможным предоставлением специального правового статуса приднестровскому региону. Как доказательство и показания этого выступает деятельность специальной мониторинговой миссии ОБСЕ и разработанный ею документ, что, в частности представляет собой систему взглядов миссии на решение приднестровского конфликта.

Однако, это предложение, как и многие другие, не получило дальнейшего правового закрепления, не будучи реализованным, и не воспринимаясь двумя враждующими сторонами, по ряду причин. Молдова, например, не соглашалась с положениями об "особом статусе" и "автономных правах", а Приднестровье отрицало положение о централизованном статусе государства. Кроме того, Запад постоянно подчеркивает: переговоры нужно продолжать в формате «5+2», который зарекомендовал себя как наиболее эффективный и действенный механизм в процессе урегулирования приднестровского конфликта. Доказательством этого стало то, что 22 августа 2012 г. в Молдове побывала канцлер ФРГ А. Меркель.

Некоторые эксперты прогнозировали, что бундесканцлер привезет план федерализации Молдовы, другие рассчитывали, что последняя быстро станет ассоциированным членом Евросоюза. Прорумынские политические силы Молдовы надеялись на то, что отказ от Приднестровья можно будет обменять на воссоединение Молдовы и Румынии. Впрочем, ни одного прорыва не произошло. Меркель поддержала формат переговоров «5+2». Не был решен и вопрос отмены виз для молдаван. Канцлер выразила поддержку молдавскому курсу и призвала терпеливо проводить реформы, пока Молдова станет стабильным демократическим государством. Эти заявления звучат не один год [2]. В экспертной среде визит канцлера ФРГ оценивали по-разному. С одной стороны, приветствовали позицию ФРГ о признании суверенитета и территориальной целостности Республики Молдова, а с другой – указывали на фактической безрезультатности этого визита, и отмечали, что как ФРГ в частности и ЕС в целом не готовы принимать активного участия в урегулировании этого чрезвычайно сложного вопроса, ведь тогда ЕС фактически станет на путь прямой конфронтации в отношениях с РФ. В Брюсселе прекрасно осознают, что без согласия Кремля, решить этот кон-

фликт цивилизованным и правовым способом вряд ли удастся, поскольку РФ рассматривает ближнее зарубежье исключительно как зону своего геополитического влияния, где Молдове отводится особое место.

Во-первых, Россия рассматривает постсоветское пространство как свою легитимную домену и сферу гегемонии, которой она не желает уступать никому, а меньше всего ЕС, и эта тенденция на протяжении последних лет только укрепляется. Во-вторых, Тирасполь и его руководство используется Кремлем как средство укрепления присутствия, веса и влияния РФ не только в этом территориально незначительном регионе, но и в отношении Молдовы и России, а также, в более широком смысле, Юго-Восточной Европы. В-третьих, материальная и символическая поддержка Приднестровья кремлевским руководством уже достаточно давно стала важной составляющей внутриполитической борьбы в современной России за влияние на ту, значительную часть российского общества, умонастроения и мировоззрения которой соответствуют ретро имперские направления нынешней правящей элиты этой страны. И, далеко не в последнюю очередь из более широкого списка причин отказа России действительно поддерживать инициативы ЕС в отношении урегулирования приднестровского конфликта, надо выделить такую: политики России принципиально, на ценностном и идеологическом уровнях, не заинтересованы как в росте роли ЕС в процессе приднестровского урегулирования, так и в предлагаемом им формате и перспективе европеизации процесса решения конфликта. Все это побуждает со значительной осторожностью оценивать возможности успеха тех усилий, которые делаются Брюсселем, по поводу изменения позиции Москвы по конкурентной, а нередко противодействующего, на партнерскую и такое, что поддерживает ЕС.

Россия является ключевым актером процесса урегулирования конфликта, геополитическим субъектом со своими собственными (как публичными, так и тщательно скрытыми от публики) интересами, а не объективным посредником. Россия не является противником урегулирования приднестровского конфликта, она в этом заинтересована, но, в понимании Кремля, при таком урегулировании, прежде всего, должны быть учтены и удовлетворены ее интересы. Прежде всего, Приднестровье должно иметь решающее влияние в отношениях с Кишиневом, даже в случае, если у российских сценариев распределения власти между Кишиневом и Тирасполем не будет будущего. Кроме того, Россия стремится сохранить роль главного арбитра и быть основным внешним гарантом жизнеспособности объединенной Молдовы из-за потенциально низкой государственности обновленной страны. В-третьих, российский механизм урегулирования обязательно, с точки зрения руководства этой страны, должен предусматривать ее дальнейшее военное присутствие в регионе.

Итак, основа информационной политики России по Приднестровью-это представление этого

территориального образования как цивилизованной, декриминализованной, самодостаточной и сформированной административной единицы, заслуживающей как максимум на всеобщее признание своей государственности и независимости другими государствами и как минимум – на особый статус в пределах Молдовы [1, с. 37].

Еще одним нерешенным, но чрезвычайно важным вопросом, который существенно влияет на процесс урегулирования приднестровского конфликта является вопрос неурегулированности статуса вооруженных формирований и вооружений в Приднестровском регионе Молдовы.

Такая ситуация значительно осложняет процесс урегулирования конфликта и, согласно Заключению Совета Европы № 193 (1996 г.), ставит под сомнение выполнение Россией взятых на себя международных обязательств. На Саммите ОБСЕ в Стамбуле в декабре 1999 года, РФ согласилась с тем, что окончательным сроком вывода войск из Приднестровья, а также ликвидации военного оборудования / вооружений есть конец 2002 года. Министерская конференция ОБСЕ в Порто продлила сроки вывода оставшихся войск до конца 2003 года, однако, упомянутые обязательства не выполнялись. Более того, согласно докладу Посла Гилла на Постоянном Совете ОБСЕ 5 февраля 2004 года, приднестровская власть, на уровне нескольких инстанций, способствовало неисполнению соглашения об уничтожении оружия и военного оборудования. Следовательно, главный вопрос относительно официального статуса российских войск на данной территории, учитывая нормы международного права, а также перспективы выполнения Соглашения об обычных вооруженных силах в Европе остаются открытыми.

Литература

1. Анцупов А.Я., Прошанов С.Л. Методологические принципы российской конфликтологии // СОТИС - социальные технологии, исследования. 2016. № 2 (76). С. 33-40.
2. Волкова Н.В. Конфликтология // МОСКВА, 2016. Сер. Бакалавриат
3. Галиаскаров Р., Степаненко Р.Ф. Проблемы юридической конфликтологии // В сборнике: Общество, государство, личность: модернизация системы взаимоотношений в современных условиях Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием): в 2 частях. Под общей редакцией: Р.Ф. Степаненко, И.Г. Гараниной, А.В. Солдатовой. 2016. С. 27-31.
4. Глухова А.В., Тимофеева Л.Н. Российская политическая конфликтология: состояние и проблемы // Политическая наука. 2016. № 2. С. 13-37.
5. Глухова К.В. Роль конфликтологии в формировании компетентности экономиста по труду // В сборнике: НАЧАЛО В НАУКЕ материалы Всероссийской научно-практической конференции школьников, студентов, магистрантов и аспирантов, посвященной 100-летию со дня рождения первого

ректора Башкирского государственного университета Ш. Х. Чанбарисова. 2016. С. 19-21.

6. Метлякова Л.А. Конфликтология // Учебно-методическое пособие. Направление подготовки 44.03.02 - "Психолого-педагогическое образование", 39.03.03 - "Организация работы с молодежью" / Пермь, 2016.

7. Остапенко Г.А., Плотников Д.Г., Гузев Ю.Н. Особенности конфликтологии взвешенных сетей: понятие сетевого конфликта // Информация и безопасность. 2016. Т. 19. № 1. С. 136-137.

8. Полищук В.М. Проблематика конфликтологии в педагогической и психологической литературе // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2016. № 1. С. 143-147.

9. Руденко А.М., Загутин Д.С., Резванов А.А., Исакова Ю.И., Имгрунт С.И., Латышева А.Т. Конфликтология // Конспект лекций / Ростов-на-Дону, 2016. Сер. Зачёт и экзамен

10. Яковлев В.В. Информация о проведении тренинга по медицинской конфликтологии для врачей // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2016. № 1 (12). С. 101-105.

Transnistrian crisis as a factor of destabilization in the south-eastern region of Europe

Egorov V.G.

PRUE G.V. Plekhanov

The current system of international relations is characterized by a significant conflict potential, which is manifested in the existence of a large number of both regional and local conflicts.

The post-Soviet space did not escape the destructive influence of these processes as a result of the collapse of Soviet hegemony, the collapse of the so-called socialist community, the fall of the power of the communist nomenclature in the states that were part of it. The collapse of the Soviet political system not only opened up new unprecedented opportunities, but also laid the burden of serious tests on the peoples and states that arose on the ruins of the former Soviet Union. Among other important reasons for the collapse of the USSR, political and ethno-national conflicts in a number of former Soviet republics, including Moldova, took a significant place. There, at the end of the perestroika period, a struggle began to unfold between Chisinau and Tiraspol, which was determined by their fundamental differences in matters of the country's future and its self-determination.

Key words: opportunities, reason, disintegration, conflicts, composition.

References

1. Antsupov A.Ya., Proshanov S.L. Methodological principles of Russian conflictology // SOTIS - social technologies, research. 2016. No. 2 (76). S. 33-40.
2. Volkova N.V. Conflictology // MOSCOW, 2016. Ser. Undergraduate
3. Galiaskarov R., Stepanenko R.F. Problems of legal conflictology // In the collection: Society, state, personality: modernization of the system of relationships in modern conditions Materials of the XVI All-Russian scientific and practical conference (with international participation): in 2 parts. Edited by: R.F. Stepanenko, I. G. Garanina, A.V. Soldatova. 2016.S. 27-31.
4. Glukhova A.V., Timofeeva L.N. Russian political conflictology: state and problems // Political science. 2016. No. 2. S. 13-37.
5. Glukhova K.V. The role of conflict management in the formation of the competence of a labor economist // In the collection: BEGINNING IN SCIENCE materials of the All-Russian scientific and practical conference of schoolchildren, students, undergraduates and postgraduates, dedicated to the 100th anniversary of the birth of the first rector of Bashkir State University Sh. Kh. Chanbarisov. 2016.S. 19-21.
6. Metlyakova L.A. Conflictology // Study guide. Training direction 44.03.02 - "Psychological and pedagogical education", 39.03.03 - "Organization of work with youth" / Perm, 2016.
7. Ostapenko G.A., Plotnikov D.G., Guzev Yu.N. Features of the conflictology of weighted networks: the concept of network conflict // Information and security. 2016.Vol. 19.No. 1.P. 136-137.
8. Polishchuk V.M. The problem of conflict management in pedagogical and psychological literature // Bulletin of the Taganrog State Pedagogical Institute. 2016. No. 1. S. 143-147.
9. Rudenko A.M., Zagutin D.S., Rezvanov A.A., Isakova Yu.I., Imgrunt S.I., Latysheva A.T. Conflictology // Lecture notes / Rostov-on-Don, 2016. Ser. Pass and exam
10. Yakovlev V.V. Information on conducting training in medical conflictology for doctors // Personality in a changing world: health, adaptation, development. 2016. No. 1 (12). S. 101-105.

КОСОВО КАК ДЕСТАБИЛИЗАЦИОННЫЙ ФАКТОР БАЛКАНСКОГО РЕГИОНА

Драшкович Веско,

д.э.н., проф., Университет Черногории в Подгорице,
draskovic_55@gmail.com

«Замороженные» конфликты – это проблема, с которой столкнулись не только страны постсоветского пространства, Азии или Африки. Даже, казалось бы, в вполне успешной Европе, на протяжении многих лет также существует значительное количество конфликтов, до сих пор требующих решения. К самым ярким и показательным примерам этого относится территория Балканского региона, которая фактически полностью пронизана конфликтологической проблематикой.

Непростая геополитическая ситуация, а также достаточно серьезные внутренние разногласия между самими народами Балканского региона в итоге привели к тому, что в период между 1991 и 2001 гг. на территории бывшей республики Югославия вспыхнула череда вооруженных конфликтов, которые постепенно превратились в открытые войны. Основной причиной этого стало стремление народов Югославии обрести государственную независимость, а соответственно сербских сил – не допустить этого. В результате таких конфликтов хорватам, словенцам или, например, боснийцам удалось достичь этой цели, а в случае с Косово ситуация выглядит значительно сложнее, требуя скорейшего и окончательного урегулирования.

Ключевые слова: границы, повод, строительная политика, субъект, грань.

В свое время Отто фон Бисмарк отмечал: «если в Европе произойдет еще одна война, то это случится из-за какой-то ерунды на Балканах». Его пророчество оказалось верным, когда в июне 1991 г. на Балканах вспыхнул «пожар» – кризис, причины и последствия которой, до сих пор требуют тщательного изучения со стороны экспертов, аналитиков и ученых.

Анализируя тот или иной конфликт, чрезвычайно важно определить и выделить первопричины, положенные в его основу. Однако без их понимания вряд ли удастся разработать действенные механизмы, которые бы способствовали полному разрешению конфликта. Это особенно важно в случае с косовским конфликтом, ведь причина его возникновения, на наш взгляд, скрывается в чрезвычайно сложной и длительной истории сербско-албанского противостояния.

Листая страницы истории, отметим, что название «Косово и Метохия» впервые появилась в XII веке как обозначение отдельного региона, населенного сербами. Напомним, что сербы пришли на Балканы в конце VI – начале VII столетия. Слово «Косово» переводится с сербского как черный дрозд, а значит – это земля черных дроздов. «Метохия» – слово греческого происхождения и в переводе означает монастырские владения, то есть это регион, где расположены древнейшие монастыри. Исторические, географические, культурные и духовные факты, приводимые различными исследователями, свидетельствуют, что область Косово и Метохия была древним центром сербской культуры и государственности, начиная с того времени, когда сербы пришли на Балканы и там обосновались. В политическом смысле название «Косово» применяют ко всей территории Косова и Метохии, поскольку двойная название стало активно употребляться в период распределения исторической области между Сербией и Черногорией после Балканских войн (Косово поле отошло к Сербии, а часть Метохии – в Черногорию) [9, с. 74].

То, что Косово для сербов не только сугубо политическое или территориальное значение подтверждает и то, с каким почетом и уважением в Сербии относятся к упоминанию о битве на Косовом поле, сербский князь Лазарь противостоял османской нашествию. Косово рассматривается и воспринимается сербами регионом, в котором начала зарождаться сербская государственность, формироваться культура и духовная основа современной Сербии.

Легенда о битве на Косово поле утверждает, что средневековое сербское государство было обречено из-за измены, вражды и внутренней раздор среди сербов. События 1389 года подаются как

поворотный момент в истории Сербии; более того, от результата этой битвы якобы зависела судьба всего балканского полуострова и, в широком смысле, христианской Европы. Лазарь, осознавая, что поставлено на карту, пытался объединить разрозненные силы сербских властителей, чтобы вместе остановить турецкое нашествие. Однако сербы оказались не готовыми забыть о собственном эгоизме-победа ускользает из их рук. Войско Лазаря не просто разгромлено, согласно легенде, все Косово поле было покрыто телами сербских воинов. В исторической памяти сербов именно с этим поражением связывается утрата Сербией государственной независимости, хотя на самом деле вассалом Османской империи она стала лишь через 70 лет – в 1459 году.

Вокруг Косовской битвы возник целый массив эпических поэм, наполненных политическим, религиозным и национальным символизмом. Рассказы о подвиге сербских воинов на Косовом поле, которые пересказывались из поколения в поколение, напоминали безгосударственному сербскому народу о величии средневекового сербского королевства, вдохновляли на восстание против турецкого владычества и призывали к мести. Трансцендентный смысл рассказа заключался в том, что благодаря своей жертве сербы завоевали себе свободу, но не в традиционном понимании этого слова. Они обрели свободу в небесном царстве, и это царство теперь внутри них, в их духе и сознании. Речь идет о духовном спасении нации, о сохранении ее внутренней свободы, которую теперь ни один завоеватель не сможет у нее забрать [8, с. 435]. Сербская исследовательница Весна Песич подчеркивает, что Косовский миф служил «духовным вдохновением» националистического движения в Сербии во второй половине 1980-х годов. Выступая 28 июня на Косовом поле, президент Сербии Слободан Милошевич подчеркнул важное значение памяти о Косовскую битву для сохранения сербской идентичности и выживания нации. Показательно, что он признал невозможность отделить правду от вымысла в рассказе о битве 1389 года и сразу же отметил, что для Сербии это не имеет никакого значения.

Зато, главным является понимание того, что через собственные междоусобицы сербы потерпели тогда поражение, ценой которой стали века турецкого «плена». Сербия должна быть большой – вот главное послание Милошевича, а большой она может быть только при условии единства и мужества сербов. Обращаясь к двум миллионам сербов, собравшихся почтить погибших 600 лет назад, Милошевич торжественно пообещал, что отныне жертвы и интересы сербов не будут отвергнуты. «Вражда и предательство сопровождали сербский народ как злой гений протяжении всей его истории. Даже сегодня раздор среди сербских политиков сдерживает развитие Сербии, а их подчиненность унижает ее», – заявил Милошевич. По его словам, сербы вновь оказались на поле боя и впереди у них новые битвы». Он предостерег, что до сих пор это были битвы «безоружные», но в

будущем это может измениться. «Независимо от того, как ведутся эти битвы, их невозможно выиграть без решимости, мужества и верности», – подчеркнул сербский лидер [7, с. 120].

В Албании, наоборот считают, что Косово – это территория, где все время жило автохтонное илиро-албанское население, которое, кроме, постоянно составляло этническую большинство среди других жителей региона. Поэтому косовские албанцы имеют такое же право на построение собственной государственности, как хорваты, словенцы или, в конце концов, сербы.

Особенно ощутимо стала проявляться кризис в сербско-косовских отношениях после Второй мировой войны. Именно с тех пор считаем необходимым выделить два этапа, или два периода во взаимоотношениях между Белградом и Приштиной, что в итоге привели к открытому вооруженному противостоянию. Первый этап характерен либеральной политикой, которой придерживалось тогдашнее высшее югославское руководство в отношении Косовского региона. Связывают этот процесс с фигурой И. Б. Тито. Он, начав так называемый проалбанско-автономистское процесс и пытаясь в такой способ десербизировать Косово, фактически тем самым заложил основы и создал благоприятные условия для предстоящего распространения радикальных и националистических стремлений в кругах косовских албанцев. Именно в этот период территорию Косово, по разным данным, покинули около 250 тыс. сербов, зато на их место были поселены около 400 тыс. албанцев. Кроме того, тогда наблюдался и ряд политических действий. В 1963 г., было создан автономный Косовский край в составе Сербии, а уже буквально через 10 лет, а именно в 1974 году была принята Конституция, согласно которой Косово фактически превратилось в республику со всеми атрибутами государственности: регион получил свой парламент, правительство и значительное представительство в высшем органе федерации – Президиума СФРЮ. Фактически такие действия тогдашнего югославского руководства способствовали тому, что автономный край Косово превратился в полноценный субъект в пределах Югославии.

Чрезвычайно ощутимо в этот период стала проявляться также и информационно-просветительская деятельность в регионе, постепенно переходя и все больше приобретая черты крайнего албанского национализма.

Югославский журналист Б. Богунович вспоминал, как в 1974 г. будущий посол США в Югославии Лоуренс Иглбергер на одной из неформальных встреч пожаловался, что югославы постоянно тратят силы на борьбу с антикоммунистической эмиграцией, не замечая, «что могилу Югославии копают в Приштине». И далее пояснил: «Посмотрите, что вы как государство делаете в Приштине и в Косово в целом. Вы открыли им (косовским албанцам) один из самых больших университетов в Югославии, дали им Академию наук и в этих институтах готовите... политологов, социологов, философов, вследствие чего сами создаете великую

армию будущих недовольных, которые не будут стараться, не будут уметь делать что-то серьезное, которые завтра выйдут на улицы и потребуют свое государство и свою республику!» [5, с. 67].

Такие действия привели к тому, что, возродив сначала мировоззренческую и идеологическую позицию, в регионе постепенно начали переходить к другим, более радикальным шагам. Так, в марте 1997 г. было официально объявлено о создании «Армии освобождения Косово», которая начала открыто декларировать и озвучивать достаточно радикальные и угрожающие Белграда положение.

Активное развитие радикальных и националистических движений приходится на период смерти И. Б. Тито и прихода к власти С. Милошовича. Именно тогда начинается, с нашей точки зрения, второй этап в сербско-косовском противостоянии.

Заметим, что И. Тито пытался смягчить анти-сербские настроения мирным способом, предоставляя региону разнообразные привилегии. Зато его преемник С. Милошович прибег к более радикальным способам в борьбе с центробежными тенденциями, которые в то время активно проявлялись и распространялись на всей территории бывшей Югославии.

Белград начал активно разрабатывать и воплощать в жизнь доктрину «Великой Сербии», что впоследствии повлекло за собой катастрофические последствия в виде сотен тысяч жертв, многочисленных войн и в конечном итоге – развал Югославии. Сербская интеллигенция и политическая элита, охваченная ультранационалистическими и шовинистическими устремлениями, пыталась, как ей казалось, восстановить историческую справедливость и вернуть утраченное величие сербского государства. После очередного обострения ситуации в регионе в конце 1980-х годов в Сербии началась кампания за территориальное и административное единство республики и сокращение прав автономных краев. 1986 г. был опубликован Меморандум Сербской академии наук и искусства, который фактически стал манифестом сербских националистов. Авторы Меморандума отмечали: «Конституция 1974 г. фактически разделила Сербию на три части. Автономные области в пределах Сербии сделано равноправными республиками, а та часть сербских людей, которая проживает в других республиках в большом количестве, в отличие от других национальных меньшинств не имеет права использовать родной язык и алфавит, организовываться политически и культурно, развивать уникальную культуру своей нации». Именно такая ситуация, по мнению авторов Меморандума, приводит к переселения сербов из Косово и Хорватии на территорию внутренней Сербии. Выходом академики считали немедленное изменение Конституции с целью удовлетворения насущных потребностей сербов – «автономные области должны стать истинными, неотъемлемыми частями Республики Сербии, предоставление им автономии, которая бы не ликвидировала целостность Республики» [4, с. 85].

Следовательно, 28 сентября 1990 г. была принята новая Конституция Сербии, в которой Косово получило лишь внутривнутриреспубликанский статус, утратив полномочия субъекта государственных и политических отношений на территории Союзной Республики Югославии. В новой Конституции также отмечалось, что регион лишается всех атрибутов своей государственности. Фактически этим решением Белград, еще больше обострил и без того чрезвычайно сложную ситуацию, еще больше усилив стремление косовских албанцев в их борьбе за обретение независимости для региона.

Еще одним чрезвычайно важным аспектом, на котором стоит отметить и на который нужно обратить особое внимание, стал вопрос места и роли Запада в процессе разрешения конфликтов на территориях бывшей Югославии. Отслеживая процесс возникновения и обострения конфликта, необходимо отметить, что изначально в рамках косовского урегулирования международное сообщество прибегало к мерам декларативного характера.

Начиная с 1996 г. ситуация приобретает черты открытой войны между освободительной армией Косово, которую активно поддерживали албанские военные формирования, с одной стороны, и сербско-югославской - с другой. Вследствие этого, в первые месяцы противостояния жертвами конфликта стали десятки тысяч мирных жителей, а еще больше вынуждено покинули свои дома и переселились в другие, более безопасные районы.

Не дали ожидаемого результата в вопросе установления мира и многочисленные встречи с участием международных посредников, которые постоянно происходили на протяжении всего 1999 года. Так, 29 января 1999 г. в Лондоне состоялось заседание Контактной группы, где был разработан план под названием «Десять принципов» и приложение к нему, который предусматривал размещение международных сил на территории Косово. От 6 до 23 февраля 1999 г. в замке Рамбуи в пригороде Парижа, состоялось несколько раундов переговоров по мирному урегулированию косовского конфликта. Их результатом стало подписание 18 марта 1999 г. Временного соглашения о мире и самоуправлении в Косово. Соглашение предусматривало достижение ряда шагов, среди которых первым и самым главным условием стало положение о прекращении боевых действий и возвращении беженцев.

Отмечалось также, что в регионе должна храниться международное военное присутствие, а сам регион не теряет своего статуса в составе Союзной Республики Югославия. От 18 до 20 мая 1999 г. в Москве и Хельсинки состоялась встреча трехсторонней контактной группы в составе официальных представителей ЕС, России и США, в процессе которой разработаны и представлены конкретные меры по урегулированию кризиса, которая сложилась в регионе. Однако, несмотря на эти встречи и принятые на них решения и заключены договоры, конфликт и в дальнейшем про-

должал открыто существовать, вызывая многочисленные жертвы и разрушения.

Все это побудило Запад к пересмотру своих предыдущих действий и принятие в соответствии решительным шагом. Ведь становилось все очевиднее, что конфликт постепенно растет, составляя угрозу не только для региона, но и с возможным риском распространиться далеко за пределы Югославии.

В начале июля 1998 года специальный представитель США на Балканах Г. Холбрук, который получил прозвище «бульдозер американской дипломатии» в течение июля-августа посетил балканские страны и выступил с инициативой о международной изоляции Югославии и усиления давления на руководство страны. Его усилия поддержал Альянс, который 12 августа 1998 года принял решение о возможном нанесении военного удара по Югославии, рассмотрел три варианта вторжения на ее территории. С этого времени началось усиленное давление на Югославию со стороны не только НАТО, но и со стороны Европейского Союза и ОБСЕ. Более жестокими стали экономические санкции. В сентябре 1998 года Европейский Союз запретил полеты югославских самолетов в страны ЕС. К этой акции присоединился Международный трибунал. Он направил в Совет Безопасности письмо о нарушении прав человека в Косово. 23 сентября 1998 года Совет Безопасности принял резолюцию № 1199, в которой осудила экстремистские действия на территории Югославии, призвала к мирному урегулированию конфликта. Она обязывала правительство Югославии прекратить военные действия и вывести войска из Косово, дать возможность беженцам вернуться в свои дома. Сербия игнорировала решение Совета Безопасности, продолжала "этнические чистки". 24 октября Совет Безопасности принимает новую резолюцию, которая обязывала Белград выполнить предыдущую. И снова реакции со стороны агрессора [3, с. 73].

Кардинальные действия сербов в Косово при поддержке России набирали все более острого характера, вызвали решительные протесты со стороны прогрессивной общественности мира. Генеральный Секретарь ООН Кофи Аннан выразил сожаление по поводу игнорирования Белградом резолюции ООН и высказался за допустимость в данном случае применение военной силы для урегулирования конфликта.

После отказа Милошевича 24 марта 1999 г. выполнять условия ультиматума, альянс начал полномасштабную военную операцию в Косово. По итогам и результатам которой были созданы международные силы под руководством НАТО, стали ответственные за обеспечение стабильности в Косово (KFOR).

Именно с этого момента провинция попала под руководство и управление администрации североатлантического альянса. В регионе наступил процесс государственного строительства и самоопределения. Решающим и ключевым моментом которого стало 17 февраля 2008 г. когда парламент

Косово принял постановление, которая провозгласила государственную независимость края.

И несмотря на то, что по состоянию на 26 февраля 2018 г. Косово получило 114 дипломатических признаний, в том числе ее независимость признали 113 государств из 193 стран-членов ООН, 23 из 28 стран-членов Европейского Союза и 25 из 29 стран-членов НАТО. Несмотря на то, существует также ряд стран, которые отказываются принимать аналогичное решение, аргументируя свою позицию тем, что это повлечет разрушение всей системы международного права и представлять угрозу не только региональной стабильности, но и мира и безопасности на глобальном уровне. Тем более, что резолюция не имеет обязательного характера. Греция также сообщила, что не намерена менять свою позицию относительно статуса Косово и не признает этого края суверенным [2].

Заметим, однако: страны, которые отказываются признавать государственную независимость Косово, заботятся прежде всего о собственных интересах. Ведь, кроме

Сербии, Испании и Греции, не признали Косово также Россия, Израиль, Грузия, Армения, Словакия, Румыния. Как видим, в основном это страны, которые на своей территории имеют потенциально опасные регионы с возможными проявлениями сепаратизма, или страны на территории которых уже существуют регионы с неопределенным статусом. Следовательно, признание государственного суверенитета Косово может, на их взгляд, спровоцировать центробежные тенденции и в других странах, разрушая таким образом все правовые основы, на которых держится мировой правопорядок. Речь идет прежде всего о принципах Хельсинкского заключительного акта 1975 г., что согласовывает нерушимость границ в Европе и право государства на нерушимость своих границ.

Зато страны, которые поддержали факт признания государственной независимости Косово, акцентируют на том, что это решение основывается на принципах Международного пакта о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г., а также на основе этнического права и исторической справедливости.

Дипломатические возможности Белграда были ослаблены признанием независимости Косово бывшими югославскими республиками, а теперь независимыми государствами: Хорватией, Словенией (членами ЕС), Боснией и Герцеговиной, Македонией, Черногорией. В свою очередь, Европейский Союз давит на Сербию, добиваясь признания независимости Косово как предварительного условия для предоставления Сербии статуса ассоциированного члена ЕС и начала переговоров о вступлении Сербии в Европейский Союз. Однако, даже проевропейские сербские партии остаются на непоколебимых позициях. В то же время в общественном мнении Сербии, если доверять опросу «Евробарометра», намечаются сдвиги. Около половины граждан Сербии начинают склоняться к мысли, что Косово потеряно навсегда, а сербскому государству следует присоединиться к Европейскому Союзу. Теоретиче-

ски в случае продолжения политики Евросоюза на Балканах, предусматривающей воссоздание "виртуальной" Югославии в составе объединенной Европы, включая Сербию и Косово, диалектически косовская проблема может быть снята с повестки дня международной политики. Однако, такая перспектива выглядит умозрительно и абстрактно. Слишком много противоречий и злобы остается в балканской политике [1, с. 55].

То, что конфликт между Сербией и Косово не завершен и достаточно далек до окончательного урегулирования, ярко продемонстрировал недавний эпизод с попыткой Белграда возобновить железнодорожное сообщение с северными регионами Косово, а именно с Митровицей – территории с компактным проживанием сербского населения и одновременно экономическим, культурным и де-факто административным центром северного Косова. Казалось бы, в этом нет ничего опасного, но такая действие едва не спровоцировала новое вооруженное противостояние на территории Балканского полуострова. Дело в том, что восстановление железнодорожного сообщения является одной из договоренностей, достигнутых Сербией и Республикой Косово при поддержке и посредничестве международного сообщества. Ее основной целью должно было служить восстановление, прежде всего, экономических связей между регионами и возвращение беженцев. Однако Белград решил запустить на территорию Косово не просто поезд, а целый информационно-пропагандистскую машину, разрисованную цветами сербского флага и надписями «Косово – это Сербия». Учитывая тот факт, что конфликт между Косово и Сербией имеет ярко выраженный этнополитический и религиозный характер, трудно сказать, какой логикой руководствовались тогдашнее сербское руководство, отправляя на территорию Косово поезд с ярко выраженной идеологической направленностью.

Литература

1. Вагапова А.Р. К вопросу об актуальности конфликтологии в управлении // В сборнике: проблемы и перспективы развития науки в России и мире сборник статей международной научно-практической конференции: в 7 частях. 2016. С. 55-57.
2. Ветрова Е.А. Руководство по изучению дисциплины: экономическая конфликтология // Направление подготовки: 37.03.02 - Конфликтология Уровень бакалавриата Квалификация (степень) выпускника: Бакалавр Очная форма обучения, заочная форма обучения / Москва, 2016.
3. Глазырин В.А. Основополагающие идеи конфликтологии: от того, что видно - к тому, что не видно // Дискуссия. 2016. № 8 (71). С. 70-75.
4. Дисциплина "конфликтология" в системе высшего образования // В сборнике: Высшее образование для XXI века Доклады и материалы: в 2-х частях. Ответственный редактор Н. А. Селиверстова. 2016. С. 83-89.
5. Елсукова Е.К. Н.И. пирогов как основатель педагогической конфликтологии в России // Вест-

ник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2016. Т. 2. № 4 (15). С. 65-67.

6. Логиновский С.С. Конфликтология григория паламы // Вестник Омского университета. 2016. № 4 (82). С. 88-90.

7. Мартишина Н.В., Ганина Т.В. РТО "конфликтология: лекции и практикум". // Навигатор в мире науки и образования. 2016. № 3 (32). С. 118-121.

8. Мартишина Н.В., Ганина Т.В. РТО "конфликтология: лекции и практикум" // Навигатор в мире науки и образования. 2016. № 2 (31). С. 434-436.

9. Прокофьева М.А., Имангулова Т.В. Конфликтология // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 12-1. С. 74-75.

10. Тихонов В.В. Юридическая конфликтология и психология: обогащение исследований В сборнике: Человек и мир: психология риска, инноваций, конфликта сборник научных трудов. 2016. С. 202-206.

Kosovo as a destabilizing factor in the Balkan region Draskovic V.

University of Montenegro in Podgorica

"Frozen" conflicts are a problem faced not only by the countries of the post-Soviet space, Asia or Africa. Even in seemingly quite successful Europe, for many years there have also been a significant number of conflicts that still need to be resolved. The most striking and illustrative examples of this include the territory of the Balkan region, which is practically completely permeated with conflictological problems.

The difficult geopolitical situation, as well as rather serious internal disagreements between the peoples of the Balkan region themselves, eventually led to the fact that in the period between 1991 and 2001. On the territory of the former Republic of Yugoslavia, a series of armed conflicts broke out, which gradually turned into open wars. The main reason for this was the desire of the peoples of Yugoslavia to gain state independence, and, accordingly, the Serbian forces - to prevent this. As a result of such conflicts, Croats, Slovenes or, for example, the Bosnians managed to achieve this goal, while in the case of Kosovo the situation looks much more complicated, requiring an early and final settlement.

Key words: boundaries, reason, construction policy, subject, edge.

References

1. Vagapova A.R. On the relevance of conflict management in management // In the collection: problems and prospects for the development of science in Russia and the world collection of articles of the international scientific and practical conference: in 7 parts. 2016.S. 55-57.
2. Vetrova E.A. Discipline Study Guide: Economic Conflictology // Direction of training: 37.03.02 - Conflictology Bachelor's level Qualification (degree) of the graduate: Bachelor Full-time education, correspondence course / Moscow, 2016.
3. Glazyrin V.A. Fundamental ideas of conflict management: from what is visible to what is not visible // Discussion. 2016. No. 8 (71). S. 70-75.
4. Discipline "conflictology" in the system of higher education // In the collection: Higher education for the XXI century. Reports and materials: in 2 parts. Responsible editor N. A. Seliverstova. 2016.S. 83-89.
5. Elsukova E.K. N.I. Pirogov as the founder of pedagogical conflictology in Russia // Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk Region. 2016.Vol. 2.No. 4 (15). S. 65-67.
6. Loginovskiy S.S. Conflictology of Gregory Palamas // Bulletin of Omsk University. 2016. No. 4 (82). S. 88-90.
7. Martishina N.V., Ganina T.V. RTO "Conflictology: lectures and workshop". // Navigator in the world of science and education. 2016. No. 3 (32). S. 118-121.
8. Martishina N.V., Ganina T.V. RTO "Conflictology: lectures and workshop" // Navigator in the world of science and education. 2016. No. 2 (31). S. 434-436.
9. Prokofieva M.A., Imangulova T.V. Conflictology // International Journal of Experimental Education. 2016. No. 12-1. S. 74-75.
10. Tikhonov V.V. Legal conflictology and psychology: enrichment of research In the collection: Man and the world: psychology of risk, innovation, conflict collection of scientific papers. 2016.S. 202-206.

МЕРОПРИЯТИЯ ПО ПОВЫШЕНИЮ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ГРАЖДАН РОССИИ НА ВЫБОРАХ

Дюг Марина Игоревна

студентка Института экономики и права РТУ МИРЭА.

Грудинин Никита Сергеевич,

к.ю.н., доцент кафедры интеллектуальных прав РТУ МИРЭА.

В статье рассматриваются проблемы, которые связаны с игнорированием избирателями Российской Федерации выборов различного уровня в настоящее время. Отмечается, что невысокий уровень развития гражданского общества в России препятствует высокой электоральной активности россиян. Выходом из этой ситуации может стать введение обязанности граждан России участвовать в голосовании на выборах.

Ключевые слова: выборы, явка граждан, электоральный абсентеизм, гражданское общество.

Несмотря на то, что движущей силой и источником идей на пути к построению нового общества считается молодежь, проблема электоральной активности присуща не только этому слою населения. Год за годом общая явка на выборах Президента Российской Федерации колеблется от 65 до 70 %: в 2004 году явка избирателей составила 64,38 %, через четыре года увеличившись на 5,22 %, в 2012 году явка сильно упала по сравнению с предыдущими выборами и составила 65,3 %, тогда как явка на выборы Президента России 2018 года составила более 67 %¹.

Такая статистика наглядно дает представление о стабильном существовании примерно трети воздержавшихся от голосования на выборах Президента граждан, обладающих активным избирательным правом. Неоспоримым является тот факт, что определенную долю этой части граждан составляет негативно настроенная по отношению к выборам молодежь, однако было бы опрометчиво отрицать, что в совокупности воздерживающихся от голосования граждан насчитывается определенная доля взрослого населения.

Абсентеизм взрослого населения нашей страны не получает такого распространения, как молодежный абсентеизм, в силу ряда причин, среди которых основной, на наш взгляд, является разница в ценностной ориентации и идеологическом воспитании молодежи и граждан более старшего поколения. Этот феномен выражается в том, что представители современной молодежи вынуждены формироваться как личности в условиях постсоветского пространства совершенно нового, юного государства, образовавшегося на развалинах бывшего Советского Союза. Одной из самых сильных сторон этого ныне не существующего государства было идеологическое воспитание добросовестных граждан и общества в духе коллективизма: детей воспитывали в духе главенствующей идеологии патриотизма, в т.ч. и в политической сфере². Из чего мы делаем вывод о том, что у более старшего поколения в большинстве своем сохранилась привычка исполнять свой долг участием в таком важном событии политической жизни государства, как выборы главы государства.

Тем не менее, случаи игнорирования выборов взрослой частью населения все еще не так редки и в общем имеют в своей основе причины, перекликающиеся с причинами молодежного абсентеизма, выводя их таким образом в ранг общенацио-

¹ См.: URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Президентские_выборы_в_России_\(2018\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Президентские_выборы_в_России_(2018)) (дата обращения: 10.03.2019).

² См.: Ешев М.А. Патриотизм в советской и постсоветской России // Власть. 2014. № 5. С. 86.

нальных проблем системы выборов. Так, одной из самых основных проблем, общих для всех слоев населения, а потому и уже упомянутых выше, является недоверие граждан к самой системе выборов. Граждане убеждены в том, что результат выборов predetermined, а, следовательно, их голос не несет никакого смысла. Сложившиеся натянутые отношения избирателей и системы выборов вызваны неколебимостью позиций действующей власти.

Особое внимание следует уделить ситуациям, имеющим место во время выборов главы государства в субъектах Российской Федерации, которые с определенной периодичностью повторяются и заставляют всю страну удивляться, а именно ситуациям, связанным с нарушениями на выборах и влияющими определенным образом на явку и их результаты. Так, на выборах Президента России 18 марта 2018 года было зафиксировано несколько случаев вбросов бюллетеней в урны по всей России, на некоторых участках сразу же были аннулированы результаты голосования³. В целом же стоит заметить, что процесс голосования в отдаленных субъектах контролируется по большей части камерами в практически полном отсутствии наблюдателей, что лишь увеличивает потенциальную возможность очередной фальсификации бюллетеней и вбрасывания таких заранее подготовленных «ответов» в урны, куда обычные граждане бросают также и свои бюллетени, искренне веря в то, что их голос имеет значение.

Более того, несмотря на ежегодные усовершенствования системы голосования, направленные на повышение мобильности голосования и, соответственно, повышение явки, сбои случаются даже в системах «ноу-хау», казалось бы, созданных для благих целей. Так, для выборов Президента 2018 года была введена возможность голосования не только по месту регистрации, но и по месту нахождения. Гражданам предоставлялась возможность выбрать одну из двух опций, либо посетив участок, к которому они прикреплены по месту жительства, либо, получив открепительный, посетив любой другой УИК. Однако, по всей видимости, контроль за должным исполнением этой идеи не был достаточно продуман: так, представитель партии «Яблоко» Павел Мельников в качестве эксперимента, доказывающего несовершенство этой системы, смог проголосовать дважды в разных избирательных участках⁴. Данный случай имел место из-за ошибки избирательной комиссии, но после единичного случая исключать возможность как последующих ошибок, так и преднамеренной халатности избирательных комиссий уже не представляется возможным.

Еще одним из способов повышения явки граждан на выборах Президента 18 марта 2018 года

стало предложение об объединении выборов главы государства и голосования по благоустройству территорий. Проблема комфортной среды обитания признается гражданами одной из самых важных после здравоохранения и расходов, поэтому участие в решении этой проблемы им представляется действительно важным. Голосование в форме опроса по проектам благоустройства планировалось проводить в тех же зданиях, где проходило голосование за Президента, либо в соседних зданиях. Такая акция была направлена на повышение явки в отдаленных от столицы субъектах Федерации⁵.

Полагаем, что такие «приемы» повышения явки, происходящие повсеместно на выборах федерального уровня, не то что не могут существовать в принципе – они подрывают веру граждан в прозрачность и честность системы выборов, веру в то, что каждый голос имеет свой смысл и значение.

Статистика, отражающая явку на выборы главы государства с 2004 по 2018 год, позволяет сделать вывод о том, что в целом, несмотря на повышающуюся активность популяризации выборов, их важности и вариативности путей голосования, процент граждан, принимающих участие в выборах Президента Российской Федерации, не возрастает резко и скачкообразно: напротив, данные остаются более или менее неизменны с погрешностью в 3–4 %. Постоянство такого результата говорит о том, что самая большая проблема заключается, видимо, не в том, как проголосовать, а в том, что граждане не верят в выборы, не знают или не видят, за кого голосовать.

Граждане, разочарованные процедурой выборов, убеждаются также и в самом отсутствии факта выбора, не видя достойных кандидатов, способных составить конкуренцию действующей власти. Присутствующие на политической арене другие игроки кажутся несерьезными противниками. Существует также мнение о том, что спланированным является не только исход выборов, но и вся предвыборная кампания каждого кандидата, так что поля для какого-либо демократического выбора не остается. Более того, некоторые избиратели считают, что, даже в случае победы на выборах сильного кандидата из оппозиции, кем бы ни был вновь избранный потенциальный Президент, он также не сможет изменить складывающуюся десятилетиями систему, слаженно действующую уже многие годы.

Для повышения доверия к институту выборов необходимы коренные изменения самой процедуры. Так, важнейшими шагами является обеспечение контроля за проведением голосования на всех зарегистрированных УИКах посредством установки систем видеонаблюдения и назначением корпуса наблюдателей повсеместно, независимо от размера УИКа и его удаленности от федерального центра, в целях постепенного уменьшения и впо-

³ См.: URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Президентские_выборы_в_России_\(2018\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Президентские_выборы_в_России_(2018)) (дата обращения: 10.03.2019).

⁴ См.: URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5aae467f9a79470c78d04983> (дата обращения: 10.03.2019).

⁵ См.: URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/01/16/748017-pridumali-yavki> (дата обращения: 10.03.2019).

следствии полного искоренения случаев вбрасывания «ложных» бюллетеней в урны. Для увеличения точности регистрационного учета избирателей систему необходимо механизировать на основе паспортно-пропускной системы, в которой усовершенствованное удостоверение гражданина с встроенным штрих-кодом, прикладываемое к считывающему устройству, подавало бы сигнал о необходимости внесения в список избирателей вновь пришедшего гражданина в общегосударственный реестр избирателей, автоматически обновляющийся с каждым «зафиксированным» избирателем и фиксирующим при помощи отсканированной первой страницы паспорта фамилию, имя и отчество избирателя, а также его фотографию во избежание трудностей при полном совпадении фамилии, имени и отчества двух разных граждан.

Такая процедура, на наш взгляд, требует, прежде всего, проведения изменений функциональных возможностей удостоверения личности граждан России: превращение паспорта в своего рода электронный носитель со всеми прилагающимися документами упростит гражданам не только процедуру регистрации на выборах, но и при записи на единый «штрих-код» всех документов, например, процедуру записи к врачу, оплату счетов, различные банковские и юридические операции. Такая система электронного фиксирования избирателей позволит уменьшить возможность повторного голосования в результате ошибки комиссии вследствие человеческого фактора, полностью устраняемого при использовании механизированной системы подсчета. Более того, при должном программировании системы невозможность изменения автоматически составляющегося списка вручную полностью исключит риск «зачистки» избирателей.

Кроме того, необходимо помнить об отдаленных от федерального центра регионах с низкой плотностью населения, где, на наш взгляд, было бы удобнее организовать систему голосования на дому. Выбор в пользу этой системы также касается лиц с ограниченными возможностями и лиц с проблемами здоровья. По специальному заявлению, заполненному заранее в электронной или письменной форме или сделанному в устной форме официальному лицу лично или через представителя и впоследствии зафиксированному этим официальным лицом, вышеуказанным гражданам должно быть обеспечено проведение выборов в условиях, удобных для избирателей.

Вариантом повышения явки на выборы при четкой и слаженной работе процедуры выборов может стать установление обязательного порядка голосования в выборах. Такая система полностью избавит общество от абсентеизма, не только повысив явку, но и в частности сделав выборы еще немного честнее. Однако у такой системы может быть усмотрен и отрицательный эффект, заключающаяся в том, что при обязанности голосования у граждан пропадает личный интерес и личная симпатия к кандидатам. С одной стороны, при от-

сутствии личного интереса граждане могут с большей объективностью и большим анализом подходить к предстоящему выбору; с другой же стороны, такая акция ставит под сомнение факт волеизъявления гражданина, а значит и демократичность самого института выборов.

В условиях введения подобной системы нам видится необходимым некоторое видоизменение бюллетеней. Для поддержания хотя бы частично искренности волеизъявления граждан требуется, помимо приведения списка всех выдвинувшихся и зарегистрированных кандидатов с их кратким описанием, также закрепить возможность «не голосовать», то есть не выбирать ни одного из кандидатов. Для этого представляется необходимым оставлять в нижней части бланка клетку для еще одной пометки, но с пустым полем, предназначенным для краткой информации о кандидате, рядом с клеткой. Пустое поле видится необходимым для того, чтобы граждане по желанию могли аргументировать свою позицию «против всех», будь то недовольство кандидатами или системой выборов в целом.

Однако предложенные выше меры могут способствовать улучшению отношений между гражданами и институтом выборов, только если будут практически с нуля построены такие доверительные отношения, для чего необходимы не просто локальные изменения процедуры, но и фундаментальные, коренные изменения самой системы. Такие изменения требуют времени. Для достижения этой цели, включающей в себя множество разноплановых задач, недостаточно просто ждать – обществу необходимо осознанно действовать на основе запроса на смену существующей системы.

На наш взгляд, современное общество сталкивается с двумя главными препятствиями на пути к переменам: во-первых, это неактивное и до конца не построенное гражданское общество, что включает в себя низкую активность граждан, абсентеизм, неучастие в политической и общественной жизни государства, неготовность и нежелание развивать, высказывать и отстаивать свое мнение, то есть граждане в целом уделяют недостаточно внимания глобальным политическим процессам, происходящим вокруг и имеющим прямое влияние на них самих и окружающих их людей; во-вторых, это та самая устоявшаяся закрытая система управленцев, полностью контролирующая все политические процессы в государстве, своей деятельностью убивающая в гражданах какое-либо желание участвовать в каких-либо процедурах, исход которых заранее решен без участия самих граждан.

Таким образом, в ходе данного исследования мы пришли к выводу о том, что электоральный абсентеизм как молодежи, так и взрослого населения России, обладающего активным избирательным правом, проблема низкой активности недоразвитого института гражданского общества, а также замкнутость устоявшейся системы выборов тесно взаимосвязаны между собой и обуславливают одно другое. В ходе работы мы также выделили ос-

новные направления борьбы с электоральным абсентеизмом граждан на выборах разного уровня и обозначили возможные конкретные меры по увеличению доверия граждан к институту выборов. Однако, на наш взгляд, общество само должно осознанно прийти к необходимости ускоренного и эффективного построения гражданского общества и воспитания политически ответственных граждан, чтобы добиться уничтожения существующей системы, ставящей под угрозу основные конституционные права граждан и возможность развития нашего государства на пути к построению правового государства. Выборы Президента России 18 марта 2018 года и уровень явки на них свидетельствуют о том, что россияне стали намного ближе к осознанию этого, и в ближайшем будущем (10–15 лет) гражданское общество России заявит о себе в полной мере. Вероятно, тогда в выборах будет участвовать уже больше 70 % россиян, а их результаты могут стать неожиданностью в целом или в той или иной части.

Литература

1. Ешев М. А. Патриотизм в советской и постсоветской России // Власть. 2014. № 5.
2. <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/01/16/748017-pridumali-yavki>
3. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5aae467f9a79470c78d04983>
4. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Президентские_выборы_в_России_\(2018\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Президентские_выборы_в_России_(2018))

Measures to increase the electoral activity of russian citizens at elections

Dyug M.I., Grudin N.S.

RTU MIREA.

The article examines the problems that are associated with the ignorance of the elections of the Russian Federation at the present time. It is noted that the low level of development of civil society in Russia hinders the high electoral activity of Russians. A way out of this situation may be the introduction of the obligation of Russian citizens to vote in elections.

Key words: elections, turnout of citizens, electoral absenteeism, civil society.

References

1. Eshv MA Patriotism in Soviet and Post-Soviet Russia // Power. 2014. No. 5.
2. <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/01/16/748017-pridumali-yavki>
3. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5aae467f9a79470c78d04983>
4. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Presidential_Elections_in_Russia_\(2018\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Presidential_Elections_in_Russia_(2018))

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ ВОЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ

Богданов Владислав Николаевич
магистрант РАНХиГС (Липецкий филиал)

Ли Дмитрий Александрович
магистрант, РАНХиГС (Липецкий филиал).

История российской военной юридической службы началась 29 марта 1836 г., когда Манифестом императора Николая I был сформирован штат Военного министерства, в который впервые вводилась должность юрисконсульта. В статье показана история создания и развития военной юридической службы в России. Юридическая служба является неотъемлемой частью Вооруженных Сил, и именно поэтому процессы, связанные с реформированием военной организации, непосредственно затрагивают и юридическую службу.

Ключевые слова: Вооруженные силы Российской Федерации, Министерство обороны Российской Федерации, правовая работа, юридическая служба.

История российской военной юридической службы началась 29 марта 1836 г., когда Манифестом императора Николая I был сформирован штат Военного министерства, в который впервые вводилась должность юрисконсульта.

В основе организации деятельности юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации лежат принципы единоначалия и централизации руководства, предусматривающие формирование юридических служб, непосредственно подчиненных командирам (начальникам) воинских частей, в штате которых они находятся, а по специальным (правовым) вопросам – вышестоящему должностному лицу юридической службы, соответствия структуры подразделений юридической службы организационной структуре Вооруженных Сил Российской Федерации и их потребностям в правовом обеспечении, плановости и координации деятельности подразделений (должностных лиц) юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации, а также контроля за такой деятельностью и, конечно, принцип законности [3].

Юридическая служба является неотъемлемой частью Вооруженных Сил, и именно поэтому процессы, связанные с реформированием военной организации, непосредственно затрагивают и юридическую службу.

В 2012 – 2017 гг. руководством Министерства обороны Российской Федерации были определены первоочередные меры, направленные на повышение качества правовой работы и укрепление законности в Вооруженных Силах.

Так, 27 ноября 2012 г. на Коллегии Министерства обороны Российской Федерации было принято решение о включении в штаты центральных органов военного управления, региональных, территориальных управлений и отделов, подчиненных этим управлениям, а также в штаты органов военного управления, объединений и соединений должностей специалистов юридического профиля.

Стала формироваться отвечающая потребностям Вооруженных Сил современная структура юридической службы.

В настоящее время юридические должности предусмотрены в штатах практически каждого органа военного управления, объединения и соединения.

В целях реализации решений руководства Министерства обороны Российской Федерации был осуществлен комплекс мероприятий, направленных на совершенствование системы управления юридической службой, оптимизацию ее структуры и состава [1, с. 20]. Основные усилия при этом были сосредоточены на переработке Наставления по

правовой работе в Вооруженных Силах Российской Федерации, а также Положения о юридической службе Вооруженных Сил Российской Федерации. Позитивным итогом реализации указанных задач стало формирование вертикали юридической службы.

Правовой департамент является центральным органом военного управления, организующим правовую работу в Вооруженных Силах и осуществляющим методическое руководство деятельностью юридической службы Вооруженных Сил.

В системе методического руководства деятельностью должностных лиц юридической службы, направленной на обеспечение единообразной практики использования правовых средств, следует выделить сборы должностных лиц юридической службы Вооруженных Сил.

В 2013 г., после длительного перерыва, практика их проведения была возобновлена. В настоящее время сбор должностных лиц юридической службы Вооруженных Сил является одним из основных мероприятий в системе повышения их профессионализма.

Сбор носит учебно-методический характер. В ходе сбора планируются различные мероприятия, в том числе заслушивания должностных лиц о состоянии правовой работы, на которых участникам предоставляется возможность оценить в сравнении свою работу по правовому обеспечению деятельности воинских частей, получить информацию о недостатках, выявленных в ходе проведения проверок, или о положительном опыте коллег.

В ходе сбора темы занятий формулируются на основе анализа состояния правовой работы. Координаторы таких занятий не ограничиваются теоретической частью, а на примере сложившейся практики детально разбирают недостатки, предлагают формы и методы решения возникающих вопросов. Современные технологии позволяют проводить занятия с наглядной демонстрацией материала, что повышает их эффективность.

На сборе уже традиционно проводятся круглые столы по вопросам, с которыми юристы сталкиваются в повседневной деятельности и не всегда могут с уверенностью принять по ним решение.

Данная форма вызывает интерес у участников, поскольку идет непосредственное общение с компетентным должностным лицом, которому можно задать интересующий вопрос. Нередко отведенного на проведение круглого стола времени оказывается недостаточно и приходится его увеличивать. И, конечно же, не стоит забывать про общение участников сбора, в ходе которого обсуждаются профессиональные вопросы, происходит обмен опытом, что по праву можно считать отдельной формой методической работы.

Не менее важным мероприятием методического руководства правовой работой является организация системы общей и индивидуальной профессиональной подготовки (повышения квалификации) для должностных лиц юридической службы Вооруженных Сил.

Правовым департаментом с 2014 года реализуется комплекс мероприятий, к числу которых относятся: проведение индивидуальных стажировок юристов, оказание помощи в решении конкретных задач, применение института наставничества, обучение специалистов юридической службы по программам дополнительного профессионального образования, а также подготовка специалистов юридической службы в области права вооруженных конфликтов, которая осуществляется на базе Военного университета Министерства обороны Российской Федерации и Военного учебно-научного центра Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации».

Решение задач по подготовке и повышению квалификации кадров юридической службы требует более тесного взаимодействия и с иными образовательными организациями, в рамках которого проводится обучение специалистов юридической службы в сфере правового обеспечения закупок, товаров, работ и услуг для государственных нужд, противодействия коррупции в системе государственного управления и по другим направлениям.

Не стоит забывать, что важнейшей формой подготовки юриста является его правовое самообразование.

В качестве одной из основных обязанностей военнослужащих в Уставе внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 1495, закреплена обязанность каждого военнослужащего в служебной деятельности руководствоваться Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, общевоинскими уставами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации [4].

При этом необходимо отметить, что какие бы эффективные меры, направленные на укрепление законности и правопорядка, ни разрабатывались, их успешная реализация невозможна без высокого правового сознания, формирование которого может осуществляться при правильной организации и проведении мероприятий правового воспитания и правового обучения.

Недостатки в организации и проведении правового обучения и воспитания отрицательно сказываются на правовой культуре, уровне преступности, количестве правонарушений в войсках, поэтому от правильного понимания, организации и реализации этого направления работы во многом зависит и состояние воинской дисциплины, а значит, и боеготовность воинских частей и подразделений.

В Вооруженных Силах правовое обучение организуется командирами (начальниками), органами по работе с личным составом при непосредственном участии подразделений юридической службы в целях усвоения военнослужащими и лицами гражданского персонала Вооруженных Сил правового минимума, норм международного гуманитарного права для осуществления повседневной

служебной деятельности и соблюдения законности.

Правовой минимум – это строго определенный, минимальный перечень нормативных правовых актов, которые обязан знать и положения которых должен уметь применять на практике каждый военнослужащий (лицо гражданского персонала) при исполнении обязанностей по занимаемой должности и выполнении поставленных ему задач.

В дальнейшем предполагается производить оценку знаний правовых минимумов с использованием информационно-справочной правовой системы «АРМЮРИСТ», в которую уже включен соответствующий модуль тестирования.

Информационно-справочная правовая система «АРМЮРИСТ» предназначена для оперативного доведения правовых актов Министерства обороны Российской Федерации до конкретных воинских частей, повышения качества подготовки документов и правовой экспертизы, для ускорения процессов принятия решений по ряду вопросов на основе автоматизации и интеграции процессов сбора, а также для обобщения и анализа правовой информации в сфере деятельности Вооруженных Сил.

В рамках первого этапа ввода в эксплуатацию в 2015 г. система «АРМЮРИСТ» была установлена на автоматизированные рабочие места должностных лиц центральных органов военного управления.

В 2016 г. началась эксплуатация системы «АРМЮРИСТ» в видах Вооруженных Сил, военных округах (Северном флоте), родах войск Вооруженных Сил, региональных управлениях правового обеспечения, военных комиссариатах субъектов Российской Федерации.

В 2017 г. система «АРМЮРИСТ» введена в эксплуатацию в объединениях, соединениях, воинских частях и организациях Вооруженных Сил.

По состоянию на сентябрь 2017 г. система «АРМЮРИСТ» доведена до 361 объекта на 1 089 рабочих местах, содержит около 60 тысяч правовых актов военного ведомства с 1918 г., и в ней зарегистрировано 2 100 пользователей.

Система «АРМЮРИСТ» впервые была продемонстрирована общественности в рамках статической экспозиции Правового департамента на Международном военно-техническом форуме «АРМИЯ-2017», где получила много положительных отзывов.

Правовая работа требует системного подхода, следовательно, она должна осуществляться на стадиях формирования правовых норм, возникновения правоотношений, соблюдения, исполнения, применения правовых норм, предусматривать согласованные действия должностных лиц юридической службы на всех уровнях управления и по всем направлениям деятельности.

Только такой подход позволит обеспечить эффективную реализацию задач юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации, направленных на достижение главной цели – поддержание высокого уровня обороноспособности страны.

В настоящее время в условиях реализации задач государственной политики в области национальной обороны, определенных Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, перед юридической службой ставятся ответственные задачи по правовому обеспечению деятельности Вооруженных Сил, важнейшими из которых являются дальнейшее совершенствование законодательства в области строительства и применения Вооруженных Сил, совершенствование и развитие собственной нормативной базы Министерства обороны Российской Федерации, повышение эффективности в работе по защите интересов Министерства обороны в судах, проведение мероприятий по укреплению воинской дисциплины и правопорядка, участие в работе по созданию и ведению баз данных правовой информации в области обороны, повышение качества подготовки военных юристов и поднятие статуса юридической службы Вооруженных Сил в целом [2].

Литература

1. Интервью с директором Правового департамента Министерства обороны Российской Федерации (начальником юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации) О.Г. Безбабновым // Вестник военного права. – 2018. – № 1. – С. 18 – 24.

2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12 мая 2009 года № 537 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.

3. О юридической службе Вооруженных Сил Российской Федерации: приказ Министра обороны Российской Федерации от 14 ноября 2017 года № 700 // Официальный сайт Министерства обороны РФ URL: <http://mil.ru> (дата обращения: 30.04.2019).

4. Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации: указ Президента РФ от 10 ноября 2007 года № 1495 (ред. от 26.04.2019) // Справочно-правовая система «Гарант» URL: <http://base.garant.ru/192196/> (дата обращения: 28.04.2019).

The history of the creation and development of the military legal service in Russia

Bogdanov V.N., Lee D.A.

RANEPA (Lipetsk branch).

The history of the Russian military legal service began on March 29, 1836, when the staff of the War Ministry was formed by the Manifesto of Emperor Nicholas I, in which the position of a legal adviser was first introduced. The article shows the history of the creation and development of the military legal service in Russia. The legal service is an integral part of the Armed Forces, and that is why the processes associated with the reform of the military organization directly affect the legal service.

Key words: Armed Forces of the Russian Federation, Ministry of Defense of the Russian Federation, legal work, legal service.

References

1. Interview with the Director of the Legal Department of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Head of the Legal Service of the Armed Forces of the Russian Federation) O. G. Bezbabnov // Bulletin of military law. - 2018. - No. 1. - P. 18 - 24.

2. On the National Security Strategy of the Russian Federation until 2020: Decree of the President of the Russian Federation of May 12, 2009 No. 537 // *Sobr. legislation Ros. Federation.* - 2009. - No. 20. - Art. 2444.
3. On the legal service of the Armed Forces of the Russian Federation: order of the Minister of Defense of the Russian Federation of November 14, 2017 No. 700 // Official website of the Ministry of Defense of the Russian Federation URL: <http://mil.ru> (date of access: 30.04.2019).
4. On the approval of the general military regulations of the Armed Forces of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated November 10, 2007 No. 1495 (as amended on 04/26/2019) // Reference and legal system "Garant" URL: <http://base.garant.ru/> 192196 / (date of access: 28.04.2019).

ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кузьмина Т.В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

Климов А.С.,

к.ю.н., доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

Обеспечение национальной безопасности государства представляется одним из важнейших направлений современного жизнеустройства, поскольку оно опосредует как публичные, так и частные интересы. В статье анализируются и рассматриваются понятия национальной безопасности, при этом автор подробно рассматривает некоторые из угроз национальной безопасности применительно к Российской Федерации. А также делается вывод о том, как можно нейтрализовать воздействие этих угроз на национальную безопасность.

Ключевые слова: национальная безопасность, Стратегия национальной безопасности, коррупция, экстремизм, организованная преступность.

На этапе развития цивилизации человечество определяло возможные тенденции в области понятия безопасности с учетом всех общеобязательных норм, структурированных в элементах системы права. Уникум национальной безопасности начинает своё развитие с древнего периода. Ещё до появления государственности племена строили взаимоотношения на основе силы, проводили политику грабежа, завоевывая и разоряя территории соседних народов. В связи с необходимой обороной и появлением средств вооружения, выдвинулся вопрос о национальной безопасности, как отдельной личности, так и общества в целом.

В настоящее время Российская Федерация испытывает постоянное влияние всё нарастающего потока угроз национальной безопасности, охватывающих практически все области и сферы. Эффективное противодействие современным угрозам становится гарантией защиты национальных интересов и всестороннего обеспечения безопасности российских граждан. Это противодействие и обеспечение национальной безопасности осуществляется специальной системой. Национальная безопасность является настолько широкой и значительной по охвату сфер общественной жизни группой, что для её реализации и обороны предназначаются все функции нашей страны [3]. Стратегия национальной безопасности России установила единый интерес, как государственных органов, так и ученых-исследователей в рассмотрении и изучении тем, посвященных национальной безопасности. Анализ и исследование данной области весьма обширны, так как исходят из социально-правовых конструкций общества и всего мира в целом. Данное явление следует рассматривать, исходя из анализа двух взаимодействующих подходов. Первым подходом выступает выявление особенностей современного этапа исторического развития страны, а следующий подход характеризуется установлением ключевых положений, направленных на формирование современного общества [1]. По мнению А.Р. Тузикова, понятие «национальная безопасность» означает систему представлений относительно наиболее серьезных угроз для самого существования государства и нации, а также относительно способов их парирования [14, с. 11]. А.В. Возжеников выдвигает следующую теорию, что понятие «национальная безопасность» охватывает все виды внешней и внутренней безопасности личности, общества и государства в различных сферах жизнедеятельности

[2, с. 8]. Можно предположить, что все эти моменты носят функциональный характер и могут быть предусмотрены при исследовании определенных правовых норм и правил. Помимо этого, предложенные конструкции подтверждают, что в определении безопасности лидирующую роль оказывает фактор защищенности, который может применяться как к концепции личной безопасности отдельного субъекта, так и к концепциям всеобъемлющего цикла, таким как национальная или международная безопасность. Исходя из этого, во всей совокупности признаков "национальная безопасность" может быть определена как политико-правовой инструмент, призванный служить потребностям общества, личности, социальных групп, а также самого государства.

Изучая концепцию национальной безопасности, неизбежно приходится сталкиваться с угрозами, которые могут возникнуть и возникают с учетом специфики социальной направленности развития общества и государства, как внутреннего, так и внешнего. Попробуем разобраться, что понимается под угрозами национальной безопасности Российской Федерации – это потенциальные угрозы, направленные на дестабилизацию политической, социальной, экономической, военной, экологической системы, а также духовных и интеллектуальных ценностей нации. Массовые перемены, происходящие в современном обществе, наравне с положительными действиями, порождают за собой появление новых угроз и усиливают воздействие угроз, существовавших ранее, изменяя их характер и степень опасности. В этих условиях государство становится основным субъектом безопасности, особая роль отводится общественным средством противодействия угрозам различного характера и степени опасности [4, с. 176].

Указом Президента Российской Федерации такие аспекты, как экстремистская деятельность, направленная на дестабилизацию общественного порядка и подрыв полноценного функционирования государственных органов, коррупция при осуществлении полномочий должностных лиц различных уровней и организованная преступность, приравниваются к угрозам национальной безопасности.

Каждое из трех указанных оснований само по себе актуально, но самое главное, что все три противоправных деяния могут переплетаться друг с другом, вызывая тем самым тяжкие последствия, подрывающие работу многих государственных институтов. В качестве примера необходимо привести такой способ, как отмывание доходов, которое производится путём совершения противоправных деяний, и в дальнейшем направляются в качестве финансирования в бюджет какой-либо террористической организации. Данная модель предполагает уже организованную преступную группу. Профилактику в приведённом случае определяют согласно с Федеральным законом "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма" от 07.08.2001 N 115-ФЗ[10]. Если рас-

сматривать вышеупомянутые угрозы национальной безопасности отдельно, то можно отметить, что обострение этих проблем на международной арене способствовало импульсу в развитии национального законодательства в соответствующих областях. Таким образом, к списку законодательных актов о коррупции относят: ФЗ «О противодействии коррупции», Указ Президента РФ "О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 – 2020 годы", Указ Президента РФ "О мерах по противодействию коррупции", а также общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры в Российской Федерации, направленные против коррупции. Коррупция обычно классифицируется как угроза на национальном уровне, вследствие того, что она на протяжении всей истории нашей страны наносит большой ущерб морали и нравственности. Как известно, проблема коррупции в России стоит очень остро, поэтому решение этой проблемы должно стать одним из приоритетных направлений государственной политики. Так, в начале 2018 году международная антикоррупционная организация Transparency International составила ежегодный индекс восприятия коррупции в странах. В нем Россия набрала 29 баллов из 100 возможных и оказалась на 135-й строчке из 180 стран, попав в один ряд с Гондурасом, Киргизией, Папуа-Новая Гвинея, Доминиканская республика и Парагвай. С 2015 года Россия потеряла в этом рейтинге 16 пунктов, откатившись вниз со 119-го места. Однако число баллов, начисленных России, за эти годы не изменилось. Падение в рейтинге оказалось связано с включением новых стран и улучшением коррупционной обстановки в некоторых других. В России в 2017 году был принят комплекс мер для борьбы с ростом коррупции. Так, в декабре 2017 года Госдума приняла в третьем чтении закон о создании реестра утративших доверие чиновников, уволенных за мздоимство. Согласно закону, реестр коррупционеров в России появился с 1 января 2018 года, в связи с чем можно утверждать, что наша страна вступила на путь искоренения коррупции как общественного явления. Таким образом, борьба с коррупцией должна отличаться системным подходом, учитывающим все особенности рассматриваемого вида преступлений, и осуществляться в соответствии с направлением от общего к частному. Противодействие коррупции должно включать: направления, представляющие собой базовые, фундаментальные требования и принципы; совершенствование законодательства, обеспечивающего эффективные действия, направленные на борьбу с коррупцией и совершенствование организационно-правового статуса, структуры, уровня подготовки кадров и обеспечения сотрудников. Учитывая изложенное, отметим, что проблема коррупции требует особого внимания со стороны высших органов власти. Необходимость ее решения продиктована современным состоянием общества и государства. В связи с этим требуется объединение усилий всего общества, государственных институтов и системы пра-

воохранительных органов. Необходимо заметить, что происходит вмешательство в законное осуществление полномочий должностных лиц, что, соответственно, сказывается и на функционировании органов власти [15, с.114–120].

Следующей угрозой национальной безопасности является экстремизм. Он остается одной из самых серьезных для международного сообщества проблем, а борьба с экстремистскими группировками входит в число актуальных задач современного общества, поскольку экстремизм, безусловно, представляет угрозу мировой и национальной безопасности. Понятие экстремизма или экстремистской деятельности очень многопланово. Оно включает в себя: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности страны; публичное оправдание терроризма и иную террористическую деятельность; пропаганду расовых, межнациональных и религиозных конфликтов с использованием методов агрессивного и незаконного воздействия; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его расовой, национальной, религиозной или социальной принадлежности и др. [11]. Экстремистская деятельность выражается в различных формах гражданского неповиновения, в том числе в террористических акциях, направленных против органов государственного управления и представителей властных структур, а также мирного населения. Таким образом, терроризм – одно из проявлений экстремизма, форма политической борьбы, связанная с применением идеологически мотивированного насилия [13, с. 55]. Противодействие экстремистской деятельности осуществляется по следующим основным направлениям:

- принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности;
- выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

Дополнительными мерами также являются постоянное обновление, дополнение законодательства по предотвращению и противодействию проникновения экстремистов в СМИ. Например, в ст. 8, 11 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» содержатся конкретные нормы, направленные на борьбу с распространением экстремистских материалов в СМИ. Одной из значимых мер по противодействию экстремизму и терроризму, особенно в интернете, стало принятие так называемого «пакета Яровой», поправки, ужесточающих уголовное законодательство, направленное на противодействие экстремистской и террористической деятельности в коммуникационных сетях[9]. Ещё одним необходимым способом для предотвращения экстремистской деятельности в настоящее время является, принятый в третьем, окончательном

чтении пакет законопроектов о частичной декриминализации статьи 282 Уголовного кодекса РФ ("Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства"), устанавливающей ответственность за экстремизм. Как подчеркивается в пояснительной записке, это делается в целях исключения случаев привлечения к уголовной ответственности за деяния, совершенные однократно и не представляющие серьезной угрозы для основ конституционного строя и безопасности государства. Данная ситуация сложилась по результатам прошедшего года: за «лайки» и репосты были возбуждены уголовные дела даже в отношении тех лиц, у кого не было умысла экстремистской направленности. Эта ситуация вызвала серьезное обсуждение в обществе, но в связи с принятием данных законопроектов «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» (об уточнении ответственности за действия, связанные с возбуждением ненависти либо вражды, а также с унижением человеческого достоинства) и законопроект «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (об уточнении ответственности за действия, связанные с возбуждением ненависти либо вражды, а также с унижением человеческого достоинства) прекращают эту дискуссию, они устанавливают административную ответственность за соответствующие составы нарушений.

Таким образом, Российская Федерация при обеспечении общественной безопасности на долгосрочную перспективу исходит из необходимости постоянно совершенствовать систему обеспечения, принимать иные меры по предупреждению, выявлению и пресечению террористической и экстремистской деятельности, преступлений, связанных с коррупцией, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, организацией незаконной миграции, торговлей людьми, а также других преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина.

К этой же категории угроз приобщают и терроризм, который несёт в себе не просто опасность со стороны нарушения деятельности государственного аппарата и наносит моральный вред обществу, но и уносит жизни людей, граждан Российской Федерации [3, с. 193–195].

Содержание термина «противодействие терроризму» раскрывается в п. 4 ст. 3 Федерального закона "О противодействии терроризму" от 06.03.2006 N 35-ФЗ как деятельность государственных и муниципальных органов власти, а также физических и юридических лиц по: а) предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма); б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом); в) минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма. Одним из

важнейших направлений деятельности государства по противодействию терроризму является профилактика данных преступлений, которая выражается в совокупности специальных мер, направленных на минимизацию криминогенных факторов, выявление лиц, склонных к совершению преступлений, а также причин и условий возникновения и распространения отдельных видов (форм) преступной деятельности [16, с. 154]. Важно учитывать социальные аспекты противодействия терроризму. Неразрешенность материальных проблем населения продолжает оставаться значимым фактором в развитии терроризма. Решение проблемы представляется в улучшении социально – экономического климата в России, повышении количества и качества предоставленных рабочих мест, в особенности для молодежи. Также государству следует обратить внимание на досуговую занятость молодых людей, повысить финансирование молодежных программ развития культуры и спорта, увеличить количество предоставляемых бюджетных мест в высших и средних специальных учебных заведениях лицам из семей со сложной жизненной ситуацией либо неблагоприятным влиянием. Возможно формирование отдельных групп в учебных заведениях из указанных лиц, требующих более активной работы и повышенного внимания. Из числа общеспециальных мер в качестве способа противодействия терроризму традиционно рассматривается ужесточение уголовной ответственности. Данный способ активно использует законодатель. В последнее время наметилась тенденция ужесточения уголовной ответственности за террористические [8] преступления: отменены сроки давности по отношению к террористическим преступлениям [5], усилена ответственность за незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ [7], установлены новые обеспечительные меры, связанные с конфискацией имущества [6] и т.д. Безусловно, только неотвратимость наказания удерживает сегодня многих от совершения преступления, это является универсальным принципом государственной политики по отношению к терроризму. Но наличие только факта принятия уголовно – правовой нормы не дает возможности влиять на состояние и тенденции преступности, необходимы также средства ее эффективной реализации. В качестве подобных эффективных средств может рассматриваться деятельность правоохранительных органов, установление их взаимодействия с населением, а также повышение уровня доверия последних. С учетом того, что современный терроризм в России зачастую имеет международные связи в части идеологической и иной подготовки, финансирования, важным условием эффективной деятельности российских правоохранительных органов по противодействию терроризма является взаимодействие с правоохранительными органами зарубежных государств. На практике правоохранительные органы различных государств чаще всего взаимодействуют в рамках единых антитеррористических структур и подразделений регионального и между-

народного уровней. Подобное взаимодействие является перспективным, создает условия для эффективной совместной деятельности в сфере противодействия терроризму, оперативного обмена опытом и информацией между компетентными органами блоковых государств. Анализируя террористические акты, можно сделать вывод, что такие преступления являются проявлениями организованной преступности, которая, как правило, начинает распространяться как болезнь среди населения в виде вербовки и участия в экстремистских организациях, что служит подрывом государственной безопасности.

Представленные угрозы национальной безопасности в настоящей статье, несомненно, оставляют отпечаток на истории нашего государства. Таким образом, чтобы решить проблему обеспечения национальной безопасности в области государственной и общественной безопасности, государство проводит ряд мероприятий:

- Модернизация деятельности федеральных органов исполнительной власти, пресечение возможности работы разведывательных и специальных служб, деятельность которых направлена на получение информации, которая в свою очередь может принести ущерб национальным интересам Российской Федерации, противодействие террористическим и экстремистским организациям, для улучшения защиты прав и свобод гражданина Российской Федерации.

- Совершенствование механизмов, которые предупреждают и пресекают международные конфликты; противодействие деятельности граждан в преступных и террористических организациях за пределами Российской Федерации.

- Повышение ответственности органов государственной власти в области государственной и общественной безопасности.

- Повышение качества жизни граждан Российской Федерации как одного из основных показателей состояния национальной безопасности.

Ознакомившись с деятельностью Российской Федерации в области национальной безопасности, сделан вывод о том, что правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации достаточно велика, но, несмотря на это, уровень ее эффективности не высок, об этом в первую очередь свидетельствуют геополитические проблемы и конфликты. Одним из самых сложных для решения является проблема низкой правовой грамотности молодежи как основной целевой группой движущей силы современного общества. Требуется создание правовой базы для построения, развития и функционирования системы национальной безопасности, комплексного жизнеобеспечения структурных подразделений системы национальной безопасности.

Литература

1. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. – 1994. – № 12. – С. 3–14.

2. Возжеников А.В. Национальная безопасность России: методология комплексного исследования и политика обеспечения: монография. – М., 2002. – 423 с.

3. Гунич С.В. Конституционно-правовые аспекты определения сил обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 6. – С. 15–17.

4. Кортунув С.В. Безопасность в глобальном мире: эволюция российской политики: дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2005. – 519 с.

5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 5.05.2014 № 130 – ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2335.

6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 28 июня 2014 г. № 179 – ФЗ // СЗ РФ. – 2014. – № 26 (ч. 1). – Ст. 3385.

7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 24.11.2014 № 370 – ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 48. Ст. 6651.

8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно – процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: Федеральный закон РФ от 6.07.2016 № 375 – ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.

9. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: Федеральный закон РФ от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ // Рос. газета. 2016. № 149.

10. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон РФ от 07 августа 2001 г. N 115-ФЗ: по сост. На 6 декабря 2018 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33 (часть I). – Ст. 3418.

11. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. 23 нояб. 2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

12. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 685 // Собр. Законодательства Рос. Федерации 2016. № 1. Ч. 2. Ст. 212.

13. Смертин А.Н. Экстремизм и терроризм: некоторые подходы к определению понятий [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 1 (41). С. 54–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/ekstremizm-i-terrorizm-nekotorye-podhodyk-opredeleniyu-ponyatiy> (дата обращения: 10.12.2018).

14. Тузиков А.Р. Основы геополитики: учеб. пособие. – М., 2004. – 272 с.

15. Уголовное право. Особенная часть : учеб. пособие для СПО / В.В. Сверчков. – 9-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2016. – 234 с.

16. Шалагин А.Е. О приоритетных направлениях деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений // Вестник экономики, права и социологии. – 2014. – № 2. – С. 154.

Issues of ensuring the national security of the Russian Federation

Kuzmina T.V.? Klimov A.S.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk Branch
Ensuring the national security of the state seems to be one of the most important areas of modern life, since it mediates both public and private interests. The article analyzes and considers the concepts of national security, while the author examines in detail some of the threats to national security in relation to the Russian Federation. It also concludes on how to neutralize the impact of these threats on national security.

Key words: national security, national security strategy, corruption, extremism, organized crime.

References

1. Abalkin L.I. Economic security of Russia: threats and their reflection // Problems of Economics. - 1994. - No. 12. - P. 3-14.
2. Vozzhenikov A.V. National security of Russia: methodology of comprehensive research and policy of support: monograph. - M., 2002. -- 423 p.
3. Gunich S.V. Constitutional and legal aspects of determining the forces of ensuring the national security of the Russian Federation // Constitutional and municipal law. - 2013. - No. 6. - P. 15-17.
4. Kortunov S.V. Security in the Global World: Evolution of Russian Politics: dis. ... Dr. watered. sciences. - M., 2005. -- 519 p.
5. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 05.05.2014 No. 130 - FZ // SZ RF. 2014. No. 19. Art. 2335.
6. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of June 28, 2014 No. 179 - FZ // SZ RF. - 2014. - No. 26 (part 1). - Art. 3385.
7. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 24.11.2014 No. 370 - FZ // SZ RF. 2014. No. 48. Art. 6651.
8. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of establishing additional measures to counter terrorism and ensure public safety: Federal Law of the Russian Federation of July 6, 2016 No. 375 - FZ // SZ RF. 2016. No. 28. Art. 4559.
9. On amendments to the Federal Law "On Countering Terrorism" and certain legislative acts of the Russian Federation in terms of establishing additional measures to counter terrorism and ensuring public safety: Federal Law of the Russian Federation of July 6, 2016 No. 374-FZ // Ros. newspaper. 2016. No. 149.
10. On combating the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism: Federal Law of the Russian Federation of August 7, 2001 N 115-FZ: according to comp. As of December 6, 2018 // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2001. - No. 33 (part I). - Art. 3418.
11. On countering extremist activity: Feder. Law of July 25, 2002 No. 114-FZ (as amended on November 23, 2015) // Sobr. legislation Ros. Federation. 2002. No. 30. Art. 3031.
12. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 31 December. 2015 No. 685 // Collected. Legislation Ros. Federation 2016. No. 1. Part 2. Art. 212.
13. Smertin A.N. Extremism and terrorism: some approaches to the definition of concepts [Electronic resource] // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 1 (41). S. 54-59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/ekstremizm-i-terrorizm-nekotorye-podhodyk-opredeleniyu-ponyatiy> (date accessed: 10.12.2018).
14. Tuzikov A.R. Fundamentals of geopolitics: textbook. allowance. - M., 2004. -- 272 p.
15. Criminal law. Special part: textbook. manual for SPO / V.V. Sverchkov. - 9th ed., Rev. and add. - M.: Yurayt Publishing House, 2016. -- 234 p.
16. Shalagin A.E. On the priority directions of the activities of the internal affairs bodies for the prevention of crimes and administrative offenses // Bulletin of Economics, Law and Sociology. - 2014. - No. 2. - P. 154.

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И РАЗВИТИЯ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ

Бунина С.Н.,

студентка Липецкого государственного технического университета

Пальчикова С.И.

ст. преподаватель кафедры уголовного и гражданского права Липецкого государственного технического университета

В статье рассматриваются общие вопросы правового обеспечения деятельности и развития нефтегазовой отрасли, проблемы, связанные с их законодательным обеспечением. Также сформулированы пути решения правовых проблем нефтегазовой отрасли и даны прогнозы ее перспективного развития. Данная статья будет полезна исследователям, изучающим вопросы правового обеспечения и развития нефтегазовой отрасли.

Ключевые слова: недра, нефтегазовое законодательство, природопользование, правовое регулирование.

Главными природными богатствами нашей страны являются нефть и газ. В первой половине XIX века в Моздоке братья Дубинины соорудили первый нефтеперегонный завод 1823 г, Артемьевы впервые в мире наладили вывоз нефти и нефтепродуктов на деревянных баржах в металлических емкостях по схеме “река-море” 1873, Шухов В. получил патент на самую совершенную в мире форсунку для сжигания жидкого нефтяного топлива, а позже разработал первую в мире установку непрерывной дробной перегонки нефти с фракционирующими тарельчатыми колоннами и изобрел первую в мире трубчатую установку термического крекинга непрерывного действия.

Нефтегазовая отрасль и в настоящее время играет особую роль в отечественной экономике. Нормативно-правовое обеспечение безопасности и функционирования нефтегазовой промышленности является ключевым звеном его успешного развития. «Хорошие правила игры» могут способствовать повышению, как общего уровня безопасности, так и конкурентоспособности любых компаний за счет достижения большей надежности работы и соответственно уверенности в завтрашнем дне.

По мнению специалистов по истории развития отечественной нефтяной промышленности на сегодняшний день нет необходимости доказывать значение энергетики в экономической и социальной жизни России и мира. Нефть, газ и уголь являются фундаментом, на котором строится экономика и в целом быт современного человека. Поэтому изучение данной отрасли, а именно ее правового обеспечения особенно актуально и нужно в наше время.

В регулировании общественных отношений в данной отрасли используются различные источники энергетического права: Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ, Земельный кодекс РФ, Градостроительный кодекс РФ, Кодекс РФ об административных правонарушениях, Уголовный кодекс РФ. Также к законам этой отрасли можно отнести Федеральный закон РФ от 08.08.2001 г. № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»²⁸⁷, Федеральный закон РФ от 30.12.1996 г. №225-ФЗ «Соглашениях о разделе продукции»²⁸⁸, Налоговый кодекс РФ (часть вторая) от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ²⁸⁹ и многие другие.

Федеральные законы, регулирующие общественные отношения в нефтегазовой отрасли: Закон РФ от 21.02.1992 N 2395–1 (ред. от 03.08.2018) “О недрах” (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) , Федеральный закон от 30.12.1995 №225-ФЗ«Соглашениях о разделе продукции», Федеральный закон от 30.11.1995 №187-ФЗ«О

континентальном шельфе Российской Федерации», Федеральный закон от 21.07.1997 №116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», Федеральный закон от №256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса», Закон Российской Федерации «О таможенном тарифе». Среди подзаконных актов следует также отметить приказы Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору.

Надо отметить, что вопросы правового регулирования в нефтегазовой отрасли являются узкоспециальными и, как показывает анализ законодательства и правоприменительной практики, в современной России пока не сложилась системная правовая основа. В связи с этим целесообразно определить основные проблемы законодательного обеспечения данной отрасли и предложить отдельные подходы к решению проблем правового регулирования, которые могут при необходимости в дальнейшем получить развитие.

В сфере природопользования на законодательном уровне закреплен двойной механизм возникновения, изменения и прекращения правоотношений между государством и природопользователями: в большинстве случаев лицензии, а не договоры служат этим основанием. Причем, согласно Федеральному закону РФ «О лицензировании отдельных видов деятельности» при лицензировании эксплуатации нефтегазодобывающих производств, переработки нефти, газа и продуктов их переработки, транспортировки по магистральным трубопроводам нефти, газа и продуктов их переработки и хранения нефти, газа и продуктов их переработки государство выступает как собственник, распоряжающийся собственными природными ресурсами. Заключаемые впоследствии договоры не имеют такой обязательной силы для сторон, как договоры гражданско-правового характера, поскольку, например, в случае изменения, приостановления или прекращения действия лицензии неизбежно наступает изменение, приостановление или прекращение договора. Но ситуация изменяется при заключении соглашения о разделе продукции в соответствии с Федеральным законом РФ от 30.12.1996 г. №225-ФЗ (ред. от 29.06.2004 г.) «О соглашениях о разделе продукции» и федеральными законами о разделе продукции на соответствующих нефтяных месторождениях. В этом случае лицензия выступает документом, производным от договора, содержание и период действия лицензии полностью зависят от урегулирования в договоре [3].

Если обратиться к нефтедобывающему сектору, то можно заметить широкое применение между нефтяными, нефтеперерабатывающими компаниями и потребителями нефти и нефтепродуктов гражданско-правовых договоров поставки и других. Однако правовое регулирование этих отношений невозможно только с помощью Гражданского кодекса РФ (части второй), поскольку он содержит лишь общие черты поименованных в нем договоров, в связи с этим важными становятся и разъяс-

нения Высшего Арбитражного Суда РФ, принятые до его отмены, и разъяснения Верховного суда сейчас. Конечно в нефтегазовой промышленности, нельзя забывать об охране окружающей природной среды, на которую негативное влияние оказывает данная отрасль. По моему мнению, необходимо вмешательство государства при регулировании гражданско-правовых отношений в нефтяной отрасли с целью защиты окружающей природной среды. Нельзя обойти вниманием и вопрос зависимости рынка нефтепродуктов от стратегии нефтяных компаний, формирующейся под воздействием цен на нефть, товарной структуры и т.д. Данная проблема освещена в прогнозе долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2030 года [2].

Полагаем, что немаловажную роль в преодолении вышеназванных проблем и выполнении поставленных стратегических задач в нефтяной и газовой отрасли играют и правовые решения, в том числе эффективное законодательное обеспечение предпринимаемых управленческих и социально-экономических мероприятий.

То есть появление специального (нефтегазового) законодательства как составной части энергетического законодательства, основанного на единых принципах, единообразном понятийно-терминологическом аппарате и представляющего собой комплексную отрасль законодательства. Подборка наиболее подходящей системы управления, налогового регулирования в сфере недропользования и совершенствования порядка передачи прав на участки недр, являющихся государственной собственностью и учитываемых добывающими компаниями в качестве активов.

Важным наблюдением является то, что проблемы, связанные с правовым регулированием отношений в топливно-энергетическом комплексе, недостаточно изучены, соответственно при отсутствии теоретических обоснований пока не сложилась необходимая система законодательного обеспечения в сфере использования первичных источников энергии, в частности углеводородов. Особенно заметна данная проблема в российском законе «о недрах», в котором отсутствуют основные термины и понятия, применяемых в целях регулирования отношений недропользования, Для освоения трудноизвлекаемых запасов углеводородного сырья необходимо применять сложные технологии бурения скважин, строительства трубопроводов. Понятно, что требования к применению современных технологий не изложены ни в одном из документов федерального уровня и фактически являются в большинстве своем нелегитимными. В 1997 году был принят Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», который, в какой-то мере, дал возможность исправить тупиковую ситуацию с нормативным обеспечением безопасности в промышленности, включая и нефтегазовую отрасль.

Термины "трудноизвлекаемые запасы", "нетрадиционные запасы" применяются и в нормативных

правовых актах, и в литературе, но четкое определение их содержания в источниках не дается. Впервые термин трудноизвлекаемых запасов появился в 70-х гг. прошлого столетия. Под ними подразумевали запасы, «разработка которых традиционными технологиями не обеспечивает необходимой эффективности с точки зрения коэффициента нефтеотдачи, а в некоторых случаях – также с позиций стоимости добычи нефти». В настоящее время общепринято, что к трудноизвлекаемым запасам относят те запасы, в отношении которых «существующие технологии не отвечают геологическим особенностям пласта», качеству находящегося в нем углеводородного сырья, и, как следствие, их разработка нерентабельна. Но следует полагать, что подходов к определению трудноизвлекаемых запасов существует немало. А с нетрадиционными запасами мы связываем те углеводороды, которые не вышли из нефтематеринских пород, а остались внутри нефтематеринских пластов, и их достаточно много.

Необходимы также обоснование и разработка мер, направленных на повышение инвестиционной привлекательности геологического изучения недр, а также на повышение эффективности работ в этой сфере, проводимых как за счет средств пользователя недр, так и за счет государства.

Такие меры могут быть закреплены в нормативных правовых актах в виде налоговых и иных льгот, а также в виде государственной поддержки и участия государства в финансировании путем заключения договоров – инвестиционных, о совместной деятельности, о государственно-частном партнерстве, направленных на стимулирование внедрения перспективных технологий добычи и интенсификацию поисково-разведочных работ. В целях экономического стимулирования геологического изучения недр целесообразно следующее:

– обоснование введения дифференцированной ставки налога на добычу полезных ископаемых;

– выработка механизмов перехода в долгосрочной перспективе на налогообложение добычи природных ресурсов на основе результатов финансово-хозяйственной деятельности организации (налог на добавочный доход);

– оптимизация механизма взимания экспортных пошлин на минеральное сырье и продукты его переработки.

Введение налоговых новаций планируется осуществлять в соответствии с мероприятиями, предусмотренными Министерством финансов Российской Федерации и заинтересованными федеральными органами исполнительной власти.

В нефтяной отрасли целесообразно было бы использовать опыт создания специального уполномоченного органа в области государственной поддержки индустриально-инновационной деятельности. Целесообразно отразить это направление в Законе РФ "О недрах" и закрепить принципы государственного управления и регулирования. При этом необходимо учитывать, что сфера недропользования – это сфера совместного ведения РФ и субъектов Федерации. Государственное

регулирование в нефтегазовом секторе экономики в целом осуществляется посредством управления, лицензирования, учета и государственного надзора. Особенность государственного управления этой отрасли заключается в государственной собственности на недра и их ресурсы (до момента извлечения), истощаемости природных ресурсов[1]. В связи с этим немаловажное значение имеют соответствующие регламентные документы компаний, принимаемые в рамках полномочий по регулированию внутренних корпоративных отношений. К ним можно отнести – устав или учредительный договор, внутренние нормативные документы иные документы, протоколы, решения. На корпоративном уровне целесообразно принятие соответствующих локальных актов – стандартов организации, положений, методических рекомендаций, направленных на повышение нефтеотдачи в условиях ухудшения качества остаточных и вновь открываемых запасов нефти[4].

В целом следует отметить необходимость формирования системного непротиворечивого законодательного обеспечения развития нефтегазовой отрасли в рамках формирования и развития энергетического законодательства.

Литература

1. О недрах [Электронный ресурс]: закон РФ от 21 февраля 1992 № 2395–1 Режим доступа: <http://consultant.ru>, свободный.

2. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России) // СПС КонсультантПлюс.

3. Салиева Р.Н. Законодательное обеспечение нефтедобычи в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Предпринимательство и право. – 2016. – С.6.

4. Кайргалиев Д.В., Васильев Д.В., Мельников И.Н. и др. Криминалистическое исследование нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов. – М.: Русайнс, 2018.

Issues of legal support for operations and development of the oil and gas industry

Bunina S.N., Palchikova S.I.

Lipetsk State Technical University

The article discusses general issues of legal support for the activities and development of the oil and gas industry, problems associated with their legislative support. Also, the ways of solving legal problems of the oil and gas industry were formulated and forecasts of its future development were given. This article will be useful for researchers studying the issues of legal support and development of the oil and gas industry.

Key words: subsoil, oil and gas legislation, nature management, legal regulation.

References

1. On the subsoil [Electronic resource]: RF law of February 21, 1992 No. 2395-1 Access mode: <http://consultant.ru>, free.

2. Forecast of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2030 (developed by the Ministry of Economic Development of Russia) // SPS ConsultantPlus.

3. Salieva R.N. Legislative support of oil production in the Russian Federation: state and development prospects // Entrepreneurship and Law. - 2016. - P.6.

4. Kairgaliev DV, Vasiliev DV, Melnikov IN. and other Forensic research of oil products and fuels and lubricants. - M.: Rusays, 2018.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

Бесхмельнов Максим Игоревич

студент Института экономики и права РТУ МИРЭА.

Симакова Диана Евгеньевна

студентка Института комплексной безопасности и специального приборостроения РТУ МИРЭА.

Ахонин Андрей Сергеевич,

ст. преподаватель, кафедры интеллектуальных прав РТУ МИРЭА.

В статье рассматриваются факторы, которые оказывают негативное влияние на последовательную реализацию принципа правового государства в современной России. Отмечается, что развитие киберприступности содержит такие проблемы, как достаточно высокий уровень коррупции и преступности в современном обществе, а также несовершенство законов.

Ключевые слова: киберприступность, права и свободы человека, мошенничество, коррупция, преступность, несовершенство законов.

Сегодня в 21 веке - веке информационных технологий, человечество уже не может представить свою жизнь без смартфонов и выхода в интернет. Однако, мировая паутина имеет свои уязвимости, о чём знают немногие.

Люди защищают свои аккаунты паролями. Значит, им есть что скрывать. Но насколько хрупка система защиты, которую они выстраивают сами?

По статистике, каждый десятый аккаунт можно взломать с помощью подбора паролей. Самые популярные – «qwerty», «123456», «654321», «password», «starwars», «solo».⁶ Люди, далёкие от английского применяют для входа такие сочетания: «откройся», «отвали» или просто «пароль». Также в качестве пароля часто используют дату своего рождения, кличку домашнего животного или номер телефона, не задумываясь о том, насколько легкодоступны эти данные.

Человечество само упрощает жизнь хакерам, ведь для взлома могут даже не понадобится атаки «Brute force», которые строятся на полном переборе всех возможных вариантов ключей.

Каждый пятый пользователь защищает свои данные единым сочетанием символов. Имея доступ хотя бы к одному аккаунту такого человека, можно с лёгкостью получить возможность воспользоваться его почтой и иной личной информацией, представленной в сети.

Чтобы обезопасить себя, можно использовать двухфакторную аутентификацию – метод идентификации пользователя с запросом аутентификационных данных двух разных типов. Обычно на первом этапе это логин и пароль, на втором – код, который приходит по SMS, на электронную почту или генерируется в приложении-аутентификаторе на мобильном устройстве. Это позволит усилить защиту учётной записи.

На сегодняшний день имеется несколько альтернатив обычным паролям. Одна из них – биометрические данные.

Надёжность этого метода кажется выше, но так ли это на самом деле? Совсем недавно группе хакеров удалось получить отпечатки немецкого министра обороны Германии – Урсулы фон дер Ляйен по фотографии из выпуска новостей. Достичь этого им удалось при помощи программы «VeriFinger», доступной любому пользователю интернета. Инновационная разработка «Apple» Face ID тоже имеет свои уязвимые точки, несмотря на то, что вероятность взлома этой технологии 1 к 1 000 000. Если злоумышленник похож на вас, ему не

⁶ См: М.И. Бабиненко Хакер: взлом и защита М- 2016 г.

составит труда воспользоваться вашим устройством. Также не стоит забывать и о 3D-принтерах, на которых возможно распечатать маску-копию лица. Достаточно создать форму, слепить нос, а на место губ и глаз наклеить детальные двумерные изображения.

Изменить пароли несложно, но, если у злоумышленника имеется ваша биометрия, он навсегда получает доступ к данным. Перевыпустить палец, глаз или переписать молекулы ДНК невозможно.

Уже сегодня невероятные научно-фантастические сериалы «Чёрного зеркала» и «Мистера Робота» становятся реальностью. Холодильники, микроволновки, тостеры сейчас подключаются к интернет-сети и участвуют в Ddos-атаках.

Чаще всего эти атаки используют с целью экономического давления, ведь приостановление работы веб-сайта несёт за собой серьёзные убытки: простой заказа оборота, восстановление работоспособности представляют собой большие расходы. Также подобный способ является поводом для вымогательства денег.⁷

Одна из самых известных DdoS-атак произошла в 2016 году. 300 000 устройств по всему миру были объединены в бот-сеть «Mirai». В результате действий армии ботов пострадали сайты «Airbnb», «Github», «Netflix», «Reddit», «Twitter». Что интересно, в этой DdoS-атаке использовали не только смартфоны, компьютеры, но и видеорегистраторы, камеры и даже тостеры.

Интернет вещей активно внедряется в нашу жизнь. Безусловно, это очень удобно. Но что, если кто-то другой будет решать, какую яркость лампочек ставить в вашей спальне? Умные осветительные приборы можно взломать, подбравшись поближе на автомобиле или просто пролетев мимо на квадрокоптере. Всё – от чайника до автоматических дверей может начать работать против человечества.

Да, можно много рассуждать об уязвимости технологий. Но всё же самое слабое звено в системе безопасности – человек. Недаром хакеры используют «социальную инженерию», которая занимает первое место в списке 10 самых популярных методов взлома. Способов воплощения этой атаки несколько: «Лов на живца», подразумевающий под собой заманивание на сайт пользователя обманным путём, «Фишинг», который представляет рассылку сообщений для получения конфиденциальных данных, аналогичная ему рассылка аудиосообщений – «Вишинг», «лже-антивирус» – вирус, маскирующийся под программное обеспечение и другие. Чаще всего всё строится на невнимательности людей.⁸

В 2019 году человечество стало киберграмотнее, в связи с чем скачивание вредоносного программного обеспечения происходит реже. Правда, об этом знают и хакеры, поэтому создан новый тип атак «Drive-by download», благодаря которому заражение может произойти посредством перехода по веб-ссылке. Для этого используется уязвимость браузеров, которые позволяют независимо запустить свой код.

В настоящее время с киберпреступностью ведётся активная борьба. Созданы специальные компании, которые занимаются расследованиями преступлений с использованием информационных технологий. Одна из самых известных – Group-IB, возглавляемая Ильёй Сачковым. Основание её произошло в далёком 2003 году студентами кафедры информационных безопасности МГТУ им Н. Э. Баумана. В 2019 году компания является международной, а за её плечами множество расследований в сфере кибератак.

Также немаловажную роль в киберпреступлениях играет государственное регулирование. Перечень хищений денежных средств, которые совершаются с использованием компьютерных технологий включает в себя: кражу (Ст. 159.3 УК) мошенничество в сфере информации (159.6 УК), а также присвоения и растраты (ст. 160 УК).⁹

Стоит рассмотреть подробнее и кражу (ст.158 УК). В качестве кражи, следует подразумевать под собой действие лица, совершившего незаконное изъятие денежных средств с банковского счёта путём использования банковской карты, кодов, специальных программ и различных средств взлома в тайне от лица, обладающего данным счётом. Из кражи может последовать мошенничество с использованием платёжной карты (ст 159.3 УК) и это будет предполагать хищение денежных средств с платёжной карты путём обмана.

Рассмотрев множество анализов уголовных дел и судебной практике по вопросам привлечения лиц к ответственности по данным статьям, позволяет нам сделать некий вывод, что на сегодняшний день отсутствует единая судебная практика для квалификации этих деяний.

Литература

1. Закатов А.А. и Намнясев В.В. Организация расследования хищений денежных средств, совершаемых с использованием компьютерных технологий. М-2017г.
2. Бабиненко М.И. Хакер: взлом и защита М-2016 г.

Problems of the development of cyber crime in modern realities

Beshmelnov M.I., Simakova D.E., Akhonin A.S.
RTU MIREA.

The article examines the factors that have a negative impact on the consistent implementation of the principle of the rule of law in modern Russia. It is noted that the development of cyber crime

⁷ См: Закатов А.А. и Намнясев В.В. Организация расследования хищений денежных средств, совершаемых с использованием компьютерных технологий. М-2017г.

⁸ См: Закатов А.А. и Намнясев В.В. Организация расследования хищений денежных средств, совершаемых с использованием компьютерных технологий. М-2017г.

⁹ См: "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019)

contains such problems as a fairly high level of corruption and crime in modern society, as well as imperfect laws.

Key words: cyber crime, human rights and freedoms, fraud, corruption, crime, imperfection of laws.

References

1. Zakatov A.A. and Namnyasev The.The. Organization of investigation of theft of funds committed using computer technology. M-2017

2. Babinenko M.I. Hacker: hacking and protecting M - 2016